ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ

МАКЛЕОДА.

Разсужденіе, представленное въ Юридическій Факультетъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета для полученія степени Магистра политической экономіи.

И. Иванюковымъ.

БИБЛІОТЕКА

С.-Петербургъ.
Въ Типографіи В. Демакова. В. О., 9 л. № 22.

1870.

3к

„Пров 38“

По опредѣленію Юридическаго факультета Императорскаго Спб. Университета, печатать разрѣшается. 6 марта 1870 года.

Деканъ *И. Горловъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

§ 1. Ступени развитія политической экономіи.—Разборъ воззрѣнія Маклеода на границы политической экономіи . . 5

§ 2. О законахъ мѣны при полной покупкѣ-продажѣ предметовъ. — О прибыли. — О металлическихъ деньгахъ. — Взглядъ Маклеода и протекціонизмъ. — О законахъ мѣны при покупкѣ-продажѣ предметовъ на опредѣленный періодъ пользованія. 21

§ 3. Взглядъ Маклеода на основное свойство денегъ.—Орудія обращенія не составляютъ капитала. 52

§ 4. Сущность кредита.—Кредитные знаки не представляютъ имущество.—Кредитъ, создавая орудія обращенія, не создаетъ тѣмъ самымъ цѣнностей. 74

§ 5. Причины коммерческихъ и денежныхъ кризисовъ.—Основное заблужденіе теоріи Ло. Бумажное денежное обращеніе не можетъ быть основано ни начемъ другомъ, какъ только на металлическомъ фондѣ. — Дѣятельность англійскаго банка во время кризисовъ 1783; 1793 и 1825 годовъ Раціональное регулированіе учетнымъ процентомъ въ состояніи предотвратить банковые и облегчить коммерческіе кризисы. 97

§ 6. Вексельные курсы. 121

§ 7. Заключеніе. 130

Шотландскій экономистъ Маклеодъ написалъ и издалъ въ свѣтъ три сочиненія: «Теорія и практика банковаго дѣла (Theory and Practice of Banking), Основанія политической экономіи (Elements of Political Economy) и Словарь политической экономіи (Dictionary of Political economy)». Второе изъ этихъ сочиненій, явившееся въ свѣтъ въ 1857 году, имѣетъ, по словамъ автора, цѣлью утвердить новыя основанія политической экономіи, высказанныя имъ уже въ его Теоріи и практикѣ банковаго дѣла. Первый трудъ заключаетъ въ себѣ много частностей, относящихся къ банковому дѣлу и исторіи денежнаго обращенія въ Англіи; второй же стремится, главнымъ образомъ, увеличить количество и усилить качество аргументовъ съ цѣлью упроченія *«новыхъ»* основаній науки. Характеръ третьяго труда указывается самымъ заглавіемъ. Сочиненіе «Основанія политической экономіи», явившееся съ притязаніемъ на такое важное значеніе, возбудило къ себѣ большое вниманіе экономической литературы. Были высказаны различныя мнѣнія. Ришло, предлагая вниманію экономистовъ основныя положенія этого труда, видитъ въ немъ переворотъ на-

уки; [1]) другіе же, разбирая преимущественно кредитную теорію Маклеода, какъ наиболѣе оригинальную сторону его ученія, или, подобно Мишелю Шевалье, соглашались съ нимъ [2]) или, какъ Блезъ и Клеманъ, возражали ему. [3]) Берлинскій ученый Отто - Михаэлисъ, разбирая «Теорію и практику банковаго дѣла», хотя во многомъ не соглашается съ Маклеодомъ, въ особенности же съ его теоріею кредита, тѣмъ неменѣе признаетъ за этимъ трудомъ значительныя достоинства. [4])

Принимая во вниманіе, что экономическія воззрѣнія Маклеода породили разномысліе относительно существенныхъ вопросовъ политической экономіи, мы, въ интересѣ уясненія и упроченія истинныхъ началъ науки, считаемъ полезной дальнѣйшую оцѣнку экономическихъ воззрѣній шотландскаго экономиста. Чуждые претензіи считать свое мнѣніе окончательнымъ, мы признаемъ въ тоже время за критикою большую силу въ дѣлѣ развитія и объединенія понятій; исходя изъ этого убѣжденія, мы охотно обращаемъ нашъ посильный трудъ на изслѣдованіе экономической теоріи Маклеода. Осно-

---

[1]) Книга, изданная Ришло, носитъ слѣдующее названіе: «Une revolution en Economie Politique. Exposé des doctrines de M Macleod, par Henri Richelot Paris 1863 an.»

[2]) Journal des economistes, août 1862 «Des définitions et de la nature du numéraire et du crédit à l'occasion de deux ouvrages de H. D. Macleod. Elements d'Economie Politique et Dictionnaire d'Economie Potitique.»

[3]) Journal des Economistes. Septembre 1862. «Le crédit est-il un capital» par Ad. Blaise. «Numéraire, capital, crédit.» par Ambr. Clément.

[4]) Vierteljahrsschrift für Volkswirthschaft und Kulturgeschichte. 1863. IV.

ваніемъ нашего изслѣдованія мы принимаемъ второе сочиненіе Маклеода, «Основанія политической экономіи», какъ представляющее наиболѣе систематическое изложеніе его экономическихъ воззрѣній.

§ 1.

Ступени развитія политической экономіи. Разборъ воззрѣнія Маклеода на границы политической экономіи.

Всматриваясь въ историческое развитіе общественныхъ наукъ, нельзя не замѣтить строгаго соотвѣтствія ихъ содержанія характеру современной имъ эпохи. Характеръ эпохи выражается въ политическихъ учрежденіяхъ, экономическомъ строѣ жизни, нравахъ, понятіяхъ, въ запасѣ знаній и живыхъ стремленіяхъ времени. Всѣ эти элементы опредѣляютъ какъ кругъ предметовъ, которыми занимаются общественныя теоріи, такъ и характеръ воззрѣній на изслѣдуемые ими вопросы. Степень вліянія каждаго изъ этихъ элементовъ различна во времени; ходъ развитія общественныхъ теорій съ точки зрѣнія этого вліянія таковъ, что наличность культуры и догматическихъ понятій въ теоріяхъ все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто методическому анализу явленій, опирающемуся на прогрессивно увеличивающееся количество знаній. Чѣмъ полнѣе теорія объ обществѣ вообще, или о какой-либо сторонѣ общественной жизни опредѣляется послѣднимъ элементомъ, тѣмъ болѣе она получаетъ научный характеръ. Теорія, которая путемъ методическаго изслѣдованія открыла нор-

мы разсматриваемыхъ ею явленій и, приведя найденныя ею нормы въ систему, уяснила, хотя бы въ общихъ чертахъ, внутреннюю связь явленій,—достигла уже научнаго значенія. Теорія, занимающаяся изслѣдованіемъ экономической стороны общественной жизни, стремящаяся отыскать причины, способствующія умноженію народнаго богатства, получила такое научное значеніе въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, когда гласговскій профессоръ Адамъ Смитъ издалъ въ свѣтъ «Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ». Геніальная наблюдательность, соединенная съ большими знаніями, послужила Адаму Смиту къ открытію той силы, отъ которой зависитъ богатство общества. *Трудъ*, говоритъ знаменитый профессоръ, *есть сила, посредствомъ которой нація пріобрѣтаетъ всѣ свои богатства.* Установивъ основное положеніе экономической науки, онъ идетъ къ разсмотрѣнію условій, увеличивающихъ производительность труда. Законы раздѣленія труда и сотрудничества, требованіе свободы торговли и промышленности, разоблаченіе нелѣпости меркантильной теоріи, которая, оправдывая войны, ведущіяся съ цѣлью отбить рынки у иностранцевъ, принесла столь много зла человѣчеству,—являются замѣчательными результатами этого анализа. Далѣе, разсматривая условія, опредѣляющія цѣнность продуктовъ, Адамъ Смитъ показалъ, что и здѣсь элементъ труда играетъ первостепенную роль, ибо постоянная мѣновая цѣнность значительнаго большинства продуктовъ опредѣляется стоимостью труда, употребленнаго на созданіе ихъ;—что къ стоимости производства продукта, какъ къ центру, тяготѣютъ цѣны товаровъ, временно опредѣляющіяся спросомъ и предложеніемъ. Съ отысканіемъ нормы, управляющей цѣнами продуктовъ, уясняются и условія распредѣленія продуктовъ. Такимъ образомъ, Адамъ Смитъ, — указавъ на за-

коны современнаго экономическаго устройства общества и выяснивъ, въ общихъ чертахъ, внутреннюю связь экономическихъ явленій, тѣмъ самымъ создалъ научный фундаментъ политической экономіи. Поставленная такимъ образомъ на прочныя основанія, политическая экономія продолжала развиваться какъ изъ самой себя, такъ и вслѣдствіе новыхъ фактовъ, возникающихъ при дальнѣйшемъ развитіи жизни. Трудъ, будучи силою, создающею продукты, можетъ умножаться въ двухъ направленіяхъ: интенсивномъ—черезъ улучшеніе его качества, организаціи, техническихъ пріемовъ и протенсивномъ—черезъ увеличеніе населенія. Изслѣдовавъ подробно существенные вопросы относительно интенсивнаго умноженія труда, Адамъ Смитъ не успѣлъ поднять вопросъ о населеніи, серьезная разработка котораго впервые была начата Мальтусомъ. Здѣсь не мѣсто излагать теорію Мальтуса и основательныя на нее возраженія Упоминаніе его теоріи, а также другихъ, сдѣланное нами ниже, имѣетъ единственною цѣлью отмѣтить моменты дальнѣйшаго развитія науки. Важный вопросъ о наемной платѣ былъ разрѣшенъ Адамомъ Смитомъ довольно общимъ образомъ; устремивъ свое вниманіе на изысканіе причинъ, опредѣляющихъ величину наемной платы вообще, онъ недостаточно изслѣдовалъ ту составную, не каждой наемной платѣ присущую, часть, которая обусловливается исключительностью нанимаемаго предмета и которая въ особенности играетъ важную роль въ поземельной наемной платѣ. Ученая слава Рикардо опирается на его глубокомъ анализѣ этой составной части, получившей спеціальное названіе ренты,—анализѣ, который привелъ Рикардо къ опредѣленію ея характера, ея экономическаго значенія и причинъ, опредѣляющихъ ея величину Сэй, выгородивъ изъ политической экономіи политику, съ которою постоянно смѣшивали ее экономисты

XVIII вѣка, тѣмъ самымъ точнѣе опредѣлилъ область ея изслѣдованій. Политическая экономія, по мнѣнію Сэя, занимается изслѣдованіемъ законовъ — производства, распредѣленія и потребленія богатствъ. Далѣе онъ указалъ на ошибочность ограничивать понятіе о капиталѣ исключительно матеріальными предметами; трудъ и капиталъ суть главныя орудія производства богатствъ; капиталомъ же называется результатъ сбереженнаго труда; а потому умственныя и нравственныя силы общества, представляя результатъ труда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимый элементъ къ успѣшному развитію матеріальнаго благосостоянія, сами собой подходятъ подъ понятіе капитала. Итакъ политическая экономія должна разсматривать два вида капитала: капиталъ вещественный и капиталъ интеллектуальный. Трудами Пасси и Делаверна было положено начало систематической разработкѣ земледѣльческихъ культуръ, а Тюненъ и за нимъ Рошеръ показали тѣсную зависимость сельскохозяйственныхъ культуръ отъ экономическаго быта страны.

Время шло и ученіе Адама Смита, при сильномъ вліяніи промышленнаго класса на государственныя дѣла, быстро проникало въ жизнь. Открытія техники, желѣзныя дороги, каналы, крайнее раздѣленіе труда, создали колоссальныя богатства. Само государство перемѣнило видъ, сдѣлавшись изъ феодальнаго промышленно-юридическимъ. Жизнь представила массу новыхъ фактовъ, порожденныхъ экономическимъ движеніемъ 19-го вѣка. Время для оцѣнки этого движенія настало. Изслѣдуя съ этою цѣлью основы промышленнаго движенія, увидѣли, что, создавая громадныя богатства въ рукахъ однихъ, они не въ состояніи устранить крайней бѣдности огромнаго большинства рабочихъ людей,—что крайнее проведеніе принципа раздѣленія труда ведетъ къ одичалости и отупѣнію,—что без-

условная свобода промышленности, требующая, во имя самостоятельности человѣка, предоставленія всего естественному ходу дѣлъ и устраняющая, поэтому, всякое вмѣшательство государства въ экономическую жизнь общества,—не можетъ быть оправдана. Время, когда писалъ Адамъ Смитъ свои изслѣдованія о богатствѣ народовъ, было временемъ борьбы противъ остатковъ феодальныхъ стѣсненій, цеховой регламентаціи, меркантильныхъ запрещеній, а потому понятны его страстные нападки на вмѣшательство общественной власти въ экономическую сферу жизни общества. Оглядываясь на варварскія стѣсненія предшествующаго времени, задерживавшія свободное развитіе народныхъ силъ, Адамъ Смитъ естественно могъ думать, что съ водвореніемъ свободной промышленности послѣдняя собственною своею силою доставитъ матеріальное благосостояніе каждому члену общества; свобода промышленности была передовымъ знаменемъ того времени; стоя во главѣ умственнаго движенія, преданный душою живымъ стремленіямъ вѣка, Адамъ Смитъ натурально видѣлъ только свѣтлыя стороны зародившихся стремленій и полагалъ, какъ выражается Бланки, что «вѣчная весна царитъ въ новооткрытой имъ землѣ». Геніальный наблюдатель, геніальный мыслитель, Адамъ Смитъ былъ въ тоже время геніальный сынъ своего времени. Но выясненные жизнью результаты промышленнаго движенія, начавшагося съ конца прошлаго столѣтія, показали, что несмотря на громадное накопленіе богатствъ, матеріальное положеніе огромнаго большинства рабочаго населенія не можетъ однако быть названо удовлетворительнымъ; рядомъ съ бѣдностью явилось новое тяжкое экономическое положеніе—пролетаріатъ. Отсюда начинается критическая оцѣнка экономическаго устройства общества. Одни изъ мыслителей, указывая на темныя стороны современнаго экономическаго порядка, или, подобно Сисмонди, призна-

вались въ безсиліи указать на средства къ ихъ устраненію или, какъ Виконтъ Альбанъ де Вильневъ Баржемонъ, предлагали обществу проникнуться принципами христіанской нравственности — любовью и милосердіемъ. Другіе, не ограничиваясь критическою оцѣнкою, излагали свои мысли о средствахъ, могущихъ устранить невыгодныя экономическія стороны. Критическій анализъ экономическихъ явленій, вызванный самою жизнью, указалъ обществу важную задачу, выполненіе которой должно составить предметъ его главнѣйшихъ заботъ. Милль въ своемъ сочиненіи «Основанія политической экономіи» говоритъ, что законодатель долженъ имѣть въ виду не столько безотносительное возрастаніе продукта, сколько увеличеніе его относительно къ числу лицъ, между которыми онъ дѣлится. Такимъ образомъ, вопросъ о средствахъ, способствующихъ общему распространенію матеріальнаго благосостоянія, сталъ вопросомъ дня и вопросомъ науки. Сознали, что политическая экономія, какъ и всякая общественная наука, не можетъ ограничиться истолкованіемъ только того, *что есть*, но должна также стремиться къ уясненію того, *что должно быть*. Подъ вліяніемъ положительныхъ результатовъ, добытыхъ критическимъ анализомъ экономическихъ явленій, стала возникать, въ концѣ 40-хъ годовъ, новая форма промышленной организаціи, сущность которой заключается въ соединеніи труда и капитала въ коллективной власти товарищества трудящихся лицъ съ цѣлью доставить каждому члену товарищества возможность пользоваться всѣми плодами своего труда. Жизненность этой новой промышленной формы, получившей названіе рабочей ассоціаціи, достаточно свидѣтельствуется, если она, выдержавъ еще въ зародышѣ сильную противъ нея реакцію и потомъ встрѣчаясь со всевозможными препятствіями на пути къ своему развитію, продолжала постепенно рас-

пространяться и заняла теперь видное мѣсто какъ въ жизни, такъ и въ теоріи. За ней признаютъ великую будущность, въ ней видятъ ту промышленную форму, которая соединитъ матеріальное благосостояніе, свободу, независимость человѣка съ экономическими выгодами большаго производства. Таковъ, въ главныхъ чертахъ, былъ генетическій путь развитія экономической науки.

Выяснившись полнѣе другихъ общественныхъ наукъ, политическая экономія не успѣла однако еще съ должною опредѣленностью установить границы своихъ изслѣдованій; до сихъ поръ, между экономистами нѣтъ согласія воззрѣній касательно свойствъ и пространства предметовъ, долженствующихъ войти въ науку. Тѣсная связь, напр., существующая между государственнымъ устройствомъ и промышленною жизнью общества, взаимное вліяніе ихъ другъ на друга очевидно указываютъ на невозможность изолированнаго ихъ изслѣдованія. Далѣе, правительство, какъ органъ государственной власти, имѣетъ въ теоріи источникомъ и цѣлью — осуществленіе блага частныхъ лицъ; экономическое благо, какъ общества такъ и частныхъ лицъ, заключается въ матеріальномъ благосостояніи; къ матеріальному благосостоянію стремится и каждый отдѣльный человѣкъ; возникающій отсюда вопросъ — въ какихъ случаяхъ правительство должно предоставить достиженіе этой цѣли силамъ отдѣльнаго лица и въ какомъ должно употребить предоставленныя ему средства — разрѣшается въ теоріи очень просто. правительственное вмѣшательство должно имѣть мѣсто всюду, гдѣ только разъединенныя силы частныхъ людей оказываются недостаточными къ достиженію ими матеріальнаго благосостоянія. Соглашаясь въ принципѣ съ такимъ положеніемъ мыслители много расходятся относительно объема его приложенія. Разногласіе касательно круга предметовъ,

которыми должна заниматься политическая экономія, вызвало у нѣкоторыхъ экономистовъ мысль вдвинуть науку въ тѣсныя рамки вопросовъ, относительно объема содержанія которыхъ не существуетъ никакихъ сомнѣній и которыя, по своему характеру, принадлежатъ исключительно наукѣ — политической экономіи. Такими безспорными—они признаютъ вопросы, занимающіеся изслѣдованіемъ мѣновыхъ нормъ. Маклеодъ, являясь сторонникомъ такого ограниченія науки, говоритъ, что на его взглядъ настоящій и единственный предметъ, которымъ должна заниматься политическая экономія, заключается въ открытіи законовъ, управляющихъ мѣновыми отношеніями количествъ.» [1])

---

[1]) The Elem of Polit Econ by Macleod., p VI.

Такой взглядъ на границы политической экономіи впервые былъ высказанъ англійскимъ писателемъ Ричардомъ Уатли (Whateley), предложившимъ поэтому назвать политическую экономію «каталактикою» или наукою обмѣна (Introductory lectures on Political Economy. London 1832). Рошеръ считаетъ подобное воззрѣніе слишкомъ узкимъ (Начала народнаго хозяйства, т. I. 1854). Милль говоритъ: «еслибы это названіе казалось мнѣ логически вѣрнымъ, то я долженъ былъ бы помѣстить анализъ основныхъ законовъ цѣнности въ самомъ началѣ своего трактата, а не отложилъ бы его до третьей книги; и уже одна возможность отлагать его такъ долго достаточно показываетъ, что ограничивать предметъ политической экономіи обмѣномъ значитъ слишкомъ стѣснять ее. Очевидно, что изъ двухъ великихъ отдѣловъ политической экономіи понятіе цѣнности относится лишь къ распредѣленію богатства, не относясь къ его производству, да и распредѣленія оно касается лишь въ той мѣрѣ, въ какой распредѣляющею силою является соперничество, а не обычай или обыкновеніе. Условія и законы производства остались бы точно тѣ же, какъ нынѣ, еслибы устройство общества не зависѣло отъ обмѣна или не допускало его. Даже и при нынѣшнемъ устройствѣ промышленной жизни, когда занятія раздѣлены очень дробно и вознагражденіе всѣхъ участвующихъ въ производствѣ опредѣляется цѣною какого-нибудь одного товара, даже и тутъ обмѣнъ не служитъ основнымъ закономъ распредѣленія продукта, все равно какъ дороги и фуры не служатъ су-

Въ силу такого опредѣленія политическая экономія не должна заниматься вопросами: какъ производятся богатства, какую роль играютъ въ народно-хозяйственномъ быту элементы производства—трудъ, земля и капиталъ, чѣмъ обусловливается ихъ производительность, какая существуетъ связь между сельскохозяйственными системами и экономическимъ бытомъ страны и многими другими, входящими нынѣ въ кругъ ея изслѣдованій, вопросами. Въ доказательство истины подобнаго воззрѣнія на экономическую науку авторъ приводитъ сдѣдующія соображенія.

Единичныя усилія человѣка не достаточны для удовлетворенія всѣхъ его потребностей; онъ нуждается въ помощи другихъ лицъ. Но чтобы получить что-либо изъ результатовъ труда другихъ, онъ долженъ предложить взамѣнъ пріобрѣтаемаго нѣчто отъ себя Съ цѣлью какъ можно выгоднѣе обмѣнять продукты своего труда, каждый членъ общества изучаетъ потребности согражданъ и тѣмъ упрочиваетъ взаимное удовлетвореніе нуждъ; сообразно выяснив-

---

щественными законами движенія, а составляютъ лишь часть механизма, посредствомъ котораго идетъ движеніе. Смѣшивать эти понятія значитъ, по моему мнѣнію, дѣлать нетолько логическую, но и практическую ошибку Въ политической экономіи слишкомъ часто дѣлаютъ ту ошибку, что не различаютъ необходимость, возникающую изъ существа дѣла, отъ необходимости, создаваемой общественнымъ устройствомъ; и это, какъ мнѣ кажется, всегда производитъ два противоположныя дурныя послѣдствія. Съ одной стороны политико-экономы ставятъ часто временныя истины своего предмета въ рядъ вѣчныхъ и всеобщихъ его законовъ; а съ другой стороны оттого же самаго многіе принимаютъ вѣчные законы производства (какъ напримѣръ законы, на которыхъ основана необходимость сдерживать размноженіе людей) за временныя и случайныя послѣдствія нынѣшняго общественнаго устройства,—послѣдствія, которыми можно пренебрегать при составленіи новой системы общественнаго устройства». (Основанія политической экономіи, т. I, ст. 491).

шимся потребностямъ общества *опредѣляется направленіе производства*. Распредѣленіе продуктовъ *должно быть* основано на томъ принципѣ, что каждый получаетъ исключительное право собственности на результаты своего труда. Владѣя результатами личной дѣятельности, люди необходимо вступаютъ въ мѣновыя сдѣлки, которыя съ своей стороны подчинены нѣкоторымъ законамъ; изслѣдованіемъ природы этихъ законовъ, изысканіемъ различныхъ размѣровъ, въ которыхъ обмѣниваются другъ на друга товары, и должна въ сущности, по мнѣнію Маклеода, ограничиваться политическая экономія. [1]) На этомъ аргументація и кончается.

Мы полагаемъ — для того, чтобы поколебать исторически развившіяся границы науки, показать несостоятельность воззрѣнія на политическую экономію, положеннаго Адамомъ Смитомъ, дополненнаго его преемниками и принятаго нынѣ большинствомъ экономистовъ, и утвердить новое воззрѣніе на ея границы и содержаніе, слѣдовало бы привести болѣе важные аргументы. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается сущность доводовъ автора? Въ нихъ говорится, что сознаніе человѣка о невозможности собственными силами удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ ведетъ за собою взаимный обмѣнъ услугъ между людьми; являющееся вслѣдствіе обмѣна знакомство съ потребностями общества *достаточно опредѣляетъ направленіе производства*; что же касается до *распредѣленія*, то оно должно быть основано на принципѣ исключительнаго пользованія плодами труда; а потому единственную задачу политической экономіи составляетъ изслѣдованіе сущности законовъ, регулирующихъ мѣновыя отношенія количествъ.

Мы не можемъ признать удовлетворительными ни по-

[1]) Macleod. Ch. Nature and limits of the science, p 9 10.

сылокъ, ни вывода автора. Начнемъ съ того, что положеніе, будто производство вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ общества, не согласуется съ дѣйствительными фактами; достаточно указать съ этою цѣлью на коммерческіе кризисы, причина которыхъ, по общему признанію, лежитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ несоотвѣтствующемъ потребностямъ общества производствѣ продуктовъ. Глубокія потрясенія, производимыя коммерческими кризисами въ экономической жизни общества, не ставятъ ли экономической наукѣ категорическаго требованія стремиться къ изысканію средствъ, способныхъ нетолько облегчить, но и предупредить ихъ появленіе; слѣдуя же воззрѣнію Маклеода, требующему устраненія изъ науки вопросовъ производства, пришлось бы отказаться отъ изысканія такихъ средствъ, или возложить эту обязанность, вопреки всѣмъ научнымъ правиламъ, на какую-либо другую общественную науку, занимающуюся совершенно другою стороною общественной жизни. Дѣйствительно, исходя изъ воззрѣнія, что политическая экономія должна заниматься только вопросами обмѣна, и ограничивая поэтому свое сочиненіе «Основанія политической экономіи» мѣновыми сдѣлками, Маклеодъ, при разборѣ коммерческихъ кризисовъ не могъ войти въ изслѣдованіе основной причины промышленныхъ потрясеній и принужденъ былъ ограничиться только указаніемъ вліянія банковыхъ операцій на коммерческіе кризисы. Но банковыя операціи, какъ увидимъ ниже, въ состояніи только уменьшить размѣры кризиса, но отнюдь не предотвратить его. Но предположимъ, что общество достигло такого состоянія, при которомъ производство вполнѣ соотвѣтствуетъ общественнымъ потребностямъ, — и тогда уясненіе условій, способствующихъ успѣхамъ производства, не составляетъ ли одну изъ важнѣйшихъ общественныхъ задачъ національной экономіи? А въ такомъ

случаѣ устраненіе вопросовъ производства изъ круга предметовъ, входящихъ въ политическую экономію, возможно было только тогда, еслибы было доказано, вопервыхъ, что правила научной классификаціи не оправдываютъ вѣданія ихъ экономическою наукою, и, вовторыхъ, какъ необходимый выводъ, была бы указана наука, долженствующая принять на себя изслѣдованіе этихъ вопросовъ. Но ни того ни другаго не сдѣлано въ разбираемомъ нами сочиненіи. Тоже самое должно сказать и о распредѣленіи. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, очевидно, что авторъ нетолько не доказалъ, чтобы научная классификація требовала ограниченія экономической науки обмѣномъ, но не выставилъ даже сколько-нибудь серьёзныхъ доводовъ въ защиту подобнаго воззрѣнія. Политическая экономія въ силу научныхъ требованій изслѣдуетъ всю совокупность экономическихъ явленій, и обмѣнъ входитъ въ нее только какъ одна изъ сторонъ народно-хозяйственной жизни вообще.

Маклеодъ, разсматривая объемъ содержанія науки, какъ онъ выразился въ трудахъ Адама Смита, Сэя, Сеніора и Джона Стюарта Милля, не видитъ единства мнѣній этихъ писателей насчетъ объема избраннаго ими предмета. Такое обстоятельство служитъ, повидимому, автору одною изъ побудительныхъ причинъ вмѣстить политическую экономію въ установленныя имъ для нея рамки. На нашъ взглядъ такое отсутствіе единства воззрѣній на содержаніе науки у перечисленныхъ писателей представляется дѣломъ совершенно неизбѣжнымъ. Жизнь и наука развиваются съ каждымъ поколѣніемъ; съ измѣненіемъ понятій общества, съ усовершенствованіемъ всей совокупности наукъ измѣняется взглядъ на предметъ каждой частной науки. Девяносто три года прошло уже съ того времени, какъ писалъ Адамъ Смитъ свое «Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ». Слѣдо-

вавшіе за нимъ изслѣдователи политической экономіи разрабатывали далѣе наличное содержаніе науки и вносили въ тоже время въ нее новые, самою жизнью поставленные вопросы. Такимъ путемъ развиваются всѣ общественныя науки; матеріаломъ для ихъ изслѣдованій служитъ жизнь человѣчества; чего не знаетъ жизнь, того не знаетъ и наука. Формы жизни преемственно измѣняются, расширяются,—измѣняется и содержаніе самой науки; а потому различіе между трудами Смита и Милля, какъ вполнѣ естественное, ничуть не должно было смущать Маклеода. Напротивъ, было бы очень печально обратное явленіе, если бы оба труда не расходились между собою по объему разсматриваемыхъ ими вопросовъ. Неужели за послѣдніе 75 лѣтъ (періодъ времени между изданіемъ книги Смита и Милля) жизнь не подвинулась впередъ, не представила новыхъ требованій, заслуживающихъ вниманія. Такое явленіе ясно указывало бы, что наука отстала отъ жизни.

Въ оправданіе своего воззрѣнія на содержаніе политической экономіи Маклеодъ приводитъ еще то соображеніе, что черезъ такое ограниченіе науки она выигрываетъ въ силѣ, ибо тогда по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ политическую экономію, можно придти къ абсолютной истинѣ; касательно же другихъ вопросовъ, не заключающихся въ сферѣ обмѣна, абсолютныя истины не возможны.

Будь это соображеніе даже справедливо, то и тогда невозможность придти по тому или другому вопросу къ абсолютной истинѣ не можетъ служить основаніемъ исключенія ихъ изъ сферы науки; экономическіе вопросы играютъ столь важную роль въ жизни, такъ близко касаются интересовъ людей, что уже болѣе или менѣе близкое приближеніе къ истинѣ въ состояніи принести огром-

ную пользу. Но нельзя сказать, чтобы вышеприведенное соображеніе автора было справедливо: экономическіе вопросы изслѣдуютъ явленія, доступныя наблюденію, поэтому они не лишены возможности добыть вѣрнѣйшія заключенія касательно законовъ, управляющихъ экономическими явленіями. Спорность многихъ экономическихъ положеній въ настоящее время никакъ не даетъ права заключать о безусловной невозможности удовлетворительнаго ихъ разрѣшенія, а скорѣе можетъ быть объяснена неудовлетворительностью пріемовъ изслѣдованія, недостаточностью фактовъ и наблюденій и вообще молодостью общественныхъ наукъ. Всматриваясь же въ охватывающее общество стремленіе къ разработкѣ соціальныхъ наукъ, стремленіе, вооруженное большимъ запасомъ точныхъ знаній и пріемовъ, не безъ основанія можно думать, что открытія по общественнымъ наукамъ составятъ славу слѣдующихъ за нами поколѣній и трудные нынѣ вопросы будутъ разрѣшены съ завидною опредѣленностью. Устранивъ же изъ науки, согласно требованію Маклеода, всѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ съ математическою точностью въ настоящее время еще не возможно, мы преградимъ имъ тѣмъ самымъ всякій путь къ дальнѣйшему развитію.

Но кромѣ теоретической ошибки мнѣніе автора заключаетъ въ себѣ также и фактическую. Въ числѣ предметовъ, исключаемыхъ авторомъ изъ политической экономіи, какъ неподдающихся точному анализу, находится обширный отдѣлъ производства. Между тѣмъ вотъ что говоритъ по поводу этого отдѣла замѣчательнѣйшій мыслитель нашего времени Милль: «законы и условія производства имѣютъ характеръ истинъ, о какихъ говорятъ естественныя науки. Въ нихъ нѣтъ ничего, зависящаго отъ воли, ничего такого, что можно было бы измѣнить. Все производимое человѣкомъ должно быть производимо тѣми спосо-

бами и подъ тѣми условіями, какіе налагаются качествами внѣшней природы и внутренними свойствами физическаго и умственнаго устройства самаго человѣка. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но размѣръ его производства все равно будетъ опредѣляться размѣрами его предварительнаго сбереженія и при данномъ размѣрѣ сбереженія будетъ пропорціоналенъ энергіи человѣка, его искусству, достоинству его орудій и благоразумному пользованію выгодами соединеннаго труда. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но, удвоивъ количество труда, онъ не получитъ съ даннаго пространства земли удвоеннаго количества пищи, если не произойдетъ улучшенія въ земледѣльческомъ процессѣ. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но не производительный расходъ отдѣльныхъ лицъ будетъ вести къ пропорціональному обѣднѣнію общества и только производительнымъ расходованіемъ будетъ обогащаться общество. Каковы бы ни были мнѣнія или желанія по этимъ вещамъ, они не измѣняютъ характера самыхъ вещей. Мы не можемъ сказать впередъ, какихъ предѣловъ не перейдутъ измѣненія въ способахъ производства, какихъ предѣловъ не превзойдетъ возрастаніе производительности труда при будущемъ расширеніи нашихъ знаній о законахъ природы и при возникновеніи изъ этихъ новыхъ знаній новыхъ промышленныхъ процессовъ, о которыхъ мы теперь не имѣемъ и понятія. Но каковы бы ни были наши успѣхи въ стараніяхъ расширить предѣлы, полагаемые намъ свойствами вещей, мы знаемъ, что непремѣнно существуютъ эти предѣлы: мы не можемъ измѣнить коренныхъ качествъ ни матеріи ни мысли, а можемъ только съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ употреблять эти качества на произведеніе феноменовъ нужныхъ для насъ». [1])

[1]) Милль. Основ. Полит. Экон. Т. I. стр. 246.

Итакъ только законы производства, какъ законы установленные самою природою, суть абсолютные; нормы же регулирующія обмѣномъ, какъ учрежденія человѣческой воли, имѣющія поэтому характеръ временный, не могутъ быть названы абсолютными истинами въ научномъ значеніи этого слова.

Представивъ доводы Маклеода за ограниченіе политической экономіи областью обмѣна, мы не допускаемъ, чтобы они могли поколебать установившійся взглядъ, требующій отъ науки цѣлостнаго изслѣдованія всей совокупности экономическихъ явленій, вмѣщающихся въ слѣдующіе четыре отдѣла: распредѣленіе, производство, обмѣнъ и потребленіе. Тенденція современной науки—сколь возможно всестороннее изслѣдованіе жизненныхъ явленій; ограничиваніе же науки обмѣномъ ведетъ напротивъ къ односторонней оцѣнкѣ разсматриваемыхъ ею вопросовъ. На основаніи всего сказаннаго, не признавая воззрѣнія Маклеода на область политической экономіи справедливымъ, мы полагаемъ, что разбираемый нами трудъ, какъ ограничившійся изслѣдованіемъ мѣновыхъ отношеній, можетъ быть названъ не «Основаніями политической экономіи», а теоріею обмѣна.

§ 2.

О законахъ мѣны при полной покупкѣ-продажѣ предметовъ О прибыли. О металлическихъ деньгахъ. Взглядъ Маклеода на протекціонизмъ О законахъ мѣны при покупкѣ-продажѣ предметовъ на опредѣленный періодъ пользованія.

Ограничивая политическую экономію обмѣномъ, вопросъ о нормахъ, регулирующихъ цѣнность предметовъ, является основнымъ вопросомъ науки; а потому изслѣдованіе этихъ нормъ идетъ непосредственно за предварительными разсужденіями автора. Не вдаваясь въ подробности, мы ограничимся разсмотрѣніемъ пріема, употребленнаго авторомъ съ цѣлью отысканія мѣновой нормы, далѣе повѣркою истинности найденной имъ нормы и потомъ главныхъ возраженій, приводимыхъ Маклеодомъ противъ Рикардо, какъ писателя, который съ особенною силою защищалъ отвергаемый первымъ законъ обмѣна. Начнемъ съ пріема.

Представимъ себѣ, говоритъ авторъ, что человѣку вкусно пообѣдавшему предложили корку хлѣба — натурально онъ откажется; между тѣмъ находись тотъ самый человѣкъ въ пустынномъ мѣстѣ и изнемогай отъ голода, съ какою благодарностью онъ принялъ бы это предло-

женіе, какъ дорого далъ бы онъ тогда за кусокъ хлѣба, и лицо, имѣющее въ распоряженіи этотъ предметъ, могло бы вынудить у страдальца всякую цѣну, какую только онъ могъ бы заплатить. Возьмемъ еще одинъ случай. Предположимъ, что неподалеку отъ берега тонетъ корабль; одинъ изъ пассажировъ, спасаясь, влѣзъ на мачту и зоветъ на помощь; лодочникъ, отправившійся на помощь къ погибающему, можетъ предложить ему самыя тяжелыя условія и, нѣтъ сомнѣнія, утопающій приметъ ихъ, чтобы сохранить себѣ жизнь. Но вотъ подоспѣли еще нѣсколько лодочниковъ и взаимное ихъ соперничество значительно смягчитъ жестокость условій, предложенныхъ первымъ лодочникомъ. Важность услуги для утопающаго не уменьшилась, между тѣмъ размѣръ стоимости ея, вслѣдствіе прибытія нѣсколькихъ лодочниковъ, понизился. Отсюда видимъ, продолжаетъ авторъ, что количество интенсивности оказываемой услуги вліяетъ на ея цѣну, а фактъ присутствія только одного лодочника, получающаго вслѣдствіе этого полную власть надъ утопающимъ, является элементомъ, возвышающимъ цѣну; напротивъ наличность двухъ или болѣе конкурентовъ, желающихъ оказать услугу, уменьшаетъ власть каждаго изъ нихъ и тѣмъ понижаетъ цѣну услуги. Изъ приведенныхъ примѣровъ Маклеодъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Законъ, опредѣляющій цѣны, можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ. Цѣна измѣняется въ прямомъ отношеніи съ интенсивностью оказываемой услуги и въ обратномъ съ властью покупщика надъ продавцомъ...» [1]) «Найденная формула есть очевидно только измѣненное въ формѣ выраженіе, что цѣнность опредѣляется отношеніемъ между предложеніемъ и спросомъ.» [2]) Этотъ законъ, продолжаетъ далѣе авторъ, выведенный

[1]) Princ of Polit. Econ. by Macleod, p. 100.

[2]) Macleod, ibid , p. 102.

изъ наблюденія двухъ крайнихъ случаевъ, по правилу непрерывности, долженъ быть вѣренъ во всѣхъ случаяхъ, ибо послѣдніе составляютъ только средніе пункты; а потому законъ спроса и предложенія есть всеобщій законъ мѣны.

Приведенные авторомъ примѣры указываютъ, какими элементами опредѣляется цѣна во всѣхъ подобныхъ имъ случаяхъ. Отказъ человѣка отъ предложенной ему послѣ обѣда корки хлѣба означаетъ, что если нѣтъ спроса, нѣтъ цѣны; мѣновая цѣнность того же куска хлѣба, возвышающаяся при исключительныхъ обстоятельствахъ до размѣра, какой только въ состояніи заплатить изнемогающій отъ голода человѣкъ, означаетъ, что съ увеличеніемъ спроса на предметъ поднимается его цѣна; условія, предложенныя первымъ лодочникомъ утопающему, смягчаются съ прибытіемъ и взаимнымъ соперничествомъ другихъ лодочниковъ, — изъ чего слѣдуетъ, что съ увеличеніемъ предложенія предмета цѣна его понижается. Въ этихъ двухъ примѣрахъ, нѣтъ другихъ обстоятельствъ, вліяющихъ на мѣновыя отношенія, какъ только спросъ и предложеніе. И еслибы всѣ, извѣстныя намъ, жизненныя мѣновыя сдѣлки находились въ подобныхъ же условіяхъ, тогда всеобщность закона спроса и предложенія была бы утверждена. Но мы можемъ указать на обширную сферу мѣновыхъ сдѣлокъ, подчиняющихся совершенно другой нормѣ, другому закону. Мы увидимъ, что явленія, входящія какъ среднія точки между вышеприведенными крайними случаями и регулирующіяся спросомъ и предложеніемъ, составляютъ незначительную цифру въ сравненіи съ количествомъ мѣновыхъ сдѣлокъ, подчиняющихся другому закону. Мы увидимъ ошибочность предположенія Маклеода, будто всѣ безъ исключенія мѣновыя сдѣлки входятъ какъ средніе случаи между крайними, взятыми имъ примѣрами, а отсюда — невѣрный выводъ, будто цѣна во

всѣхъ случаяхъ подчиняется отношенію спроса и предложенія. [1])

Матеріальные предметы, добываемые и обработываемые трудомъ человѣка, въ смыслѣ способности удовлетворять требованію на нихъ, могутъ быть раздѣлены на три класса.

Къ первому классу принадлежитъ обширный рядъ предметовъ, способныхъ удовлетворить всякому, въ смыслѣ практическомъ, на нихъ требованію; причемъ, будетъ ли производство такихъ предметовъ увеличиваться или уменьшаться, количество труда, необходимаго для производства каждаго изъ такихъ предметовъ, остается одно и то же, предполагая, разумѣется, одни и тѣ же техническіе пріемы. Сюда относится почти вся обрабатывающая промышленность.

---

[1]) Еще Мальтусъ старался доказать, что цѣна предметовъ опредѣляется единственно спросомъ и предложеніемъ (Prin c. of Political Economy. Ch 2). Не мало усердія на доказательство этой доктрины положилъ также современникъ Мальтуса Лодердель (An inquiry into the nature and origine of public wealth and into the means and causes of its increase, by the earl Lauderdele 1804). Опытъ показываетъ, говоритъ онъ, что вещь, обладающая качествами, дѣлающими ее предметомъ желаній человѣка и существующая въ количествѣ ограниченномъ, имѣетъ цѣнность. Такимъ образомъ, для того, чтобы вещь имѣла цѣнность, требуются два условія. 1) чтобы она была въ состояніи доставить человѣку пользу или удовольствіе, 2) чтобы она находилась въ количествѣ ограниченномъ. Размѣръ цѣнности предмета обусловливается четырьмя обстоятельствами: 1) съ уменьшеніемъ количества предметовъ цѣнность ихъ увеличивается; 2) 3) съ увеличеніемъ количества предметовъ цѣнность ихъ уменьшается, съ увеличеніемъ спроса на предметъ цѣнность послѣдняго увеличивается; 4) съ уменьшеніемъ спроса на предметъ цѣнность его уменьшается. Отсюда слѣдуетъ, что ни одна вещь не можетъ обладать опредѣленною, внутреннею цѣнностью, которая могла бы служить мѣрою цѣнности прочихъ товаровъ. Приведенныя четыре причины, вліяющія на измѣненіе цѣнъ, суть единственныя причины, опредѣляющія цѣнность предметовъ (Ch. I, of value)

Ко второму классу относятся предметы, обладающіе также способностью удовлетворить всякому на нихъ требованію, но пріэтомъ количество труда, требуемаго для полученія равныхъ количествъ продукта, не одинаково: при однихъ обстоятельствахъ требуется труда больше, при другихъ меньше и, кромѣ того, при одномъ и томъ же матеріалѣ удвоенное количество труда не приноситъ удвоеннаго количества продуктовъ. Къ этому разряду относятся предметы добывающей промышленности. Качества земли и рудниковъ много различаются между собой; а потому при однихъ и тѣхъ же техническихъ пріемахъ и одинаковомъ количествѣ труда сумма добытыхъ, съ разныхъ участковъ земли, продуктовъ далеко не одинакова и обусловливается качествомъ почвы, изъ которой они получены. [1])

---

[1]) Характеризуя этотъ классъ предметовъ, Милль представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, будто всякій дальнѣйшій, противъ существующаго, спросъ на земледѣльческій продуктъ увеличиваетъ стоимость производства прибавки, — вслѣдствіе чего онъ является горячимъ защитникомъ необходимости ограничивать размноженіе людей. Изъ опредѣленія, сдѣланнаго нами относительно условій добыванія земледѣльческихъ продуктовъ, видно различіе нашего взгляда отъ взгляда Милля. Послѣдній основывается на предположеніи, будто при заселеніи страны первоначально занимаются пространства наиболѣе богатой по плодородію земли, затѣмъ съ размноженіемъ людей необходимость заставляетъ обращаться къ обработкѣ земель все худшаго и худшаго качества. Въ сочиненіи «Manual of Social science» 1865, принадлежащемъ перу американскаго экономиста Кэри, мы можемъ найти достаточное количество фактовъ, опровергающихъ такое мнѣніе. Такъ какъ заселеніе Америки европейцами началось относительно недавно и продолжается до сихъ поръ, то она представляетъ наиболѣе благодарный и живой источникъ для изслѣдованія по этому вопросу.

Первые, вышедшіе изъ Англіи, поселенцы основали колоніи Плимутъ, Нью-Портъ и Нью-Гавенъ, лежащія на самой скудной почвѣ штата Массачузета; отсюда они пошли по теченіямъ рѣкъ и заняли

Третій классъ составитъ предметы, коихъ количество ограниченно. Сюда относятся замѣчательныя произведенія искусства, антикварскія рѣдкости, мѣстности и постройки, обладающія исключительными преимуществами, и вообще

возвышенныя мѣста, плодородныя же долины оставили нетронутыми. И только въ послѣдніе сорокъ лѣтъ заселились плодородныя пространства Новой Англіи. Въ штатѣ Нью-Іоркѣ первоначально была занята неплодородная почва острова Макатона, затѣмъ заселеніе пошло по Гудсонову заливу къ долинѣ Могавкъ; а плодородныя пространства въ западныхъ частяхъ штата заселились только въ послѣдніе шестьдесятъ лѣтъ. Въ Нью-Джерсей встрѣчаются, покинутыя нынѣ по безплодію, расчищенныя полосы, свидѣтельствующія о томъ, какого рода почву выбираютъ первые поселенцы. Шведскія колоніи Левистоунъ и Христіана лежатъ на песчаной почвѣ Делавара, а превосходные луга, покрытые нынѣ богатѣйшими фермами штата, не представляли въ то время никакихъ выгодъ. Старыя дороги, проложенныя первыми поселенцами, идутъ черезъ горы, новыя же дороги — по теченіямъ рѣкъ, по плодороднымъ низменностямъ; земледѣліе вездѣ спускается съ горъ въ долины Первые поселенцы избѣгаютъ плодородной почвы долинъ, первоначальная разработка которыхъ требуетъ много труда и приложенія техническихъ пріемовъ Возвышеннѣйшіе пункты Висконсина заняты деревнями первыхъ поселенцевъ, тутъ же проложены и дороги, а низменныя луговыя степи, плодороднѣйшія мѣста штата, нимало не привлекали поселенцевъ. Тоже самое повторяется и въ юговосточныхъ штатахъ. Въ то время, какъ воздѣлываются худшія земли сѣверной и южной Каролины, Георгіи, Алабамы и Флориды, приносящія съ акра отъ трехъ до пяти бушелей пшеницы, милліоны акровъ лучшей земли остаются незасе ленными и невоздѣланными. Въ южной Америкѣ, Санта Фе де Богота и Квито, лежащія на высокой, сухой мѣстности, суть центры населеннаго пространства, тогда какъ богатая долина Ориноко совершенно безлюдна. Бразилія и плодородныя долины Лаплаты, съ которыми по богатству почвы не можетъ быть сравниваема ни одна страна міра, представляютъ до сихъ поръ дикія пустыни; природа давитъ здѣсь человѣка своимъ богатствомъ, а отсутствіе плоскогорій служило препятствіемъ распространенію заселенія. *Размноженіе населенія* и приложеніе къ почвѣ техническихъ пріемовъ суть средства къ развитію бразильской культуры, обѣщающей человѣчеству богатую жатву.

Сухая мѣстность Корнвалиса служила колыбелью англійскому земледѣлію; мѣста, позднѣе всѣхъ занятыя культурою, Линкольнъ и Кембриджширъ, считаемые нынѣ самыми плодородными мѣстами въ

всякіе предметы, находящіеся въ положеніи безусловной монополіи.

Разсмотримъ теперь, какими условіями опредѣляется мѣновая цѣнность предметовъ каждаго изъ приведенныхъ разрядовъ. Начнемъ съ предметовъ, количество которыхъ увеличивается въ прямомъ отношеніи съ суммой затраченнаго на устройство ихъ труда.

Все разнообразіе существующихъ коммерческихъ предпріятій распадается въ сущности на два вида. 1) Трудъ и капиталъ находятся въ распоряженіи труженика, благодаря чему трудящійся пользуется всѣмъ продуктомъ своего труда. 2) Трудъ и капиталъ раздѣлены, т. е. находятся въ различныхъ рукахъ; труженикъ, за отсутствіемъ у него орудій труда (капитала), входитъ въ соглашеніе съ лицомъ имѣющимъ ихъ и продаетъ ему свой трудъ; трудящійся получаетъ рабочую плату и разность между послѣднею и вырученною изъ продажи продукта суммою поступаетъ въ руки капиталиста, причемъ большая или меньшая часть этой разности составляетъ чистую прибыль. Рискъ, привлекательность, доступность занятій не одинаковы; а потому стоимость труда и прибыль въ различныхъ занятіяхъ не равномѣрны. Фабрикація пороху—занятіе довольно рискованное, и предприниматели соглашаются заниматься такимъ промысломъ единственно подъ условіемъ большей прибыли. Пока торгъ хлѣбомъ считался въ мнѣніи большинства дѣломъ безчестнымъ, а хлѣбные торговцы въ трудную годину подвергались опасности стать

цѣлой Англіи, не имѣли никакой цѣны до примѣненія пара къ земледѣлію. Достаточно уже приведенныхъ фактовъ, чтобы видѣть всю ошибочность положенія,— будто заселеніе идетъ отъ лучшихъ земель къ худшимъ; до сихъ поръ еще самая плодородная почва по теченію Ориноко и Амазонской пребываетъ въ естественномъ состояніи; между тѣмъ утверждаютъ, что одна долина Ориноко можетъ прокормить весь родъ человѣческій. Швейцарія густо населена, тогда какъ плодородныя пространства по нижнему Дунаю еще мало воздѣланы.

жертвами народнаго изступленія, въ то время хлѣбная торговля приносила бо́льшія въ сравненіи съ другими промыслами выгоды. Принявъ въ разсчетъ вліяніе исключительныхъ причинъ, какъ напримѣръ—рискъ [1]), непривлекательность занятія — на возвышеніе или пониженіе прибыли и устранивъ его, мы увидимъ, что прибыли въ занятіяхъ стремятся къ равенству. Едва въ какомъ-либо занятіи увеличится прибыль, вслѣдствіе ли успѣховъ въ производствѣ — уменьшенія стоимости труда или внезапнаго увеличенія спроса на продуктъ, капиталъ, при посредствѣ кредита, быстро вливается въ выгодное занятіе и увеличивая предложеніе предмета понижаетъ прибыль до тѣхъ поръ, пока она уравняется съ прибылью въ другихъ занятіяхъ. Въ обратномъ же случаѣ, когда какой-либо промыслъ сталъ приносить, сравнительно съ другими, меньше прибыли, число людей, занимающихся имъ, постепенно уменьшается до тѣхъ поръ, пока, вслѣдствіе уменьшившагося предложенія, увеличившаяся цѣна на продуктъ уравняетъ прибыль отъ этого промысла съ прибылью въ другихъ занятіяхъ. Зная теперь, что прибыли въ занятіяхъ стремятся къ равенству, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что цѣна каждаго товара состоитъ изъ двухъ частей: 1) стоимости издержекъ производства и 2) прибыли, мы, съ цѣлью узнать функцію цѣнъ, можемъ, не дѣлая большой погрѣшности, принять прибыли за равныя и отбросить ихъ; тогда получаемъ формулу, показывающую, что цѣны товаровъ опредѣляются стоимостью ихъ производства.

Стоимость производства—вотъ норма обмѣна продуктовъ, количество которыхъ увеличивается въ прямомъ

---

[1]) Съ распространеніемъ страховыхъ обществъ вліяніе риска на возвышеніе прибыли съ занятія указывается размѣромъ страховаго процента.

отношеніи съ суммою затраченнаго на нихъ труда. [1]) Уменьшатся издержки производства какого-либо продукта, увеличившаяся оттого прибыль начнетъ привлекать къ занятію капиталъ и трудъ до тѣхъ поръ, пока понизив-

---

[1]) Мысль о зависимости цѣнности продукта отъ количества труда, употребленнаго на его созданіе, впервые была высказана ясно Petty. Treatise of taxes and contributions 1679 Могутъ спросить, говоритъ Petty, какъ много англійской монеты стоитъ этотъ хлѣбъ? Я отвѣчаю столько—сколько можно получить монеты въ то же количество времени и при тѣхъ же издержкахъ, какія потребовались для полученія этого хлѣба. Положимъ, напримѣръ, что пока одинъ человѣкъ занимается добываніемъ изъ земли серебра и очисткою его, другой воздѣлываетъ землю, добываетъ пищу, приготовляетъ платье и другіе предметы необходимости Я говорю, что серебро, добытое первымъ, должно быть считаемо, по цѣнности, равнымъ суммѣ продуктовъ, *добытыхъ* и обработанныхъ вторымъ. Если первый приготовилъ 20 унцій серебра, а второй, въ тоже время, 20 четвертей пшеницы, то унція серебра стоитъ одну четверть пшеницы (p 24).. Если можно получить изъ перуанскихъ рудниковъ и привезти на лондонскій рынокъ унцію серебра въ теченіе того же времени, какое требуется для производства четверти пшеницы, то унція серебра есть *естественная цѣна* четверти пшеницы. Когда, вслѣдствіе техническихъ усовершенствованій, получаютъ возможность производить двѣ унціи серебра столь же легко, какъ прежде производили одну, — тогда четверть пшеницы, стоившая, до улучшенія пріемовъ обработки серебра, пять шиллинговъ, будетъ цѣниться въ десять шиллинговъ (p. 31). Ту же мысль, только слишкомъ обще, высказываетъ учитель Ад. Смита, профессоръ нравственной философіи Hutcheson· Rei cujusvis pretium huic nititur fundamento, quod res ipsa ad usum aliquem aut voluptatem ministrandam est apta, absque hoc nullum erit pretium... Hoc autem posito, rerum pretia majora erunt prout iis magis homines indigent, ipsaeque res difficilius parantur. (Philosophiae moralis institutio compendiaria ethices et jurisprudentiae naturalis elementa continens. Ch 12. De rerum pretio. Glasgow. 1742). Писателемъ, впервые разработавшимъ эту мысль, изслѣдовавшимъ причины, вслѣдствіе которыхъ цѣна значительнаго большинства товаровъ опредѣляется стоимостью труда, употребленнаго на ихъ производство, справедливо считается Адамъ Смитъ. Wealth of Nations. Ch 7. Наиболѣе же развито это ученіе у Рикардо. Principles of Political Economy and Taxation. Ch. 1, 4, 30.

шаяся, вслѣдствіе увеличенія предложенія, цѣна не сведетъ прибыли къ среднему уровню. При увеличеніи издержекъ производства происходитъ обратное явленіе. Слѣдовательно, общее правило состоитъ въ томъ, что предметы обмѣниваются по стоимости ихъ производства. Цѣна товаровъ не можетъ на продолжительное время ни понизиться, ни повыситься безъ уменьшенія или увеличенія издержекъ производства; слѣдовательно, онѣ, а не спросъ и предложеніе, составляютъ существенную причину измѣненія мѣновой цѣнности. Перемѣна въ объемѣ предложенія и спроса, являясь не болѣе какъ *слѣдствіемъ измѣненія въ издержкахъ производства*, не опредѣляетъ поэтому цѣнности товаровъ, а напротивъ сама опредѣляется цѣнностью ихъ. Норма же, опредѣлиться которою въ взаимныхъ отношеніяхъ обмѣниваемыхъ количествъ стремятся почти всѣ товары, которая имѣетъ исключительное вліяніе на повышеніе и пониженіе цѣнности предметовъ и которая приэтомъ управляетъ объемомъ спроса и предложенія, должна быть признана нормою, регулирующею обмѣномъ, или—что тоже самое—закономъ обмѣна. Еслибы спросъ и предложеніе управляли обмѣномъ, въ такомъ случаѣ безъ измѣненія ихъ никогда не могла бы измѣниться и цѣнность товара; въ дѣйствительности же видимъ, что съ уменьшеніемъ издержекъ производства промышленники, хорошо понимая, что увеличившаяся въ ихъ занятіи прибыль приманитъ къ нему капиталъ и трудъ, слѣдствіемъ чего могутъ быть неблагопріятныя для нихъ послѣдствія, предупреждаютъ такое явленіе пониженіемъ цѣнъ. Спросъ и предложеніе не измѣнились, а цѣнность товара тѣмъ неменѣе измѣнилась. Есть предметы, каковы напримѣръ чай, сахаръ, кофе, привычка къ употребленію которыхъ такъ сильно укрѣпилась въ обществѣ, что небольшое повышеніе на нихъ налога не уменьшаетъ

спроса; тутъ цѣнность товара измѣнилась, между тѣмъ спросъ и предложеніе остались тѣ же. Подобное измѣненіе мѣновой цѣнности предмета, при statu quo запроса и снабженія, оказывалось бы невозможнымъ, еслибы были вѣрны положенія Маклеода, что «цѣны предметовъ опредѣляются единственно спросомъ и предложеніемъ безъ всякой зависимости отъ стоимости производства» [1]), и что «мѣновая цѣнность предмета можетъ измѣниться только съ измѣненіемъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ». [2])

Переходимъ затѣмъ ко второму классу предметовъ и разсмотримъ, какою нормою опредѣляется цѣнность продуктовъ земли и рудниковъ. Извѣстно, что качество почвы и рудъ далеко не одинаково, вслѣдствіе чего одинаковыя количества одного и того же продукта, но полученныя съ разныхъ участковъ земли, имѣютъ не одну, а много разныхъ стоимостей производства. Положимъ, что сумма земледѣльческаго продукта, добываемаго въ какомъ-либо промышленномъ округѣ, обмѣнивается на другія произведенія въ такомъ отношеніи, при которомъ занятіе добыванія земледѣльческаго продукта, даже при наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, приноситъ болѣе значительную прибыль, чѣмъ можетъ принести всякое другое занятіе. Послѣдствія такого положенія дѣлъ ясны. Капиталъ будетъ вливаться въ земледѣльческое занятіе до тѣхъ поръ, пока онъ встрѣтится съ необходимостью брать для обработки столь невыгодные участки земли, что они при совокупности настоящихъ условій и существующей цѣнѣ не обѣщаютъ дать нетолько большей, но даже равной сравнительно съ другими занятіями прибыли. Такимъ образомъ, предѣломъ

[1]) Princ of Polit. Econ. by Macleod, p. 117.

[2]) Macleod, ibid., p. 122.

паденію цѣны, происходящему отъ увеличивающагося предложенія продукта, будетъ тотъ размѣръ ея, при которомъ, за покрытіемъ стоимости производства продукта при наиболѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, получается еще средняя прибыль. Опредѣлиться въ цѣнѣ этимъ размѣромъ есть постоянное стремленіе земледѣльческаго продукта. Если увеличившееся народонаселеніе возвыситъ цѣну на продукты земли и тѣмъ подниметъ уровень прибыли отъ земледѣльческаго занятія выше уровня прочихъ занятій, обработка менѣе выгодныхъ участковъ, требующихъ затраты большаго количества труда, низведетъ возвысившуюся прибыль къ среднему уровню

Отсюда вытекаетъ, что цѣна на земледѣльческій продуктъ обусловливается, постояннымъ образомъ, стоимостью пріобрѣтенія его изъ самыхъ невыгодныхъ среди обрабатываемыхъ, въ данное время, земель; или, выражая это въ иной формѣ, мы можемъ сказать: издержки на производство земледѣльческихъ продуктовъ, при наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, есть норма, регулирующая мѣновою цѣнностью этихъ продуктовъ. [1])

Далѣе идетъ третій рязрядъ предметовъ, количество которыхъ не можетъ быть увеличено по произволу, а потому какъ бы ни возрасталъ спросъ на нихъ, какъ бы вслѣдствіе этого ни поднималась ихъ мѣновая цѣнность, она цѣликомъ пойдетъ въ пользу собственниковъ такихъ товаровъ, какъ находящихся внѣ соперничества. Увеличится спросъ—повысится цѣнность; уменьшится спросъ—понизится цѣнность. Спросъ и предложеніе суть единственные элементы, опредѣляющіе мѣновую цѣнность та-

---

[1]) Безъ сомнѣнія этотъ законъ имѣетъ полное приложеніе только въ такихъ странахъ или мѣстностяхъ, гдѣ земледѣльческая промышленность получила коммерческій характеръ.

кого рода продуктовъ. Но изъ сдѣланнаго нами выше перечисленія относящихся къ этому классу товаровъ видно, что число ихъ въ сравненіи со всею массою матеріальныхъ предметовъ крайне незначительно, а потому и законъ, которымъ опредѣляются ихъ мѣновыя отношенія, законъ спроса и предложенія, имѣетъ, по объему своего приложенія, довольно ограниченное значеніе. Искусственныя монополіи, расширявшія объемъ приложенія этого закона, въ виду дружнаго порицанія ихъ наукою и обществомъ, уменьшаются болѣе и болѣе. Расширившійся кредитъ даетъ возможность къ быстрому внесенію новаго капитала въ занятіе, которое, благодаря внезапно увеличившемуся на продукты его спросу, сдѣлалось болѣе выгоднымъ. Кредитъ, предотвращая, съ одной стороны, необходимость, тяжелой и требующей значительнаго времени, операціи перенесенія капитала изъ одного рода занятій въ другой, съ другой,—реализируя промышленныя способности энергическихъ но мало имущихъ людей, способствуетъ скорѣйшему установленію, временно нарушенной, равномѣрности обмѣна продуктовъ. Вслѣдствіе этого *стоимость производства* является нетолько элементомъ, къ которому стремятся приблизиться цѣны огромнаго большинства товаровъ, но и на самомъ дѣлѣ опредѣляющимъ въ большей части случаевъ цѣну. Этотъ мѣновой законъ, найденный Адамомъ Смитомъ, упроченный Рикардо и принятый нынѣ большинствомъ экономистовъ, основанъ на такомъ прочномъ анализѣ, вѣрность его столь очевидно подтверждается дѣйствительными фактами, что становится интереснымъ вопросъ о причинѣ, побудившей Маклеода отвергнуть *издержки производства*, какъ мѣновую норму значительнаго большинства товаровъ.

Можно было бы видѣть эту причину въ самомъ пріемѣ, употребленномъ авторомъ съ цѣлью открытія мѣно-

вой нормы, въ пріемѣ, сущность котораго, какъ мы видѣли, заключается въ выборѣ двухъ исключительныхъ случаевъ, мѣновыя отношенія которыхъ опредѣляются единственно спросомъ и предложеніемъ, и въ сдѣланномъ затѣмъ ошибочномъ предположеніи, будто всѣ жизненныя явленія, въ отношеніи обмѣна, находятся въ подобномъ же положеніи, слѣдовательно также подчиняются спросу и предложенію, изъ чего слѣдовалъ выводъ, что спросъ и предложеніе составляютъ всеобщій законъ мѣны. Но мы склонны думать, что употребленный авторомъ пріемъ былъ не причиною, а слѣдствіемъ уже заранѣе сформировавшагося взгляда на мѣновую норму; мы укажемъ на одно мѣсто въ книгѣ автора, которое бросаетъ много свѣта на занимающій насъ вопросъ. «Еслибы производители предметовъ—говоритъ Маклеодъ—обладали всегда вѣрнымъ знаніемъ требуемаго снабженія и воздерживались отъ наполненія рынка товарами, въ количествѣ большемъ противъ того, какое могло быть куплено по вознаграждающей цѣнѣ, то доктрина (о стоимости производства) имѣла бы правдоподобіе». [1])

Колебанія цѣнъ, на которыя указываетъ здѣсь Маклеодъ и которыя препятствуютъ ему принять стоимость производства за достовѣрный законъ, безъ сомнѣнія хорошо были извѣстны какъ Адаму Смиту и Рикардо, выставившимъ этотъ законъ, такъ и ихъ послѣдователямъ; тѣмъ неменѣе это обстоятельство не помѣшало имъ признать вѣрность закона. Если оно воспрепятствовало въ этомъ Маклеоду, то мы должны предположить, что онъ, вопервыхъ, полагаетъ такія колебанія не временными отклоненіями, а постоянными и, вовторыхъ, уменьшаетъ значеніе внутрен-

---

[1]) Princ. of Polit. Econ. by Macleod, p. 136.

няго притягательнаго центра --*стоимости производства*, къ которому постоянно стремятся товары и который имѣлъ бы первостепенное значеніе даже и тогда, еслибы дѣйствительно мѣновыя цѣнности произведеній находились въ состояніи непрерывнаго колебанія. Стоимость производства есть элементъ, вносящій порядокъ и ясность въ разнообразныя сплетенія обмѣна; спросъ и предложеніе суть величины, указывающія на извѣстное количественное уравненіе товаровъ и ничуть не объясняющія внутренней причины явленія. Напримѣръ, оливковое масло, продаваемое въ Марсели по 30 су за фунтъ, будучи привезено въ Парижъ, стоитъ 40 су, ибо стоимость провоза равняется 10 су; стоимость провоза, очевидно,—причина высшей цѣны масла въ Парижѣ. Слѣдуя же Маклеоду, должно сказать: цѣна масла въ Парижѣ выше цѣны его въ Марсели потому, что въ Парижѣ спросъ на масло больше, а предложеніе меньше, нежели въ Марсели. Не говоря уже о томъ, что такое заключеніе легко можетъ оказаться несправедливымъ, оно во всякомъ случаѣ лишено точности и указанія внутренней причины явленія.

Если мѣновая цѣнность предметовъ зависитъ и измѣняется только, какъ говоритъ авторъ, отъ положенія спроса и предложенія безъ всякой зависимости отъ стоимости производства, то возможенъ ли какой-либо анализъ причинъ различія мѣновыхъ цѣнностей продуктовъ, анализъ средствъ, могущихъ уменьшить цѣну товаровъ; не приводитъ ли насъ такой взглядъ къ универсальному, весьма легкому, но вмѣстѣ невѣрному и неясному рѣшенію мѣновыхъ случаевъ. Напримѣръ: почему въ Петербургѣ англійское сукно дороже, чѣмъ въ Лондонѣ? Потому, что въ Петербургѣ спросъ на сукно болѣе предложенія сравнительно съ Лондономъ. Почему шелковыя матеріи въ Москвѣ дороже, чѣмъ въ Ліонѣ? Отвѣтъ тотъ же.

*

И сколько бы ни возникло подобныхъ вопросовъ, на всѣ одно, поверхностное и часто несправедливое рѣшеніе.

Можно выставить еще болѣе интересные примѣры и всѣ они будутъ логическіе выводы изъ положенія, что «цѣна зависитъ *единственно* отъ предложенія и спроса, безъ всякой зависимости отъ стоимости производства.» [1]) Въ самомъ дѣлѣ, разъ признавъ такое положеніе, можемъ ли мы сказать, что бо́льшая, сравнительно съ лачугою, стоимость красивой архитектуры дома зависитъ отъ различія издержекъ на ихъ производство? Несправедливо, скажутъ намъ сторонники всеобщности спроса и предложенія; мѣновая цѣнность предметовъ не зависитъ отъ издержекъ производства, а единственно опредѣляется спросомъ и предложеніемъ.

Итакъ, издержки производства были бы элементомъ первостепенной важности даже и тогда, еслибы дѣйствительно мѣновыя цѣнности товаровъ находились въ состояніи непрерывнаго колебанія. Въ дѣйствительности же главный фонъ картины мѣновыхъ сдѣлокъ представляютъ установившіяся цѣны, соотвѣтствующія издержкамъ производства; а колебанія цѣнностей, причиняемыя быстрымъ измѣненіемъ спроса и предложенія, являются только какъ явленія временныя.

Какъ ни очевидно все высказанное нами въ подтвержденіе истинности положенія, что издержки производства суть норма, регулирующая обмѣномъ, но чтобы очистить это положеніе отъ всякихъ, хотя бы кажущихся, противорѣчій, мы разберемъ главныя возраженія, которыя представлены противъ него Маклеодомъ.

---

[1]) Princ. of Polit. Econ. by Macleod, p. 117

«Не трудъ—говоритъ Маклеодъ—сообщаетъ цѣнность вещи; а цѣнность вещи притягиваетъ къ ней трудъ», [1]) т. е., если люди не чувствуютъ потребности въ предметѣ, то никакое количество труда не въ силахъ придать цѣну этому предмету.

Совершенно справедливо; но развѣ это положеніе подрываетъ хотя сколько-нибудь защищаемый нами законъ обмѣна? Оно выражаетъ только, что если никто въ вещи не нуждается, то вещь не имѣетъ никакой цѣны, и вовсе не касается вопроса о томъ, чѣмъ опредѣляется мѣновая цѣнность вещей, въ которыхъ люди нуждаются. И это возраженіе, которое даже не затрогиваетъ того предмета, противъ котораго оно приведено, представляется глазамъ автора столь важнымъ, что онъ рѣшается сказать, что уже имъ однимъ онъ опровергъ идею о мѣновой нормѣ издержекъ производства.

Далѣе приводится примѣръ каменноугольныхъ копей, изъ котораго, какъ утверждаетъ авторъ, можно видѣть всю ошибочность доктрины, будто-бы цѣна опредѣляется издержками производства. «Извѣстно, что въ каменноугольныхъ копяхъ находятся различные, прилегающіе другъ къ другу, пласты угля далеко не одинаковаго достоинства и предназначающіеся для различныхъ цѣлей. Стоимость добыванія ихъ можетъ быть одна и та же; но очевидно, что высшій сортъ угля получитъ на рынкѣ большую цѣну, нежели низшій, между тѣмъ стоимость производства ихъ одинакова. Такимъ образомъ, при равенствѣ издержекъ на добываніе—цѣнность сортовъ угля различна. Какое же значеніе, восклицаетъ авторъ, имѣетъ тогда доктрина Рикардо, утверждающая, что стоимость производства

---

[1]) Princ. of Polit. Econ. by Macleod, p. 23.

регулируетъ цѣнность. Не очевидно ли, что она есть чистѣйшее заблужденіе?» [1])

Это возраженіе крайне интересно. Маклеодъ выставляетъ его на видъ тому писателю, который нетолько никогда не утверждалъ, будто предметы промышленности добывающей обмѣниваются по количеству употребленнаго на созданіе ихъ труда, а напротивъ, основываясь на фактѣ неравнокачественности земли и рудниковъ, построилъ знаменитую теорію ренты. Развѣ говорилъ когда-либо Рикардо или кто-либо изъ его послѣдователей, что мѣновая цѣнность предметовъ, добываемыхъ непосредственно изъ земли, опредѣляется издержками производства, не прибавляя приэтомъ — при наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ? [2])

Еще нѣсколько подобныхъ же возраженій Маклеода — и полемика его съ Рикардо кончена.

Вторая половина главы, носящей названіе «О приложеніи закона цѣнъ къ случаямъ окончательной продажи (On the application of the law of Price to cases of absolute sale)», занимается разсмотрѣніемъ довольно разнообразныхъ предметовъ; здѣсь говорится о прибыли, объ измѣненіяхъ цѣнности денегъ, о протекціи, о литературной собственности и, наконецъ, объ особомъ видѣ собственности, названномъ авторомъ настоящею цѣнностью будущихъ платежей и составляющемъ, уже въ настоящее время, въ Англіи сумму не менѣе 500.000,000 фунтовъ. Мы коснемся этого вида собственности, когда будемъ говорить о кредитѣ. Такъ какъ разбираемое нами сочиненіе не представляетъ ничего новаго по перечисленнымъ вопросамъ, то, не останавливаясь долго на нихъ, мы ограничимся бѣглымъ очеркомъ съ цѣлью указать содержаніе второй половины этой главы.

[1]) Princ. of Polit. Econ. by Macleod, p. 117.

[2]) Ricardo. Principes of pol. economy and taxation, ch. 2.

Прежде другихъ выступаетъ вопросъ о прибыли, разсмотрѣнный въ разбираемомъ нами сочиненіи довольно кратко. Мы не находимъ здѣсь ни указанія на причины, обусловливающія возможность существованія прибыли, ни анализа ея составныхъ частей, ни изслѣдованія условій ея распредѣленія. Авторъ останавливается на причинахъ, которыми опредѣляется величина годовой прибыли, и вопреки выработавшемуся убѣжденію, что размѣръ прибыли обусловливается исключительно стоимостью труда, Маклеодъ говоритъ, что гораздо болѣе сильнымъ факторомъ къ возвышенію размѣра прибыли является усиленіе быстроты продажъ, средствомъ къ чему служитъ, по его мнѣнію, добровольное пониженіе цѣнъ на товары. Прибыль въ $5^0/_0$, получаемая каждый день, въ три раза болѣе прибыли въ $50^0/_0$, выручаемой въ мѣсяцъ; а потому, продолжаетъ авторъ, еслибы всѣ торговцы держались правила «малые барыши при частомъ оборотѣ», тогда несмотря на то, что размѣръ прибыли ихъ при каждой отдѣльной продажѣ и уменьшился бы, тѣмъ неменѣе вся сумма прибыли торговцевъ, отъ учащенія оборотовъ, увеличилась бы, слѣдовательно, увеличился бы и размѣръ прибыли вообще.

Очевидно эти положенія говорятъ не о томъ, что удешевленіе товаровъ возбуждаетъ дремлющія силы общества и, увеличивая производительность, увеличиваетъ общую массу прибыли, а о томъ, будто величина прибыли зависитъ отъ формъ обмѣна; тогда какъ, въ дѣйствительности, она не имѣетъ никакого отношенія къ обмѣну, а основана единственно на томъ, что количество потребленныхъ, какъ во время производства, такъ и на самое производство, предметовъ менѣе количества вновь добытыхъ трудомъ продуктовъ; а потому размѣръ національной прибыли опредѣляется разницею между количествомъ потребленныхъ производствомъ и вновь выработанныхъ продук-

товъ; размѣръ же прибыли производителей, ведущихъ свои операціи путемъ наемнаго труда,—разницею между массою добытаго продукта и тѣмъ его количествомъ, какое пошло въ уплату нанятаго труда или, выражаясь иначе, количествомъ уплоченной рабочей платы. Размѣръ полученной рабочимъ классомъ платы есть единственная причина, опредѣляющая величину прибыли хозяевъ промышленныхъ предпріятій; а затѣмъ въ какихъ бы формахъ ни обмѣнивались продукты, не прибавится оттого ни одной іоты къ общей массѣ прибыли; обмѣнъ, самъ по себѣ, никакихъ новыхъ предметовъ не производитъ.

«Сильно заблуждаются люди,—говоритъ Милль,—предполагающіе, будто прибыль коммерческаго дѣла зависитъ отъ цѣнъ. Производитель или торговецъ получаетъ свою прибыль повидимому тѣмъ, что беретъ за свой товаръ больше, чѣмъ онъ стоилъ ему, и можно подумать, будто прибыль—результатъ покупки и продажи. Незнакомые съ наукою люди полагаютъ, будто производитель получаетъ прибыль только отъ того, что есть покупщики на товаръ; будто-бы запросъ, покупщики, рынокъ товара—вотъ причины выгодъ, получаемыхъ капиталистами, которые продажею своихъ товаровъ возобновляютъ свой капиталъ и увеличиваютъ его массу. Но думать такъ значитъ смотрѣть только на внѣшнюю поверхность экономическаго механизма общества.» [1])

Далѣе, положеніе Маклеода, очевидно, подразумѣваетъ, что количество мѣновыхъ сдѣлокъ въ обществѣ находится въ полной власти торговаго сословія, такъ что оно можетъ по своему произволу увеличивать и уменьшать это количество. Мы же думаемъ, что количество мѣновыхъ

---

[1]) Милль. Основ. Полит. Экон. Т. I, стр. 466.

сдѣлокъ въ обществѣ опредѣляется даннымъ экономическимъ состояніемъ общества, степенью развитія его продуктивныхъ силъ, его экономическою организаціею; а торговое сословіе, будучи только посредникомъ между производителями, не оказываетъ никакого вліянія на количество мѣновыхъ сдѣлокъ. Напротивъ, оно само является результатомъ, выраженіемъ уже сложившейся, какъ по объему, такъ и по формѣ, потребности въ мѣновыхъ сдѣлкахъ.

Если отдѣльное лицо, спрашивая меньшіе барыши, учащаетъ свои обороты, т. е. увеличиваетъ количество совершаемыхъ имъ мѣновыхъ сдѣлокъ, то настолько же уменьшаются мѣновые обороты другихъ, одной съ нимъ профессіи, торговцевъ. Это обыденное явленіе извѣстно каждому и называется конкуренціею — борьбою за матеріальные интересы; а борьба эта состоитъ въ томъ, что торговецъ, понижая барыши и привлекая къ себѣ покупателей, тѣмъ самымъ отклоняетъ ихъ отъ другихъ торговцевъ. Потому если лицо, понизившее барыши и участившее тѣмъ количество оборотовъ, увеличитъ свою годичную прибыль, то увеличитъ ее насчетъ другихъ торговцевъ, не успѣвшихъ вслѣдствіе этого сдѣлать обычное для нихъ число продажъ. А на чей же счетъ увеличитъ свою прибыль весь торговый классъ, когда понизитъ барыши; насчетъ потребителей? Но потребители, купивъ каждую вещь дешевле, остались въ выгодѣ и были бы очень довольны, еслибы торговцы постоянно слѣдовали принятому ими правилу.

За разсужденіями о прибыли слѣдуетъ вопросъ о металлическихъ денежныхъ знакахъ. Здѣсь говорится о качествахъ, которымъ должно удовлетворить вещество, предназначенное служить мѣриломъ цѣнностей,—о тщетности попытокъ установить постоянное отношеніе золота къ се-

ребру, —о неудобствахъ, вытекающихъ изъ того факта, что золото и серебро, будучи сами мѣрилами цѣнности, въ тоже время, подвергаются измѣненіямъ въ цѣнности, какое неудобство особенно чувствительно при долгосрочныхъ обязательствахъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ государственные долги. Вопросъ же, угрожаютъ ли недавно открытые въ Австраліи и Калифорніи рудники золота и серебра сильнымъ пониженіемъ цѣнности этихъ металловъ, разрѣшается авторомъ отрицательно. «Всюду,—говоритъ онъ,—возникаютъ гигантскія предпріятія, готовыя осуществиться въ моментъ пріобрѣтенія на умѣренныхъ условіяхъ капитала; начертываются проекты покрыть весь цивилизованный міръ желѣзными дорогами, каналами, пароходными сообщеніями et cetera; новые континенты обращаются въ могущественныя государства, варварскія страны готовятся стать цивилизованными посредствомъ желѣзныхъ дорогъ и увеличенныхъ средствъ сообщенія. Вслѣдствіе этого не только сильно увеличилась потребность на капиталъ, но и площадь распространенія этой потребности сильно расширилась. Количество воды, могущее произвести значительное измѣненіе въ уровнѣ пруда, не окажетъ замѣтнаго вліянія на озеро или море. Поэтому, кажется, нѣтъ причинъ опасаться, чтобы увеличившійся, изъ этихъ странъ, привозъ золота произвелъ существенное измѣненіе цѣнности золота какъ денегъ.» [1])

Такой способъ рѣшенія вопроса, очевидно, вытекаетъ изъ принятаго Маклеодомъ закона обмѣна. На нашъ взглядъ мѣновая цѣнность золота и серебра, подобно всѣмъ прочимъ товарамъ, опредѣляется стоимостью ихъ производства; норма эта не имѣла бы примѣненія лишь

---

[1]) Macleod p. 163.

въ томъ случаѣ, еслибы золото и серебро, вслѣдствіе быстраго и сильно увеличившагося на нихъ требованія, пріобрѣли качества недостачи, чего, однако, не можетъ случиться, ибо если до сихъ поръ благородные металлы могли удовлетворять возникавшему на нихъ спросу, то съ открытіемъ богатыхъ рудниковъ такое удовлетвореніе становится еще болѣе легкимъ. Съ другой стороны, съ расширеніемъ мѣновыхъ сдѣлокъ развивается параллельно кредитъ, вытѣсняющій металлическіе денежные знаки. Количество металлическихъ денегъ во Франціи значительно болѣе, нежели въ Англіи; тогда какъ сумма мѣновыхъ сдѣлокъ послѣдней значительно превышаетъ сумму подобныхъ же сдѣлокъ въ первой. Эти соображенія убѣждаютъ насъ въ невозможности пріобрѣтенія золотомъ и серебромъ качества недостачи; а въ такомъ случаѣ рѣшеніе вопроса, понизится ли цѣнность благородныхъ металловъ вслѣдствіе открытія новыхъ рудниковъ, зависитъ оттого, уменьшится ли стоимость добыванія золота и серебра. Адамъ Смитъ, занимавшійся вопросомъ о причинахъ пониженія цѣнности серебра, ясно говоритъ, что съ открытіемъ перуанскихъ рудниковъ цѣнность серебра постепенно падала, пока не достигла уровня, необходимаго для покрытія издержекъ производства, и серебряные рудники Европы, далеко уступавшіе богатствомъ рудникамъ Америки, были оставлены. Тоже самое случилось при открытіи въ 1545 году богатыхъ потозійскихъ рудниковъ. Цѣнность серебра постепенно падала до 1636 года, — время, потребовавшееся для того, чтобы рудники оказали полное свое дѣйствіе на цѣну благородныхъ металловъ; въ тоже время болѣе бѣдные рудники Кубы, Сенъ-Доминго и даже старые перуанскіе были оставлены. [1])

---

[1]) Адамъ Смитъ. Изслѣд. о прир. и прич. бог. народ. Кн. I, гл. XI.

Далѣе Маклеодъ говоритъ о томъ, что монета, подвергаясь вмѣстѣ съ благородными металлами измѣненію цѣнности, не можетъ поэтому быть точнымъ мѣриломъ цѣнности; тоже самое слѣдуетъ сказать и о другихъ предметахъ, какъ напримѣръ о пшеницѣ и задѣльной платѣ, которые предлагались экономистами, какъ предметы, могущіе удовлетворить этому назначенію. Для установленія мѣрила цѣнностей, необходимо было бы принять во вниманіе такую массу различныхъ обстоятельствъ, требовалось бы сдѣлать столько поправокъ, передъ которыми окажется безсильною самая блестящая проницательность. Ж. Б. Сей имѣлъ полное право сказать, что отысканіе мѣрила цѣнностей составляетъ квадратуру круга политической экономіи.

Разбираемыя нами до сихъ поръ мѣновыя отношенія предполагались отношеніями свободными; въ дѣйствительности же они подвергаются различнымъ регламентаціямъ, одна изъ коихъ, и притомъ важнѣйшая, называется протекціонизмомъ.

Протекціонизмъ представляется Маклеоду вопросомъ силы; выгодою партіи въ ущербъ цѣлому обществу. Понятно, что при такомъ взглядѣ всякая оцѣнка доводовъ *за* и *противъ* совершенно излишня; возможна только одна оцѣнка — нравственная. Съ нравственной же стороны, протекціонизмъ представляется автору мѣрою, нарушающею естественное право человѣка пользоваться плодами своего труда,—насильственно и несправедливо присвоивающею собственность однихъ лицъ въ пользу другихъ,—мѣрою, при помощи которой производители заставляютъ потребителей платить за товары цѣну высшую той, которую послѣдніе платили бы при отсутствіи этой системы; а потому протекціонизмъ, по мнѣнію Маклеода, есть утонченная форма грабежа. Взгляните—продолжаетъ авторъ—на составъ парламента въ годину изданія хлѣбныхъ законовъ

въ 1815 г. Онъ состоялъ изъ землевладѣльцевъ, крупныхъ фабрикантовъ, богатыхъ купцовъ, слѣдовательно, исключительно изъ производителей и торговцевъ. Народъ не имѣлъ почти никакого вліянія на ходъ парламентскихъ дѣлъ. Сильный своею монополіею парламентъ издалъ законы, по которымъ производители и торговцы пріобрѣли возможность грабить народъ, какъ потребителей.

За анализомъ примѣненія закона цѣнъ къ случаямъ полной продажи слѣдуетъ разсмотрѣніе приложеній этого закона къ случаямъ покупки на опредѣленный періодъ пользованія.

Предметами покупки на опредѣленный періодъ пользованія бываютъ движимая и недвижимая собственность, личныя услуги и деньги; смотря по объекту пользованія, цѣна получаетъ различныя названія: арендной платы, наемной платы, жалованья, заработной платы, процентовъ.

Еще въ концѣ прошлаго столѣтія было указано Андерсономъ, что часть арендной платы за землю, рудники, лѣса, рыбныя ловли составляетъ плата за естественныя богатства этихъ предметовъ. Не возбудивъ тогда вниманія общества, этотъ вопросъ, уже спустя двадцать лѣтъ, былъ разработанъ Рикардо и составилъ одну изъ коренныхъ теоремъ науки. Плодородность поземельныхъ участковъ, обрабатываемыхъ, въ данное время, въ странѣ очень не равномѣрна; а потому, при одинаковомъ количествѣ труда и капитала, земли лучшаго качества дадутъ больше продукта, чѣмъ земли худшія. Теперь, если мы возьмемъ предѣльный въ данное время сортъ земли, такой, обработка котораго производится при наименѣе выгодныхъ условіяхъ, то плата за излишекъ продукта, получаемый съ лучшихъ сортовъ земли надъ суммою продукта, доставляемаго худшею землею, при равномъ количествѣ

затраченнаго на эти земли труда и капитала, называется *рентою*. До какого сорта спустится, въ извѣстное время, въ странѣ обработка земли, это обусловливается числомъ жителей и состояніемъ техники; но во всякомъ случаѣ обработка не спустится ниже того сорта земли, воздѣлываніе котораго возвращаетъ только сѣмена, пищу, съ добавкою продукта нужнаго на пріобрѣтеніе земледѣльцемъ другихъ предметовъ необходимости. Очевидно, что такая земля можетъ быть воздѣлываема лишь собственникомъ-земледѣльцемъ, такъ какъ она кромѣ удовлетворенія необходимыхъ потребностей не приноситъ никакой прибыли, что̀ составляетъ необходимое условіе для предпринимателя. Переходя постепенно къ участкамъ лучшаго качества, мы встрѣчаемся съ сортомъ земли, приносящимъ обыкновенную прибыль на затраченный капиталъ, но не оставляющимъ ничего для платежа какой-либо арендной платы. Такой типъ земли, удовлетворяя вполнѣ хозяина-промышленника, въ тоже время есть, съ одной стороны, граница, за которою всѣ лежащіе сорты земли приносятъ уже фермерскую ренту; съ другой — исходный пунктъ для опредѣленія величины фермерской ренты, даваемой всякимъ другимъ сортомъ земли. Такимъ образомъ, фермерская рента есть плата за излишекъ поземельнаго дохода, остающійся за удовлетвореніемъ издержекъ производства + средняя прибыль, т. е. такая, которую можно получить въ любомъ занятіи. Изъ сказаннаго нами видно, что рента, въ строгомъ смыслѣ, какъ ее понималъ Рикардо и какъ она понимается авторитетами науки, есть плата исключительно за производительныя силы земли; слѣдовательно, она не обнимаетъ всю арендную плату, въ которую входитъ также плата за постройки, скотъ и пр... а составляетъ только большую или меньшую ея часть.

Не такъ понимаетъ ренту Маклеодъ. Признавая невозможнымъ (?) выдѣленіе изъ всей арендной платы той части, которая платится за производительныя силы земли, онъ, въ пониманіи ренты, слѣдуетъ обыденному разговорному языку, называющему рентою вообще арендную плату, платимую какъ за качество земли, такъ и за пользованіе домомъ, постройками, скотомъ, орудіями и прочимъ хозяйственнымъ капиталомъ землевладѣльца.

Очевидно, такая теорія поземельной наемной платы уступаетъ глубиною анализа господствующей теоріи, основателемъ которой считается Рикардо и которая, будучи исправлена въ подробностяхъ, составляетъ, по нашему мнѣнію, неопровержимую теорему политической экономіи. Необходимость особаго анализа платы за производительныя силы земли вызывается нетолько научною полезностью разложенія составнаго понятія на части, но еще, и это главное, особымъ экономическимъ ея значеніемъ. Экономическая природа ренты не похожа на природу процентовъ, платимыхъ на затраченный землевладѣльцемъ капиталъ; а потому, наука обязана различать плату за строенія, орудія и другія фермерскія службы отъ платы за производительныя силы земли.

Отвергнувъ строгое понятіе ренты, Маклеодъ разсматриваетъ далѣе условія, отъ которыхъ зависитъ величина поземельной наемной платы вообще, и видитъ ихъ въ спросѣ и предложеніи, какъ всеобщемъ законѣ мѣны, причемъ арендную плату могутъ приносить только тѣ фермы, доходъ отъ которыхъ, при данной рыночной цѣнѣ на хлѣбъ и наличныхъ техническихъ средствахъ, превышаетъ стоимость обработки земли, сумму налоговъ и содержаніе самого фермера.

Признавая, что размѣръ потребности общества на продукты земли опредѣляетъ качество участковъ, которые бе-

рутся въ обработку, равно какъ это же обстоятельство опредѣляетъ объемъ всякаго другаго производства, мы полагаемъ, однако, что полнота и опредѣленность — на сторонѣ воззрѣнія, утверждающаго, что размѣръ поземельной наемной платы зависитъ отъ двухъ элементовъ, изъ коихъ первый есть разность между производительностью данной земли и того сорта ея, который, за покрытіемъ издержекъ производства и доставленіемъ обыкновенной прибыли, не оставляетъ затѣмъ никакого излишка; второй элементъ—проценты, платимые за пользованіе хозяйственнымъ капиталомъ. Не признавъ, а потому и не изслѣдовавъ научнаго понятія ренты, Маклеодъ, разумѣется, не могъ придти къ такому выводу.

Сказавъ затѣмъ нѣсколько словъ о наемной платѣ за пользованіе движимою собственностью, авторъ переходитъ къ анализу личныхъ услугъ. Спросъ и предложеніе управляютъ величиною рабочей платы; все, что увеличиваетъ спросъ на продукты, повышаетъ рабочую плату, и наоборотъ. Отсюда Маклеодъ справедливо указываетъ на невѣрность предположенія, котораго держались и держатся многіе уважаемые писатели, — будто величина рабочей платы находится въ прямой зависимости съ цѣною на съѣстные припасы. На дѣлѣ бываетъ совершенно иначе. Съ возвышеніемъ цѣнъ на съѣстные припасы, уменьшается фондъ рабочей платы, вслѣдствіе чего задѣльная плата падаетъ, причемъ предѣлъ ея паденія обусловливается стоимостью необходимыхъ средствъ къ существованію. Пониженіе цѣнъ на съѣстные припасы порождаетъ обратныя послѣдствія. Такое умозрѣніе подтверждается опытомъ. Извѣстно, что прошедшее столѣтіе представило примѣръ замѣчательнаго постоянства хорошей погоды и урожаевъ хлѣба. Въ продолженіе шестидесяти пяти лѣтъ отъ 1701 до 1765 года, за

немногими исключеніями, постоянно собирались обильныя жатвы; средняя цѣна хлѣба въ этотъ періодъ была на 16% ниже сравнительно съ средней цѣною предшествующаго столѣтія; но несмотря на это цѣна на трудъ сильно возросла въ продолженіе того же періода и, чего наименѣе слѣдовало ожидать, земледѣльческій трудъ поднялся на 16%. Тукъ замѣчаетъ [1]): «Дѣйствительность факта—увеличенія денежныхъ заработковъ совмѣстно съ паденіемъ цѣны на хлѣбъ, въ продолженіе этого періода времени, признается теперь несомнѣнными авторитетами». Адамъ Смитъ говоритъ: «Дѣйствительное вознагражденіе труда, подъ которымъ, какъ было уже указано, слѣдуетъ понимать такую сумму, которая въ состояніи нетолько удовлетворить необходимыя потребности человѣка, но и доставить ему удобства жизни, значительно возросла въ Великобританіи въ теченіе настоящаго (т. е. 18-го) столѣтія. Возвышеніе денежной цѣны труда имѣетъ, какъ кажется, причиною не уменьшеніе цѣнности серебра на европейскихъ рынкахъ, но увеличеніе матеріальной цѣны труда на великобританскомъ рынкѣ, благодаря особымъ счастливымъ обстоятельствамъ страны.» «Денежная цѣна труда дѣйствительно возвысилась въ теченіе настоящаго столѣтія. Причина этому, какъ кажется, заключается не столько въ уменьшеніи цѣнности серебра на европейскихъ рынкахъ, сколько въ увеличеніи въ Великобританіи спроса на трудъ, происходящемъ отъ большаго и почти всеобщаго благосостоянія страны.» [2]) «Въ послѣдніе годы прошедшаго столѣтія, вслѣдствіе долго повторявшихся скудныхъ жатвъ, цѣна на пшеницу сильно возросла, тѣмъ

---

[1]) History of Prices, vol. I, p 55.

[2]) Wealth of Nations. Book I, ch. XI, vol. II, p. 91. Wakefield's Edition.

неменѣе это не сопровождалось возвышеніемъ рабочей платы.» [1])

Если размѣръ рабочей платы опредѣляется спросомъ и предложеніемъ, различными въ каждой данной мѣстности, и если рабочая плата могла въ продолженіе шестидесяти пяти лѣтъ постоянно возвышаться, то нельзя согласиться съ Рикардо касательно установленной имъ *постоянной* или *естественной* рабочей платы, обусловливаемой стоимостью необходимыхъ средствъ къ существованію, приблизиться къ которой, по его словамъ, постоянно стремится рыночная рабочая плата, временно опредѣляемая спросомъ и предложеніемъ.

Рабочая плата въ Англіи больше, нежели въ Ирландіи, и въ тоже время отъ трехъ до осьми разъ меньше, нежели въ Америкѣ. Спрашивается, которая изъ нихъ должна быть принята за натуральную. Но нетолько въ различныхъ странахъ, въ одной и той же странѣ плата за трудъ, постояннымъ образомъ, различается по мѣсту. Такъ напр., въ западной части Іоркшира она равняется 14 шиллингамъ, а въ Дорсетширѣ только 7 шиллингамъ въ недѣлю. Которая изъ нихъ,—спрашиваетъ Маклеодъ — должна быть принята за естественную единицу? Воззрѣніе, допускающее существованіе постояннаго размѣра рабочей платы, къ которому, какъ къ центру, стремятся приблизиться временныя ея уклоненія, не подтверждается дѣйствительными фактами. Нельзя назвать временнымъ уклоненіемъ возвышеніе задѣльной платы въ Англіи въ теченіе шестидесяти пяти лѣтъ, отъ 1701 до 1765 г., или паденіе платы за трудъ въ Ирландіи съ начала нынѣшняго столѣтія до конца пятидесятыхъ годовъ; далѣе, еслибы естественная рабочая плата опредѣ-

[1]) Macleod, p. 208.

лялась стоимостью необходимыхъ средствъ существованія, тогда съ вздорожаніемъ послѣднихъ увеличилась бы и плата, съ удешевленіемъ—понизилась бы и плата, но выше было уже показано, что на дѣлѣ бываетъ совершенно противное.

Особый видъ найма личной собственности составляетъ наемъ денегъ, плата за пользованіе которыми называется процентомъ. Анализъ процентовъ, въ разбираемомъ нами сочиненіи, ничѣмъ не отличается отъ разсужденій, имѣющихся въ другихъ трактатахъ по политической экономіи, а потому мы ограничимся только формальнымъ указаніемъ на объемъ анализа.

Размѣръ процентовъ опредѣляется спросомъ и предложеніемъ; а потому безсильны законодательныя мѣры, клонящіяся установить постоянный процентъ. По мѣрѣ развитія страны увеличиваются ея богатства, всякое слѣдующее поколѣніе умножаетъ сумму существующаго капитала, число людей, владѣющихъ свободнымъ капиталомъ, увеличивается и конкуренція между ними понижаетъ процентъ; отсюда слѣдуетъ, что въ странѣ съ развивающимся хозяйствомъ размѣръ процента постепенно долженъ падать. Существуютъ два вида займа: заемъ обезпеченный имуществомъ и заемъ личный; только первый представляетъ заимодавцу полное обезпеченіе, при личномъ же займѣ ссуда сопряжена для него съ бо́льшимъ или меньшимъ рискомъ, соразмѣрно которому заимодавецъ требуетъ премію. Такимъ образомъ въ послѣднемъ случаѣ сумма, получаемая подъ названіемъ процентовъ, состоитъ изъ двухъ частей: процентовъ въ строгомъ смыслѣ и страховой преміи, величина которой опредѣляется какъ общими причинами (характеромъ судоустройства, законами о долгахъ и пр.), такъ и частною обстановкою каждаго отдѣльнаго случая.

*

§ 3.

Взглядъ Маклеода на основное свойство денегъ.—Орудія обращенія не составляютъ капитала.

За матеріальными цѣнностями слѣдуетъ изслѣдованіе цѣнностей нематеріальныхъ — кредитныхъ цѣнностей, обнимающее бо́льшую половину сочиненія и заключающее собою содержаніе политической экономіи по Маклеоду. Оно обнимаетъ слѣдующія главы: отчасти главу, названную «опредѣленія и объясненія терминовъ (definitions and illustrations of terms); теорію кредита (Theory of Credit); теорію банковаго дѣла (Theory of Banking); мнѣнія о кредитѣ (Opinions on the subject of credit); теорію вексельныхъ курсовъ (Theory of the exchanges); теорію денежнаго обращенія (on some theories of currency); очеркъ исторіи денежнаго обращенія въ Англіи (sketch of the history of the currency of England) и регулированіе бумажнаго денежнаго обращенія (on the regulation of a paper currency)». Для избѣжанія повтореній и разбросанности изложенія, мы не будемъ разсматривать каждую главу порознь, а постараемся, съ одной стороны, классифицировать разбираемые предметы по ихъ общимъ признакамъ, съ другой—соединить въ одно цѣлое разбросанныя

по главамъ разсужденія, относящіяся до одного и того же предмета. Такимъ образомъ наше изложеніе будетъ имѣть слѣдующій порядокъ: сначала мы скажемъ объ орудіяхъ обращенія вообще, затѣмъ разсмотримъ значеніе кредита и банковыхъ операцій, далѣе регулированіе монеты и бумажныхъ денежныхъ знаковъ и, наконецъ, теорію вексельныхъ курсовъ.

Члены мало развитаго общества удовлетворяютъ своимъ потребностямъ путемъ прямаго обмѣна произведеній. Съ увеличеніемъ мѣновыхъ оборотовъ, неудобства прямой мѣны сказываются болѣе и болѣе, и общество самою силою вещей приходитъ къ сознанію о необходимости установить единицу цѣнности. Изъ всѣхъ предметовъ благородные металлы оказываются наиболѣе способными удовлетворять условіямъ, требующимся отъ единицы цѣнности; а потому уже давно всѣ націи избрали ихъ для этой службы. Итакъ главною цѣлью принятія денежной системы было облегченіе обмѣна или, лучше сказать, устраненіе прямаго обмѣна; а потому экономисты вполнѣ справедливо называютъ деньги «средствомъ къ мѣнѣ — орудіемъ мѣны». Иначе смотритъ на нихъ Маклеодъ; по его мнѣнію деньги не «орудіе мѣны», а «представители долга». Первое опредѣленіе указываетъ на «средство къ мѣнѣ» какъ на основной признакъ денегъ; а слѣдуя автору — долгъ есть основное ихъ свойство; служить же «орудіемъ мѣны» — есть второстепенное, несущественное для нихъ условіе. Причиною возникновенія денегъ, по мнѣнію автора, было неравенство обмѣниваемыхъ услугъ. Могло случиться, что когда одно лицо ищетъ услугъ другаго, это послѣднее не нуждается вовсе, или не нуждается въ равныхъ услугахъ перваго, вслѣдствіе чего изъ совершенной ими сдѣлки вытекаетъ долгъ, удовлетвореніе котораго можетъ быть потребовано во всякое

время. Въ обезпеченіе долга лицо потребуетъ какого-либо внѣшняго знака, который, въ случаѣ спора, могъ бы служить доказательствомъ; если этотъ знакъ станетъ приниматься другими людьми взамѣнъ оказываемыхъ ими услугъ и пріобрѣтетъ такимъ образомъ свойство обращаемости, тогда онъ получитъ качество денегъ. Отсюда слѣдуетъ, говоритъ авторъ, что «какъ монета, такъ и денежный знакъ есть доказательство долга, слѣдующаго владѣльцу ихъ, доказательство, что владѣлецъ оказалъ услуги, за которыя не получилъ еще эквивалента, но можетъ его потребовать когда ему угодно... Слѣдовательно, цѣль употребленія денегъ заключается въ томъ, чтобы облегчить переходъ долговъ отъ одного лица къ другому, и какой бы матеріалъ ни былъ выбранъ для этой цѣли, будетъ ли это золото, серебро, или бумага, матеріалъ этотъ можетъ служить деньгами.» [1]) «Предшествующія разсужденія— говоритъ далѣе Маклеодъ—приводятъ насъ къ принципу, долженствующему занять въ политической экономіи важное мѣсто и который въ особенности необходимо имѣть въ виду во всѣхъ вопросахъ, касающихся теоріи денегъ. Принципъ этотъ слѣдующій: гдѣ нѣтъ долга, тамъ не можетъ возникнуть и денежнаго знака.» [2])

Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что деньги заключаютъ въ себѣ элементъ долга (входящій также и въ опредѣленіе «орудіе мѣны»),—право владѣющаго ими лица на извѣстное количество уже существующаго, или долженствующаго быть произведеннымъ продукта, тѣмъ неменѣе мы не видимъ основанія отрицать положеніе, что основной признакъ денегъ заключается въ служеніи ихъ орудіями мѣны. Отрицать это положеніе, въ силу того, что главною причиною возникно-

---

[1]) Macleod, p 25.
[2]) Ibid., p. 26

венія денегъ было не облегченіе обмѣна, а передача долговъ, нельзя по двумъ причинамъ: вопервыхъ, мнѣнія о первоначальныхъ мотивахъ къ принятію денегъ основаны не на положительныхъ свидѣтельствахъ исторіи, а суть абстрактные выводы изъ разсмотрѣнія выгодъ, доставляемыхъ деньгами. Главную и простѣйшую выгоду, приносимую ими, большинство видитъ въ устраненіи прямаго обмѣна, а потому и предполагаетъ, что это служило первоначальнымъ мотивомъ къ принятію единицы цѣнности. «Было бы совершенно безплоднымъ занятіемъ—говоритъ Горнье (въ одномъ изъ примѣчаній, сдѣланныхъ имъ къ переводу сочиненія Ад. Смита на французскій языкъ, изданнаго Гильоменомъ)—посвятить себя изслѣдованію той эпохи, въ которую въ первый разъ стала употребляться людьми монета. Рѣшить этотъ вопросъ значило бы опредѣлить время возникновенія цивилизаціи. Монета не есть ни изобрѣтеніе, ни открытіе; происхожденіе ея не вызвано ни случаемъ, ни геніемъ; оно вытекло изъ естественныхъ потребностей общества. Смитъ говоритъ совершенно основательно, что стремленіе къ мѣнѣ, свойственное человѣческой породѣ, есть источникъ, дающій начало раздѣленію труда, и что это раздѣленіе не можетъ ни развиваться, ни распространяться иначе, какъ съ расширеніемъ для каждаго человѣка возможности обмѣнивать излишекъ произведеній своего труда. Мы имѣемъ, стало быть, право утверждать, что всюду, гдѣ мы замѣчаемъ присутствіе большаго раздѣленія труда, существовало необходимо сильное движеніе въ мѣнѣ, и что здѣсь было, слѣдовательно, въ употребленіи какое-нибудь орудіе, предназначенное для облегченія и ускоренія мѣны, т. е существовала монета. Каждый народъ долженъ былъ избрать для этого употребленія такой предметъ, который болѣе всего пригоденъ для этой цѣли, подобно тому какъ для пищи и для одежды

онъ выбиралъ то, что онъ находилъ болѣе пригоднымъ и удобнымъ.» Замѣтимъ, кстати, самъ авторъ говоритъ, что своими разсужденіями о причинахъ, породившихъ деньги, онъ вовсе не желаетъ увѣрять, что таково было въ дѣйствительности ихъ происхожденіе; разсужденія его имѣютъ цѣлью указать только природу денегъ. Вовторыхъ, если даже и признать объясненіе автора о причинахъ возникновенія денегъ за наиболѣе правдоподобное, то это объясненіе все-таки не доказываетъ, чтобы воззрѣніе автора на природу денегъ было справедливо. Съ давнихъ поръ уже (какъ увидимъ ниже) деньги начали возникать и не изъ долговъ, и кромѣ того, данный вопросъ,—установленіе экономической природы денегъ насколько она проявляется въ ихъ отправленіяхъ, — не можетъ быть разрѣшенъ только на основаніи цѣли, ради которой онѣ первоначально были учреждены. Опредѣленіе сущности какого бы то ни было института, руководящееся *исключительно* цѣлью его установленія, должно быть признано ошибочнымъ, ибо почти всѣ институты по мѣрѣ развитія болѣе и болѣе различаются по содержанію отъ первоначальной цѣли ихъ учрежденія.

Не приводя въ доказательство невѣрности воззрѣнія на деньги, какъ на орудія мѣны, еще какихъ-либо основаній авторъ переходитъ къ дальнѣйшему изложенію предмета, считая, повидимому, такое воззрѣніе вполнѣ опровергнутымъ, а собственное—утвержденнымъ. Для избѣжанія той же ошибки мы, насколько можемъ, попытаемся уяснить— какое изъ двухъ воззрѣній, установленное — или предлагаемое Маклеодомъ, должно быть признано за истинное. Съ цѣлью разъясненія даннаго вопроса мы обратимся къ анализу свойствъ денегъ.

Существенные и постоянные признаки денегъ суть: обращаемость и возможность требовать услуги. Свойство

порождающее есть основное, свойство вытекающее—подчиненное. Что обращаемость денегъ порождаетъ возможность требовать услуги, а не обратно, въ этомъ мы убѣждаемся, вспоминая о существованіи огромнаго количества долговыхъ росписокъ, которыя только случайно, не иначе какъ по близкому знакомству входящихъ въ сдѣлку людей, могутъ обращаться между ними, тогда какъ нѣтъ ни одного денежнаго знака, который не представлялъ бы въ тоже время возможности требовать услуги, ибо послѣднее свойство необходимо присуще предмету, получившему обращаемость. Отсюда слѣдуетъ, что не каждый знакъ представляющій право требовать долгъ есть орудіе обращенія, между тѣмъ каждое орудіе обращенія необходимо вмѣщаетъ въ себѣ возможность требовать услуги. Итакъ въ виду существованія знаковъ, которые, представляя долгъ, не представляютъ однако орудій обращенія, мы не можемъ принять опредѣленіе денегъ какъ представителей долга. Исходя изъ этого опредѣленія, Маклеодъ логически приходитъ къ принципу: «гдѣ нѣтъ долга, тамъ не можетъ возникнуть и денежнаго знака». Какъ логическій выводъ изъ невѣрнаго основанія этотъ принципъ долженъ быть также несостоятельнымъ; и дѣйствительно онъ оказывается такимъ въ виду существованія аккоммодаціонныхъ векселей и выпускаемыхъ правительствами бумажныхъ денегъ, которые возникаютъ внѣ всякаго обмѣна товаровъ или услугъ, иначе сказать, возникаютъ не изъ долга.

На собственномъ примѣрѣ автора мы покажемъ, что орудія обращенія могутъ возникать и не изъ долговъ. На стр. 266 въ доказательство, будто кредитъ создаетъ продукты, авторъ приводитъ слѣдующій случай. Положимъ, говоритъ онъ, какая-либо городская корпорація желаетъ построить въ городѣ рынокъ; не имѣя на этотъ предметъ денегъ, она выпускаетъ облигаціи. Если эти обли-

гаціи будутъ приниматься, тогда онѣ исполнятъ всѣ функціи денегъ. Теперь мы спрашиваемъ: эти облигаціи, исполняющія всѣ функціи наравнѣ съ денежными знаками, возникли ли онѣ изъ долга? Нѣтъ. Знакъ возникъ изъ долга, когда лицо получило его взамѣнъ оказанной уже имъ услуги, въ данномъ же случаѣ возникновеніе облигацій или, что тоже, денежныхъ знаковъ не было слѣдствіемъ оказанной услуги, а простымъ созданіемъ городскою корпораціею орудій обращенія съ обѣщаніемъ будущаго по нимъ платежа.

Воззрѣніемъ автора на деньги объясняется принятая имъ классификація ихъ. Слѣдуя ему, къ деньгамъ или, что тоже, къ орудіямъ обращенія должны быть причислены:

1) Чеканная монета, золото, серебро и мѣдь.

2) Бумажные денежные знаки, включая сюда также платежныя росписки и всю разнообразную массу переводныхъ векселей.

3) Всѣ виды простыхъ долговъ, каковы: балансы банкировъ, долги купцовъ по книгамъ и частные долги отдѣльныхъ лицъ.

Не должны быть относимы къ орудіямъ обращенія: варранты, коносаменты, правительственные и публичные фонты, акціи банковъ, страховыхъ обществъ, желѣзныхъ дорогъ и пр. [1])

Приведенная классификація наводитъ насъ на слѣдующія соображенія. Признавая вполнѣ справедливымъ распространеніе понятія денегъ на прочія орудія обращенія, каковы: векселя, банковые билеты, чеки, кредитъ на книгу и др. въ силу принципіальнаго сходства ихъ

---

[1]) Macleod, p. 42.

экономической роли съ ролью монеты и бумажныхъ денегъ, заключающагося въ томъ, что всѣ они суть орудія мѣны, мы тѣмъ неменѣе не соглашаемся, чтобы авторъ, при его опредѣленіи денегъ, какъ представителей долга, имѣлъ основаніе отожествить деньги съ орудіями обращенія. Такое отожествленіе было бы возможно, при его взглядѣ на деньги, лишь въ томъ случаѣ, когда бы всякій долгъ, всякая долговая росписка были въ тоже время орудіями обращенія; но мы знаемъ о существованіи массы долговыхъ росписокъ, возникшихъ изъ простаго займа денегъ и вовсе не имѣющихъ способности что-либо обращать, а требующихся только какъ доказательство права на случай судебнаго спора. Нельзя же утверждать, что простая отдача денегъ въ займы обращаетъ что-либо. Чтобы быть послѣдовательнымъ своему воззрѣнію на деньги, авторъ долженъ бы былъ признать орудія обращенія отличными по экономической природѣ отъ денегъ. Отожествленіе же этихъ двухъ понятій привело его къ противорѣчіямъ. Варранты и коноссаменты, до востребованія по нимъ имущества, успѣваютъ пятьдесятъ разъ обернуть товары, иначе — проявить свою покупательную силу, замѣнить монету; все, что замѣняетъ функціи монеты, должно быть признано за орудія обращенія, слѣдовательно варранты и коноссаменты суть орудія обращенія. Но вышеприведенная классификація, какъ мы видѣли, исключаетъ ихъ изъ разряда орудій обращенія; и причина этого исключенія лежитъ въ воззрѣніи автора на деньги: коноссаменты и варранты, *какъ знаки, возникающіе не изъ долговъ*, не могли быть причислены имъ къ деньгамъ или орудіямъ обращенія. Такимъ образомъ, отожествивъ деньги (въ смыслѣ представителей долга) съ орудіями обращенія, Маклеодъ поставилъ себя въ неразрѣшимое противорѣчіе: причисленіе варрантовъ и коноссa-

ментовъ къ деньгамъ было бы противно принятому имъ на послѣднія воззрѣнію; сдѣланное же имъ исключеніе ихъ также ошибочно, ибо, будучи орудіями обращенія, они сами собою входятъ въ разрядъ предметовъ того же имени.

Кромѣ приведеннаго нами, авторъ выставляетъ еще другое соображеніе, почему онъ не причисляетъ варрантовъ и коноссаментовъ къ деньгамъ. Деньги—говоритъ онъ—представляютъ долгъ, лежащій на обществѣ или лицѣ, доковыя же и грузовыя свидѣтельства представляютъ опредѣленное имущество.

Что представленіе знаками опредѣленнаго имущества не препятствуетъ имъ выполнять функціи денегъ, доказательствомъ тому служатъ ассигнаты французской революціи, представлявшія собою коронныя, церковныя, монастырскія земли и земли эмигрантовъ. Что основаніе, принятое французскимъ правительствомъ для выпуска ассигнатовъ, было нераціонально, это совершенно вѣрно, но тѣмъ неменѣе невозможно сомнѣваться, что ассигнаты исполняли обязанности денегъ; причина же паденія ихъ покупательной силы объясняется чрезмѣрнымъ ихъ размноженіемъ.

Въ неменѣе трудномъ положеніи находится Маклеодъ относительно долговъ частныхъ лицъ. Мы уже говорили, что не всякій долгъ есть въ тоже время орудіе обращенія. Пока практика не выработаетъ обращаемости частныхъ денежныхъ росписокъ, до тѣхъ поръ онѣ,какъ не исполняющія функцій денегъ, не могутъ быть къ нимъ и причислены. Принявъ же особое воззрѣніе на деньги, авторъ, чтобы оставаться послѣдовательнымъ, принужденъ былъ отнести всѣ частныя долговыя росписки къ деньгамъ и такимъ образомъ отнести къ орудіямъ обращенія то, что ничего не обращаетъ, слѣдовательно, что не есть орудіе обращенія. Самая ошибочность классификаціи не служитъ ли доказательствомъ невѣрности принятаго авторомъ взгляда на основное свойство денегъ?

Что публичные фонды и акціи различныхъ обществъ не могутъ считаться орудіями обращенія — совершенно справедливо; но основаніемъ тому служитъ не то, что они представляютъ опредѣленное имущество, какъ это думаетъ Маклеодъ, и о несостоятельности чего мы уже говорили, а также не то, что владѣлецъ такого документа можетъ получить впослѣдствіи больше или меньше первоначально заплоченной за нихъ цѣны, ибо такое обстоятельство случается и съ банковыми билетами и съ векселями и съ облигаціями обществъ, и не препятствуетъ однако автору признавать ихъ орудіями обращенія,—основаніемъ тому служитъ только то, что практика не выработала ихъ обращаемости, вслѣдствіе чего они не могутъ замѣнять функціи денегъ.

Назначеніе орудій обращенія указывается самымъ названіемъ. Сумма трансфертовъ орудій обращенія называется денежнымъ обращеніемъ; слѣдовательно, объемъ денежнаго обращенія зависитъ какъ отъ количества орудій, такъ и отъ быстроты ихъ обращенія; а потому одна и та же работа или, что тоже, равное по объему денежное обращеніе можетъ быть исполнено разными количествами орудій обращенія. Столь же ясно другое положеніе, что количество денегъ, требуемыхъ для выполненія какого-либо объема денежнаго обращенія, зависитъ отъ характера пріемовъ, употребляемыхъ при мѣновыхъ сдѣлкахъ. Слѣдующій примѣръ автора хорошо поясняетъ это положеніе. Положимъ, два лица А и В состоятъ взаимно должными другъ другу по продажѣ какихъ-либо предметовъ; А купилъ товаровъ у В на сумму 10 фунт. стерл., В купилъ товаровъ у А на сумму 13 фунт. стерл.; для разрѣшенія сдѣлки имѣются три способа: 1) каждый изъ нихъ можетъ послать клерка къ другому, поручивъ ему уплатить полную сумму долга. Разрѣшеніе сдѣлки при такомъ

способѣ потребуетъ 23 фунтовъ. 2) А, желая уплатить долгъ В, можетъ послать ему 10 ф., а В, возвращая обратно эту сумму, прибавитъ къ ней отъ себя 3 фунта. Такой способъ потребуетъ 13 ф. 3) А и В могутъ сойтись и, опредѣливъ текущіе другъ на друга долги, уплатить лишь разницу въ счетахъ. Такой способъ потребуетъ только 3-хъ фунтовъ. Теперь очевидно, что для разрѣшенія одной и той же сдѣлки могутъ потребоваться различныя суммы денегъ, смотря по тому, какой изъ этихъ трехъ способовъ будетъ выбранъ. Разница между первымъ и третьимъ способомъ оказывается въ 20 фунтовъ. [1]) Изъ этого можно видѣть, какая огромная масса монеты можетъ быть совершенно вынута изъ обращенія вслѣдствіе одного измѣненія пріемовъ окончательнаго разрѣшенія мѣновыхъ сдѣлокъ.

Изложивъ свой взглядъ на основное значеніе орудій обращенія, Маклеодъ указываетъ далѣе на другое общее всѣмъ орудіямъ обращенія значеніе, заключающееся въ томъ, будто они, орудія обращенія, суть капиталъ.

Къ сожалѣнію въ политической экономіи понятіе о капиталѣ не установилось окончательно и различными писателями употребляется въ различныхъ значеніяхъ. Чтобы объяснить мотивы, склонившіе автора присвоить орудіямъ обращенія названіе капитала, мы постараемся указать путь, который привелъ его къ такому опредѣленію.

Въ отдаленныя времена, когда еще не было изобрѣтено денежныхъ знаковъ и люди оказывали другъ другу услуги путемъ непосредственной мѣны, могло случаться, что пастухъ, обмѣнивая свой скотъ на произведенія земли, получалъ послѣднія въ количествѣ большемъ, нежели какое требовалось для удовлетворенія потребностей его

---

[1]) Macleod, p. 59.

семьи. Если такая мѣна продолжалась, положимъ, въ теченіе года, то у пастуха могъ накопиться запасъ хлѣба далеко большій того, какой необходимъ ему съ семействомъ для немедленнаго потребленія. Согласно съ установившеюся терминологіею, авторъ справедливо говоритъ, что такое накопленіе или сбереженіе представляетъ первоначальное понятіе о капиталѣ. Итакъ, *основное понятіе* о капиталѣ можетъ быть выражено какъ запасъ сбереженнаго труда. [1])

Здѣсь мы прервемъ на короткое время изложеніе хода изысканій автора, имѣющихъ цѣлью опредѣлить, что должно разумѣть подъ словомъ капиталъ. Адамъ Смитъ, изслѣдуя условія производства богатствъ, видѣлъ, что въ созданіи продуктовъ участвуютъ три элемента: силы природы, трудъ и накопленный запасъ продуктовъ прежняго труда. Удобство требовало замѣнить многословное опредѣленіе послѣдняго элемента однимъ словомъ, для чего можно было или изобрѣсти совершенно новый терминъ или поискать, нѣтъ ли въ языкѣ слова, обозначающаго то же или близко подходящее понятіе. Языкъ предлагалъ слово капиталъ, означающее запасъ накопленнаго труда вообще и Адамъ Смитъ заимствовалъ его. Но мы должны помнить, что научное значеніе слова «капиталъ» тѣснѣе значенія, въ которомъ это слово употребляется въ разговорномъ языкѣ; первое разумѣетъ подъ капиталомъ только ту часть накопленнаго труда, которая идетъ на производительные процессы, второе же понимаетъ подъ капиталомъ всю сумму накопленнаго труда, не обращая вниманія на ея назначеніе. Только первое понятіе соотвѣтствуетъ надобностямъ науки, ибо основныя теоремы науки, выводимыя изъ такого понятія, не могутъ

---

[1]) Macleod. Ch. Definit. and illustr. of terms.

быть выведены изъ понятія о капиталѣ, какъ о всей массѣ накопленнаго труда. Вслѣдствіе этого слѣдуетъ строго различать эти два понятія и называя капиталомъ первое, никогда не слѣдуетъ называть капиталомъ второе. Несоблюденіе этого правила ведетъ къ спутанности понятій и тѣмъ затрудняетъ движеніе науки впередъ. Маклеоду, безъ сомнѣнія, извѣстно было научное опредѣленіе капитала (которое такъ строго выдержано Миллемъ, ни разу не употребившимъ въ своемъ объемистомъ сочиненіи «Основанія политической экономіи» слова капиталъ въ иномъ значеніи, какъ только въ смыслѣ запаса труда, предназначеннаго на производительные процессы), а потому, намъ кажется, прежде чѣмъ рѣшиться на изслѣдованіе, что должно понимать подъ словомъ капиталъ, автору слѣдовало бы доказать неудобство принятаго наукою опредѣленія капитала. Единство научной терминологіи—предметъ огромной важности; отсутствіе такого единства спутываетъ понятія, ведетъ къ взаимному непониманію; въ виду этого измѣненіе терминологіи можетъ быть допущено только ради серьезныхъ причинъ. Въ разбираемомъ же нами трудѣ нетолько не приведено основательныхъ доводовъ въ доказательство неудобствъ установленнаго, строгою терминологіею, опредѣленія капитала, но даже никакихъ не приведено, какъ-будто то или другое опредѣленіе капитала, та или другая научная терминологія, а главное существованіе различныхъ терминологій разомъ,—предметъ совершенно маловажный, не заслуживающій большаго вниманія. Кромѣ того, выдержками изъ сочиненія, мы покажемъ дальше, что авторъ употребляетъ слово капиталъ неменѣе какъ въ четырехъ различныхъ значеніяхъ и тѣмъ нарушаетъ, высказанное имъ въ предисловіи къ своему труду, положеніе, что «Политическая экономія никогда не достигнетъ удовлетворительнаго состоянія, если значеніе

каждаго ея термина не будетъ столь же точно опредѣлено... какъ это видимъ мы въ Механикѣ.» [1]) Могутъ сказать: можетъ быть опредѣленіе капитала, сдѣланное Маклеодомъ, заключаетъ въ себѣ столь очевидныя выгоды, что онъ не считаетъ даже нужнымъ доказывать превосходство предлагаемаго имъ термина надъ существующими опредѣленіями капитала? Дальнѣйшій разборъ основаній, служившихъ автору для опредѣленія капитала, покажетъ намъ, можетъ ли имѣть мѣсто такое мнѣніе.

Признавъ запасъ накопленнаго труда за *основное* понятіе о капиталѣ, авторъ продолжаетъ разсуждать слѣдующимъ образомъ. Извѣстно, что деньги, будучи всеобщею покупательною силою, служатъ обыкновеннымъ средствомъ вознагражденія услугъ. Труженикъ, получивъ плату деньгами, не пріобрѣлъ еще тѣмъ самымъ эквивалента за свой трудъ, а только нѣчто такое, что даетъ ему средства къ пріобрѣтенію нужнаго. Деньги поэтому не суть эквивалентъ, а только символъ или доказательство, что труженикъ оказалъ услуги, за которыя еще не получилъ равной цѣнности. Если человѣкъ, вмѣсто того, чтобы истрачивать всѣ получаемыя имъ деньги на предметы потребленія, сбережетъ часть ихъ, то такое сбереженіе называется капиталомъ. Первое значеніе, какое дѣловой человѣкъ соединяетъ съ выраженіемъ капиталъ, есть деньги. Поэтому капиталъ не *представляетъ* самихъ товаровъ, а только покупательную силу, которою пользуется владѣющее деньгами лицо. Итакъ, капиталъ есть сила, заставляющая товары обращаться, иначе—капиталъ есть орудіе обращенія. Кромѣ покупки на монету и денежные знаки, коммерческій міръ выработалъ еще об-

[1]) Macleod, p. VII.

ращающую силу, которая составляетъ символъ будущей смѣтливости, дальновидности и предпріимчивости, и эта обращающая сила есть *кредитъ*. Купецъ, вмѣсто того, чтобы покупать товары на наличныя деньги, покупаетъ ихъ «на обѣщаніе заплатить деньги въ извѣстный срокъ». Система покупки товаровъ «на обѣщаніе платежа» называется системою кредита. Слѣдовательно, когда мѣновыя сдѣлки совершаются въ кредитъ, кредитъ является такою же обращающею силою, какъ и деньги; а такъ какъ всякая сила, заставляющая товары обращаться, есть капиталъ, то «кредитъ есть капиталъ». [1])

Приведенное мѣсто едвали нуждается въ комментаріяхъ. *Признать* за основное понятіе о капиталѣ запасъ сбереженнаго труда—иначе предметы, имѣющіе внутреннюю самостоятельную цѣнность, а затѣмъ утверждать, что капиталъ не представляетъ самихъ предметовъ, а изображаетъ лишь покупательную власть, которою пользуется владѣлецъ денегъ или—что тоже—орудій обращенія, есть очевиднѣйшее самопротиворѣчіе, необходимо вытекающее изъ подведенія подъ одно понятіе двухъ различныхъ предметовъ. Орудія обращенія не суть запасъ сбереженнаго труда, точно также, какъ квитанція на полученіе изъ конторы багажа не есть самъ багажъ. До чего экономическая роль капитала, какъ запаса сбереженнаго труда, отличается отъ экономической роли орудій обращенія, видно изъ того, что основныя теоремы относительно одного предмета ничуть не касаются или даже прямо противоположны въ приложеніи къ другому. Возьмемъ, напр.,

---

[1]) Princ. of Polit. Econ. by Macleod. Ch. Definit. and illustr. of terms.

основную и самую важную теорему—увеличеніе капитала обогащаетъ страну. Это положеніе, вытекающее изъ опредѣленія капитала, какъ запаса сбереженнаго труда, не имѣетъ никакого примѣненія къ орудіямъ обращенія. Увеличеніе массы денегъ никогда не можетъ обогатить страну, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ имѣть даже очень вредныя послѣдствія. Одно такое сопоставленіе достаточно указываетъ глубокую разницу экономической роли капитала, какъ запаса сбереженнаго труда, отъ роли орудій обращенія, а слѣдовательно — и логическую невозможность подводить ихъ совмѣстно подъ опредѣленіе капитала.

Ссылка же автора на пониманіе денегъ, какъ капитала, дѣловыми людьми нетолько не можетъ служить въ пользу, а скорѣе доказываетъ неосновательность, принятаго Маклеодомъ, опредѣленія капитала, ибо извѣстно, что источникъ подобнаго пониманія дѣловыми людьми денегъ заключается въ недостаточномъ съ ихъ стороны знакомствѣ съ экономическими вопросами. Милль говоритъ, что только люди совершенно непривычные къ размышленію о вопросахъ, которыми занимается политическая экономія, могутъ считать деньги капиталомъ. «Деньги точно также не капиталъ, какъ и не богатство. Сами по себѣ, деньги не могутъ совершать ни малѣйшей части дѣйствій капитала, потому что не могутъ дать никакого содѣйствія производству. Чтобы содѣйствовать ему, деньги должны быть обмѣнены на другія вещи, и все, что можетъ быть обмѣнено на другія вещи, можетъ содѣйствовать производству точно въ такой же степени, какъ деньги. Капиталъ помогаетъ производству тѣмъ, что даетъ удобное помѣщеніе, охраненіе, инструменты и матеріалы, нужные для работы, даетъ пищу и другое содержаніе работникамъ въ продолженіе работы. Это услуги, требуемыя настоящимъ

трудомъ отъ прошедшаго труда и его продуктовъ.» [1]) Вмѣсто того, чтобы разсѣять заблужденіе дѣловыхъ людей, Маклеодъ приводитъ его какъ-бы основаніемъ для присвоенія деньгамъ названія капитала.

Допустить присвоеніе слова капиталъ деньгамъ нельзя было бы и въ томъ случаѣ, когда бы это названіе желали отнести, исключительно, къ деньгамъ, а для накопленнаго труда, идущаго на производительные процессы, былъ бы изобрѣтенъ иной терминъ. Такое употребленіе слова капиталъ, кромѣ погрѣшности передъ языкомъ и измѣненія, безъ всякаго основанія, терминологіи, было бы еще причиною множества ошибокъ, располагая людей приписывать деньгамъ характеръ и экономическія свойства дѣйствительнаго капитала, т. е. запаса сбереженнаго труда.

Послѣ сказаннаго, нѣтъ необходимости разсматривать особо положеніе, что кредитъ, какъ покупательная сила, есть капиталъ. Положеніе это, будучи логическимъ выводомъ изъ признанія за капиталъ обращающей силы, принимаетъ всѣ, приведенныя нами, возраженія и слѣдуетъ судьбѣ основанія, изъ котораго выведено; а потому, если мы успѣли доказать, что орудія обращенія не капиталъ, то этимъ самымъ доказано, что и кредитъ, какъ покупательная сила, не капиталъ. Причина же, почему писавшіе объ экономическихъ воззрѣніяхъ Маклеода обратили особенное вниманіе на доктрину, утверждающую, что «кредитъ есть капиталъ», объясняется тѣмъ, что авторъ присвоилъ кредиту нетолько опредѣленіе, но и экономическія свойства запаса прошедшаго труда, идущаго на производительные процессы Мы говоримъ здѣсь о доктринѣ «со-

---

[1]) Милль. Основ. Полит. экон., стр. 70.

зданія кредитомъ продуктовъ», разсмотрѣніе которой будетъ имѣть мѣсто при разборѣ нами теоріи кредита вообще.

Итакъ, слѣдуя Маклеоду, капиталъ обнимаетъ собою запасъ накопленныхъ продуктовъ и обращающую силу. «Но слово капиталъ—продолжаетъ авторъ—способно еще къ дальнѣйшему метафорическому распространенію его первоначальнаго значенія. Такъ какъ цѣль труда каждаго человѣка состоитъ въ пріобрѣтеніи денегъ, то все, что ведетъ къ этой цѣли, можетъ, въ переносномъ смыслѣ, быть названо капиталомъ.» [1]) Отсюда капиталъ есть все то, чѣмъ человѣкъ можетъ торговать, или что онъ можетъ затратить съ цѣлью получить прибыль, или что служитъ ему средствомъ дохода. [2]) Такимъ образомъ всякое дарованіе, всякая профессія, посредствомъ которыхъ люди зарабатываютъ себѣ средства къ жизни, составляютъ для нихъ капиталъ.» [3])

Приведенныя нами выдержки указываютъ, что понятіе капитала, по Маклеоду, обнимаетъ собою не одни вещественныя произведенія, но и не вещественныя свойства; а потому авторъ считаетъ себя солидарнымъ съ экономистами, распространяющими понятіе капитала на умственныя и нравственныя богатства общества. Но едвали экономисты согласятся признать ихъ взглядъ на невещественный капиталъ солидарнымъ со взглядомъ Маклеода. Экономисты, исходя изъ основнаго научнаго значенія капитала, какъ запаса труда, идущаго на производительные процессы, видѣли, что умственныя и нравственныя качества общества суть тоже продуктъ вѣковыхъ трудовъ, и притомъ—много способствующій улучшенію ма-

---

[1]) Princ. of Polit. Econ. by Macleod, p. 69.
[2]) Ibid., p. 70.
[3]) Ibid, p. 72.

теріальнаго благосостоянія общества. Потому экономисты совершенно логически распространили на нихъ понятіе капитала. Маклеодъ же подводитъ невещественныя произведенія подъ понятіе капитала изъ произвольно выставленнаго имъ положенія, будто капиталомъ должно называться все то, что служитъ средствомъ дохода для отдѣльнаго лица. Различіе въ исходныхъ точкахъ влечетъ за собою различіе взглядовъ на невещественный капиталъ: первая точка зрѣнія опредѣляетъ считать капиталомъ только тѣ качества, которыя способствуютъ успѣхамъ матеріальнаго благосостоянія общества, вторая—всякія качества, лишь бы только они приносили выгоду отдѣльному лицу. Можетъ ли наука считать за капиталъ искусство акробата или балетной танцовщицы (собственный примѣръ автора), какъ это считаетъ Маклеодъ. Соціальная наука должна имѣть въ виду общество, а не отдѣльное лицо, иначе она запутается въ частностяхъ и не будетъ въ состояніи дѣлать общіе выводы; частная точка зрѣнія не научна.

Далѣе авторъ упрекаетъ писателей, распространившихъ понятіе капитала на умственныя и нравственныя силы общества, въ томъ, будто они остановились на полдорогѣ, ибо не признали капиталомъ всѣ будущіе платежи, невещественныя права и т. п., *составляющія предметъ покупки и продажи* въ той же мѣрѣ, какъ и всякая другая собственность. Такъ, напримѣръ, обязательство фермера уплачивать ежегодно, положимъ въ продолженіе 10 лѣтъ, ренту можетъ быть покупаемо и продаваемо, слѣдовательно, можетъ вести къ пріобрѣтенію денегъ, наравнѣ со всякимъ другимъ товаромъ.

На нашъ взглядъ такой упрекъ автора свидѣтельствуетъ о правотѣ экономистовъ. Если экономисты распространили понятіе капитала на умственныя и нравственныя силы

общества, какъ на произведенный *путемъ труда* продуктъ, то могли ли они, оставаясь логичными, признать за капиталъ права, удовлетвореніе по которымъ должно быть произведено изъ продуктовъ *будущаго* труда. Подведеніе Маклеодомъ такихъ предметовъ подъ понятіе капитала есть дальнѣйшее нарушеніе правилъ научной терминологіи.

Мы кончили разборъ разсужденій автора о капиталѣ; изъ нихъ оказывается, что понятіе о капиталѣ обнимаетъ: запасъ накопленнаго труда, обращающую силу, все служащее источникомъ дохода для отдѣльнаго лица и наконецъ всѣ права, могущія быть предметомъ торговли. Мы видѣли, что подобная классификація не можетъ имѣть претензіи считаться основанною на общихъ признакахъ предметовъ; а потому нетолько не удивляемся не находя, въ разбираемомъ нами сочиненіи, ни анализа свойствъ капитала, ни экономической его роли; но утверждаемъ, что авторъ, включивъ въ одно опредѣленіе разнородные предметы, не могъ сказать ничего такого касательно свойствъ капитала, что равно относилось бы ко всѣмъ предметамъ, подведеннымъ подъ этотъ терминъ. Но въ такомъ случаѣ, — какая цѣль классификаціи, изъ которой самъ авторъ не можетъ сдѣлать никакого употребленія?

Слѣдуетъ замѣтить еще, что опредѣленіе капитала, сдѣланное Маклеодомъ, приводитъ его самого къ крайней неточности выраженій. Приведемъ тому нѣсколько примѣровъ.

На стр. 423 сказано: «если количество монеты или денежныхъ знаковъ увеличивается быстрѣе, нежели капиталъ, это непосредственно ведетъ къ уменьшенію ихъ цѣнности. Если капиталъ увеличивастся быстрѣе моне-

ты, или денежныхъ знаковъ, тогда цѣнность денегъ возвышается. Поэтому, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ увеличенія денежныхъ знаковъ, безъ соотвѣтствующаго возрастанія капитала, бываетъ обезцѣненіе первыхъ.»

Очевидно, здѣсь слово капиталъ относится къ массѣ продуктовъ и противополагается монетѣ и денежнымъ знакамъ, тогда какъ, по опредѣленію Маклеода, денежные знаки представляютъ также капиталъ.

Далѣе, на стр. 451 читаемъ: «капиталъ и кредитъ, или монета и обѣщаніе уплатить монетою, образуютъ единственныя вѣрныя орудія обращенія или денежные знаки».

Здѣсь кредитъ не считается за капиталъ.

На стр. 452: «Если деньги рѣдки, а пшеница въ изобиліи, цѣна на пшеницу должна падать; напротивъ, когда деньги въ изобиліи, цѣна на пшеницу должна возвышаться. Цѣна на долги (кредитные знаки) слѣдуетъ тому же закону. Если капиталъ незначителенъ, цѣна на долги падаетъ, т. е. учетъ возвышается. Если капиталъ въ изобиліи, цѣна на долги возвышается, т. е. учетъ падаетъ».

Въ этомъ примѣрѣ кредитные знаки, вопреки опредѣленію, противополагаются понятію о капиталѣ, за каковой принимается только монета.

Приведемъ еще примѣръ. На стр. 461 сказано: «если металлическіе денежные знаки умножаются быстрѣе, чѣмъ капиталъ, природа указываетъ противъ этого средство: монета быстро начинаетъ вывозиться».

Здѣсь снова монета противополагается капиталу, причемъ подъ капиталомъ понимаются только товары. Подобныхъ нарушеній терминологіи встрѣчается не мало въ разбираемомъ нами сочиненіи, вслѣдствіе чего изложенію

автора часто не достаетъ ясности и опредѣленности. Показавъ взглядъ автора на орудія обращенія вообще, переходимъ теперь къ разсмотрѣнію одного изъ главныхъ ихъ видовъ, а именно кредитныхъ знаковъ.

§ 4.

Сущность кредита —Кредитные знаки не представляютъ имущества.—Кредитъ, создавая орудія обращенія, не создаетъ тѣмъ самымъ цѣнностей.

Если введеніе монеты и облегчило обмѣнъ, тѣмъ неменѣе часто могло случаться, что отсутствіе или недостача въ данную минуту монеты являлись обстоятельствами, затруднявшими мѣновыя сношенія людей. Съ цѣлью облегчить послѣднее неудобство, торговая практика мало по малу выработала рядъ мѣръ, которыя, будучи приведены нынѣ къ стройности и опредѣленнымъ формамъ, образовали систему, называемую системою кредита.

Сдѣлка,—говоритъ Маклеодъ,—одна сторона которой представляетъ обѣщаніе платежа, называется кредитною сдѣлкою. Кредитныя сдѣлки могутъ проявляться въ различныхъ формахъ; наиболѣе же распространенными и принятыми въ коммерческомъ мірѣ формами являются: векселя, банковые билеты, чеки, платежныя росписки и записи въ книги.

Лицо, продавшее товаръ въ кредитъ и получившее, въ доказательство существованія долга, вексель, можетъ распорядиться имъ по произволу: оставить у себя съ цѣлью пользоваться процентомъ, или купить на этотъ вексель товаровъ, т. е. передать его третьему лицу, или же, въ случаѣ нужды въ деньгахъ, продать его банкиру. До 1772 года покупка банкирами векселей производилась исключительно посредствомъ выпуска платежныхъ билетовъ на предъявителя или, что тоже, банковыхъ билетовъ, причемъ выпускъ такихъ билетовъ былъ монополіею Англійскаго банка. Съ цѣлью подорвать монополію, банкиры измѣнили пріемы своего дѣла и начали вписывать на кредитъ кліенту стоимость принесенныхъ имъ на продажу векселей, выдавая ему, взамѣнъ векселей, книжку съ бланковыми листками. Эти листки, названные чеками, подлежали банкирской оплатѣ по предъявленію, почему и стали ходить наравнѣ съ банковыми билетами. Отсюда видно, говоритъ авторъ, что чеки отличаются отъ банковыхъ билетовъ только формою; какъ система чековъ, такъ и система банковыхъ билетовъ равно опираются на кредитъ банкира и только незнакомство съ практическими формами банковаго дѣла дало поводъ къ предположенію, будто суммы, записанныя на счету кліентовъ, дѣйствительно находятся въ рукахъ банкира; на самомъ же дѣлѣ, значительная часть этой суммы представляетъ собою ничто иное какъ векселя. Отсюда,—нѣтъ разницы между банками, выпускающими билеты и называемыми поэтому «выпускными», и банками, ведущими свои операціи при помощи чековъ; слѣдовательно мысль, будто законодательное запрещеніе выпуска билетовъ можетъ остановить кредитныя операціи банковъ, оказывается заблужденіемъ.

Сущность банкирскихъ операцій заключается въ покупкѣ векселей. Банкиръ, выдавая за акцептованный имъ

вексель банковый билетъ или чекъ, совершаетъ, по мнѣнію автора, полную покупку векселя, а не ссуду денегъ подъ обезпеченіе векселя, какъ это принято считать. Банковое дѣло заключается въ покупкѣ долговъ на обѣщаніе платежа монетою. Учтенный вексель становится полною собственностью банкира; онъ можетъ его оставить у себя, продать и вообще распорядиться имъ по своему усмотрѣнію; но имѣлъ ли бы онъ право на это, еслибы векселя были залогомъ ссуженныхъ денегъ? Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что банкиръ требуетъ денегъ съ дебитора по векселю отъ своего имени, а не отъ имени лица, продавшаго ему вексель, слѣдовательно дѣйствуетъ какъ полный собственникъ векселя. Что же касается до обязанности послѣдняго надписателя уплатить банкиру деньги въ случаѣ несостоятельности дебитора, то такое обстоятельство можетъ быть разсматриваемо какъ ручательство за доброкачественность продаваемаго предмета.

Отсюда слѣдуетъ, если «купецъ торгуетъ въ кредитъ, то банкиръ торгуетъ кредитомъ»; обѣ операціи суть покупки предмета съ обѣщаніемъ платежа. Поэтому Маклеодъ справедливо возстаетъ противъ взгляда, высказаннаго впервые Тюрго, и съ тѣхъ поръ повторяемаго почти каждомъ трактатѣ о кредитѣ, будто «кредитъ есть заемъ».

Кредитъ не представляетъ ничего подобнаго. Всѣ коммерческія сдѣлки на кредитъ суть продажи на обѣщаніе платежа. Лицо, продавшее товаръ въ кредитъ, теряетъ на него право собственности, которое всецѣло переходитъ къ покупщику. Послѣдуетъ или не послѣдуетъ уплата по векселю, продавецъ во всякомъ случаѣ не можетъ требовать товаръ обратно, хотя бы послѣдній находился еще у покупщика. Такое обстоятельство служитъ полнымъ доказательствомъ, что кредитные трансферты товаровъ не могутъ быть подводимы подъ понятіе займа.

Считая, вмѣстѣ съ Маклеодомъ, воззрѣніе на кредитъ, какъ на заемъ, неправильнымъ, мы, въ видахъ уясненія вопроса о кредитѣ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что не придаемъ этому ошибочному опредѣленію той важности, какую видитъ въ немъ авторъ, утверждающій, будто это злосчастное выраженіе было причиною, вслѣдствіе которой всѣ экономисты, начиная съ Тюрго и до настоящаго времени, не могли имѣть вѣрнаго понятія по всѣмъ вопросамъ, касающимся кредита. Мы не придаемъ большаго значенія неточному опредѣленію кредита, потому что, будучи неточно только со стороны юридической, со стороны чисто формальной, оно не имѣло и не могло имѣть вліянія на построеніе теоріи кредитныхъ операцій. Оно не играло въ экономической наукѣ роль принципа, изъ котораго были бы дѣлаемы логическіе выводы. Обозрѣвая трактаты о кредитѣ, мы видимъ, что теорія кредитныхъ операцій вырабатывалась изъ анализа жизненныхъ функцій кредита; а неправильное опредѣленіе его является чѣмъ-то постороннимъ, внѣшнимъ, не имѣвшимъ и не имѣющимъ никакого вліянія на образованіе воззрѣній о сущности кредитныхъ операцій. Отсюда слѣдуетъ, что замѣна принятаго опредѣленія кредита новымъ, которое предлагаетъ Маклеодъ, не можетъ повлечь за собою измѣненія наличныхъ воззрѣній на сущность кредитныхъ операцій. Маклеодъ не указываетъ, какія ошибки были слѣдствіемъ неправильнаго опредѣленія; мы съ своей стороны внимательно искали среди существующихъ доктринъ о кредитѣ такую, которая своимъ происхожденіемъ очевидно была бы обязана логическому выводу изъ положенія, что «кредитъ есть заемъ», и, не найдя такой доктрины, пришли къ убѣжденію, что неправильное опредѣленіе кредита не имѣло никакого вліянія на кредитную теорію.

Итакъ кредитная сдѣлка есть покупка товара на обѣщаніе платежа. Въ обыкновенномъ ходѣ дѣлъ товаръ отъ фабриканта до потребителя проходитъ три инстанціи, причемъ промежуточными членами являются оптовый и мелочной торговецъ. Если фабрикантъ продалъ товаръ въ кредитъ оптовому торговцу, а этотъ послѣдній мелочному, то изъ товара получается два векселя; затѣмъ фабрикантъ и оптовый торговецъ учитываютъ векселя у банкира и этотъ послѣдній становится такимъ образомъ собственникомъ двухъ векселей, возникшихъ съ трансферта одного и того же товара. Нерѣдко банкиру приходится учитывать не два, а значительное количество векселей, вызванныхъ трансфертомъ одного имущества. Описанные векселя называются дѣйствительными денежными векселями, въ предположеніи, будто каждый изъ нихъ соотвѣтствуетъ существующему товару. Но приведенныя соображенія, на которыя указывалъ еще Торнтонъ, [1]) разомъ устраняютъ подобное предположеніе и убѣждаютъ, что даже при самомъ обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, векселя по крайней мѣрѣ вдвое превышаютъ цѣнность имуществъ, изъ трансферта которыхъ они возникли. Слѣдовательно вексель не представляетъ собственности, а лишь долгъ. Отсюда Маклеодъ указываетъ на ошибочность предположенія, будто выполнимость денежныхъ или реальныхъ векселей болѣе гарантирована, нежели безденежныхъ. Въ сущности, говоритъ авторъ, они обезпечены совершенно одинаковымъ образомъ — всѣмъ имуществомъ лица, состоящаго должнымъ по векселю. Все различіе между ними заключается въ томъ, что денежный вексель представляетъ сдѣлку прошедшую, а безденежный — сдѣлку будущую; благонадежность же векселя зависитъ исключительно отъ харак-

---

[1]) Inquiry into the nature and effects of paper credit. Ch 2, p. 31 (1802 г.).

тера сдѣлки и состоятельности обязанной по векселю стороны. Бывали примѣры посылки коньковъ въ тропическія страны; вексель, выданный за грузъ подобнаго рода, считался бы векселемъ реальнымъ; а другой, возникшій хотя и внѣ трансферта товара, но предназначающійся на солидную сдѣлку,—фиктивнымъ. Что система аккомодаціонныхъ векселей, при раціональномъ пользованіи, не имѣетъ въ себѣ ничего губительнаго, примѣромъ тому можетъ служить Шотландія, вся кредитная система которой есть система аккомодаціонныхъ векселей. Но, признавая тожественность реальныхъ и аккомодаціонныхъ векселей въ томъ, что какъ тѣ, такъ и другіе представляютъ не имущество, а долгъ, тѣмъ неменѣе, нельзя отрицать, что система безденежныхъ векселей, давая болѣе простора пользоваться кредитомъ, болѣе доступна и злоупотребленіямъ. Хотя векселя, возникающіе изъ трансферта товаровъ, и превышаютъ цѣнность, вызвавшаго появленіе ихъ, имущества, все-таки умноженію ихъ есть нѣкоторыя задержки. Если же предположить злоупотребленіе аккомодаціонными векселями, то умноженіе ихъ, находясь внѣ всякой зависимости, можетъ дойти до размѣровъ произвольныхъ. Кто не знаетъ, что самое лучшее дѣло, будучи искажено, можетъ сдѣлаться дурнымъ! Съ устраненіемъ же злоупотребленій, внѣ-трансфертный кредитъ представляется силою, могущею быстрѣе и полнѣе осуществлять выгоды, приносимыя кредитомъ вообще.

Выгоды кредита состоятъ въ томъ, что люди съ малыми средствами, или даже просто обязанные круговой порукой (послѣднее, впрочемъ, примѣняется пока въ очень малыхъ размѣрахъ), пріобрѣтаютъ, съ помощью кредита, возможность вступать въ промышленныя предпріятія и достигать тѣмъ экономической самостоятельности. Кредитъ помогаетъ осуществленію экономическихъ

соображеній какъ производителей, такъ и торговцевъ, слѣдствіемъ чего является болѣе правильное производство и большее постоянство цѣнъ. Кредитъ помогаетъ фабриканту увеличить производство продукта, спросъ на который быстро усилился. Кредитъ позволяетъ торговцу воздержаться отъ вывоза товара на рынокъ, когда послѣдній находится тамъ уже въ избыткѣ, и напротивъ, умножить предложеніе товара, когда на него быстро усилится спросъ. Ясно, что такія операціи способствуютъ постоянству цѣнъ. Далѣе, кредитные знаки, будучи орудіемъ обращенія, уменьшаютъ потребность въ монетѣ, почему вся сумма труда, которая за неимѣніемъ кредитныхъ знаковъ идетъ на выдѣлку монеты, при наличности ихъ, можетъ быть употреблена на болѣе производительные процессы. Таковы выгоды, приносимыя кредитомъ и признаваемыя за нимъ, вообще говоря, всѣми экономистами.

Но Маклеодъ выставляетъ на видъ еще одну роль кредита, которая, окажись дѣйствительною, затмила бы всѣ перечисленныя нами выгоды. «Кредитъ создаетъ продукты», говоритъ Маклеодъ, и какъ доказательство приводитъ слѣдующій случай: «предположимъ, что городская корпорація желаетъ построить рынокъ, но не имѣетъ наличныхъ денегъ, требуемыхъ для покупки матеріаловъ, платы архитектору и рабочимъ. Между тѣмъ городская корпорація вполнѣ убѣждена, чте если рынокъ будетъ выстроенъ, то помѣщенія въ немъ будутъ разобраны немедленно и наемная плата, получаемая за помѣщенія, покроетъ долгъ, сдѣланный на постройку рынка. Но такъ какъ рабочіе не могутъ ожидать платы до окончанія постройки, а требуютъ ее тотчасъ, то очевидно, что они не могутъ быть наняты, если не будетъ найдено средство дающее возможность немедленно платить рабо-

чимъ за труды. Въ виду этого корпорація можетъ занять капиталъ или, если она пользуется хорошимъ кредитомъ, выпустить облигаціи различныхъ суммъ, приносящія опредѣленный процентъ. Если эти облигаціи будутъ представлять небольшія суммы денегъ и притомъ будутъ охотно приниматься городскими промышленниками, то онѣ могутъ быть употреблены въ уплату работникамъ за трудъ и, такимъ образомъ, исполнить всѣ функціи денежныхъ знаковъ. Слѣдовательно, онѣ будутъ столь же дѣйствительны, какъ настоящій капиталъ. Эти облигаціи могутъ быть погашаемы въ различные періоды времени. Когда рынокъ будетъ конченъ и помѣщенія разобраны, доходомъ отъ помѣщеній можно постепенно выкупать облигаціи и, такимъ образомъ, уплатить долгъ, который потребовалось сдѣлать на постройку рынка. Извѣстно, что по такому плану были построены многіе рынки. Этотъ примѣръ представляетъ не простой трансфертъ существующаго товара, а созданіе предмета посредствомъ кредита.» [1])

Приведенный примѣръ объясняетъ намъ, какимъ путемъ, по мнѣнію Маклеода, кредитъ создаетъ продукты— а именно: путемъ выпуска кредитныхъ знаковъ, или, что тоже,—покупательной силы. Такая доктрина есть наиболѣе своеобразная, но зато и наиболѣе парадоксальная въ кредитной теоріи Маклеода. Нерѣдко случается слышать, будто пора уже оставить разоблаченіе заблужденій меркантильной теоріи, какъ теоріи, переставшей вліять на умы — теоріи умершей. Мы всегда смотрѣли на такое мнѣніе какъ на иллюзію. Не говоря о массѣ людей, не знакомыхъ съ экономическими вопросами, не говоря о

[1]) Macleod, p. 266.

безпрестанныхъ появленіяхъ газетныхъ статей и спичей, смотрящихъ на экономическіе вопросы съ точки зрѣнія меркантилизма, уже одна возможность наличности доктрины, утверждающей будто кредитъ, какъ покупательная сила, создаетъ продукты, въ сочиненіи, занимающемъ видное мѣсто въ экономической литературѣ, не доказываетъ ли, что меркантильная идея еще не перестала оказывать вліяніе на умы. Въ самомъ дѣлѣ, сущность заблужденій меркантильной системы состояла въ томъ, что она придавала слишкомъ большую важность монетѣ; она видѣла въ монетѣ нетолько покупательную, но и обогащающую общество силу. Не ту же ли ошибку повторяетъ Маклеодъ, утверждая, будто-бы кредитные знаки нетолько покупательная, но и создающая продукты, слѣдовательно обогащающая сила. И несмотря на такое близкое родство этихъ двухъ доктринъ, послѣдняя нашла себѣ мѣсто въ сочиненіи, отвергающемъ меркантилизмъ какъ «чудовищное заблужденіе».

Разоблачать, подробно, заблужденіе вышеупомянутой доктрины значило бы доказывать уже много разъ доказанное положеніе, что *умноженіе орудій мѣны не увеличиваетъ богатства, не создаетъ продуктовъ.* Повторять аргументацію столь хорошо извѣстнаго положенія считаемъ совершенно излишнимъ, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ, въ принципѣ, вполнѣ признаетъ его, хотя, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ своего сочиненія выражаетъ мысли несогласныя съ этимъ положеніемъ. Замѣтимъ только, что продукты создаются исключительно *трудомъ* человѣка. Рабочіе люди каждаго округа заняты производствомъ различныхъ товаровъ; городская корпорація, нанимая, на выпущенныя ею облигаціи, рабочихъ для постройки рынка, отрываетъ ихъ отъ какого-либо прежняго занятія; если эти рабочіе

строили барки, то новый рынокъ ляжетъ въ ущербъ количеству барокъ или вообще въ ущербъ количеству какого-либо предмета, отъ производства котораго эта рабочая сила отвлечена. Слѣдовательно, городская корпорація, посредствомъ выпуска облигацій, не создаетъ продуктовъ, а только *измѣняетъ направленіе труда*. Къ выгодѣ или убытку для общества послужитъ перемѣщеніе труда, это вопросъ частнаго случая и пользованіе кредитомъ для перемѣщенія труда можетъ имѣть какъ хорошія, такъ и дурныя послѣдствія. Дальнѣйшіе результаты, которые произойдутъ вслѣдствіе выпуска городскою корпораціею облигацій, опредѣляются слѣдующею формулою: цѣнность орудій обращенія соразмѣряется съ суммою предметовъ, которые они приводятъ въ движеніе; а потому, если, вмѣстѣ съ выпускомъ облигацій, сумма обращаемыхъ предметовъ также увеличилась, то покупательная сила орудій обращенія не измѣнится, въ противномъ случаѣ покупательная сила — упадетъ. (Понятно, что незначительное умноженіе движущей силы не производитъ почти никакого вліянія на измѣненіе ея покупательной силы; но мы говоримъ о тенденціи покупательной силы орудій обращенія, умножающихся безъ соотвѣтственнаго увеличенія капитала.) Внѣшняя сторона дѣла вовлекла Маклеода въ заблужденіе; онъ видѣлъ, что корпорація, не занимая ни у кого денежныхъ знаковъ, простымъ выпускомъ облигацій, создала себѣ покупательную силу, благодаря которой выстроила рынокъ; онъ видѣлъ созданіе покупательной силы, покупку труда, постройку рынка, а упустилъ изъ виду отвлеченіе труда отъ прежняго или вообще отъ другаго занятія, слѣдствіемъ чего явилось положеніе, будто кредитъ создаетъ продукты. Что источникомъ заблужденія было упущеніе изъ виду факта перемѣщенія матеріаловъ и труда, на это указываетъ ха-

рактеръ, сдѣланнаго авторомъ, различія двухъ видовъ кредита. По его мнѣнію, кредитъ, употребленный съ цѣлью вызвать трансфертъ товара, не создаетъ продуктовъ, а способствуетъ только переходу изъ рукъ въ руки товаровъ уже существующихъ; кредитъ же, употребляемый на внѣтрансфертное созданіе покупательной силы, создаетъ продукты. Ясно, что авторъ приписываетъ послѣднему виду кредита способность создавать продукты въ томъ предположеніи, что онъ, порождая кредитные знаки, или покупательную силу и производя посредствомъ ихъ продукты, не уменьшаетъ однако, подобно трансфертному кредиту, производительной силы никого другаго. Но мы знаемъ, что весь смыслъ, вся суть кредита, въ обоихъ случаяхъ, заключается въ способности его переводить въ собственность лица или корпораціи собственность другихъ, и что, опять въ обоихъ случаяхъ, насколько увеличивается производительная или покупательная сила лицъ, воспользовавшихся кредитомъ, настолько же уменьшается такая сила другихъ. Матеріалъ, купленный городскою корпораціею для постройки рынка, взятъ у другаго предпринимателя, который употребилъ бы его для какой-либо иной цѣли; рабочіе, нанятые корпораціею, отвлечены отъ какого-либо другаго занятія;—ясно, что Маклеодъ видитъ созданіе продукта тамъ, гдѣ совершается только его перемѣщеніе. Основаніе для веденія промышленнаго предпріятія, въ обоихъ видахъ кредита, тожественно и заключается оно въ трансфертѣ товаровъ и труда. Потому Маклеодъ, не признавая способности создавать продукты за первымъ видомъ кредита,—какъ основаннымъ на трансфертѣ товаровъ, по той же самой причинѣ не долженъ былъ признать творческой силы и за вторымъ видомъ кредита.

Если можно говорить объ умноженіи кредитомъ капитала, то опираясь на совершенно другія основанія. Кре-

дитъ помогаетъ вступать въ промышленныя предпріятія способнымъ но малоимущимъ людямъ; хозяйственныя способности этихъ лицъ, будучи теперь приложены къ промышленнымъ предпріятіямъ, безъ сомнѣнія, усиливаютъ ихъ производительность или, что тоже, содѣйствуютъ умноженію продуктовъ.

Пока только зарождающійся, но долженствующій принять широкіе размѣры въ ближайшемъ будущемъ, кредитъ труду, содѣйствуя экономической самостоятельности труда, значительно увеличиваетъ успѣшность труда, а слѣдовательно способствуетъ умноженію продуктовъ.

Кредитъ, упрочивая непрерывность промышленныхъ операцій, способствуетъ постоянному занятію труда; уменьшая такимъ образомъ потерю рабочаго времени, онъ умножаетъ продукты.

Кредитъ, создавая ничего не стоющія орудія обращенія, уменьшаетъ потребность въ звонкой монетѣ, и трудъ, употреблявшійся прежде на пріобрѣтеніе такого дорогаго предмета, какъ звонкая монета, теперь, можетъ быть обращенъ на производительныя операціи; слѣдствіемъ этого будетъ умноженіе полезныхъ продуктовъ на всю цѣнность, вытѣсненной кредитомъ, звонкой монеты.

Вотъ въ какомъ смыслѣ по нашему мнѣнію, можно говорить объ умноженіи или созданіи кредитомъ товаровъ. Въ этомъ смыслѣ умножаютъ продукты и образованіе, и правосудіе, и безопасность личности и имущества, и распространеніе техническихъ знаній и многое другое, что можетъ быть подведено подъ рубрику условій, способствующихъ умноженію капитала.

Изложивъ главныя основанія кредита, авторъ не сомнѣвается, что каждый, познакомившійся съ его трудомъ, вынесетъ убѣжденіе о полномъ ниспроверженіи, существовавшей до сихъ поръ теоріи кредита. Тѣмъ неменѣе

онъ считаетъ нужнымъ разобрать мнѣнія на этотъ счетъ экономистовъ и съ этою цѣлью приводитъ для опроверженія взгляды на кредитъ Сэя, Милля, Макъ-Коллоха и Торнтона. Такъ какъ, приводимые Маклеодомъ, взгляды первыхъ трехъ экономистовъ относятся, по преимуществу, къ разсмотрѣнной нами доктринѣ «о созданіи кредитомъ продуктовъ», то мы находимъ умѣстнымъ указать здѣсь, какія возраженія представляетъ Маклеодъ на приводимыя имъ мнѣнія о кредитѣ Сэя, Милля и Макъ-Коллоха.

Сэй говоритъ [1]): «нѣкоторые воображаютъ, что кредитъ умножаетъ капиталы. Это заблужденіе, которое часто встрѣчается во многихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя написаны ex professo по политической экономіи, показываетъ полное незнаніе природы и функцій капиталовъ. Капиталъ всегда есть цѣнность очень реальная и заключенная въ веществѣ; продукты не матеріальные не подлежатъ накопленію; матеріальный же предметъ не можетъ находиться въ одно и тоже время въ двухъ различныхъ мѣстахъ и служить двумъ различнымъ лицамъ »

«Сэй—возражаетъ Маклеодъ—разсматриваетъ кредитъ какъ заемъ какого-либо продукта однимъ лицомъ у другаго; а потому и спрашиваетъ: какимъ образомъ возможно, чтобы одна и та же цѣнность, т. е. одинъ и тотъ же матеріальный продуктъ былъ одновременно въ двухъ различныхъ мѣстахъ. И это сужденіе стало основаніемъ всѣмъ остротамъ, которыя дѣлались противъ писателей,

---

[1]) On s'imagine quelquefois que le crédit multiplie les capitaux. Cette erreur qui se trouve fréquemment reproduite dans une foule d'ouvrages, dont quelqu—uns sont même écrits ex professo sur l'économie politique, suppose une ignorance absolue de la nature et des fonctions des capitaux. Un capital est toujours une valeur très réele et fixée dans une matière; car les produits immateriels ne sont pas susceptibles d'accumulation, *ou un produit matériel ne saurait être en deux endroits*

утверждавшихъ, что кредитъ есть капиталъ. Но кто же говорилъ, что вещь можетъ находиться одновременно въ двухъ различныхъ мѣстахъ?» [1])

По нашему мнѣнію, въ данномъ случаѣ, вопросъ о томъ, какъ опредѣляетъ Сэй кредитную сдѣлку—займомъ или покупкою на обѣщаніе платежа, не имѣетъ никакого значенія. Сэй вооружается здѣсь противъ доктрины, приписывающей кредиту непосредственно—производительную силу. Говоря: «предметъ матеріальный не можетъ находиться въ одно и тоже время въ двухъ различныхъ мѣстахъ и служить двумъ различнымъ лицамъ», онъ желаетъ напомнить, что сущность кредита заключается въ трансфертѣ товаровъ. Возраженіе Маклеода показываетъ, что онъ не узналъ своей доктрины «о созданіи кредитомъ продуктовъ» въ рѣзкомъ, но вѣрномъ положеніи Сэя; онъ удивляется, кто могъ увѣрять, что одинъ и тотъ же предметъ можетъ находиться одновременно въ двухъ различныхъ мѣстахъ?

Мы сказали, что находимъ категорическую постановку Сэемъ вопроса правильною; а потому невозможность для Маклеода защищать положеніе, что одинъ и тотъ же предметъ можетъ находиться одновременно въ двухъ различныхъ мѣстахъ, представляется намъ равносильною полному отверженію доктрины о созданіи, или, что тоже, умноженіи кредитомъ продуктовъ, изъ чего слѣдуетъ, что не взглядъ Сэя, касательно умноженія кредитомъ продуктовъ, ниспровергнутъ Маклеодомъ, а обратно.

Что же касается до слѣдующаго возраженія Маклеода: «Такой ошибочный взглядъ на кредитъ могъ быть еще извиненъ писателю, ограничивающему капиталъ исключительно матеріальными продуктами, какъ-то. земля, скотъ, хлѣбъ,

---

à la fois, et servir à deux personnes en même temps. (Traité d'Economie Politique, p. 392. Edit Guillaumin.)

[1]) Princ. of Polit. Econ. by Macleod, p 312

звонкая монета; по писателю, сильно настаивавшему на включеніе въ понятіе о капиталѣ не матеріальныхъ предметовъ, такая ошибка непростительна, ибо, очевидно, кредитъ есть видъ невещественнаго капитала, имѣющій притомъ громадную цѣнность», [1]) — мы признаемъ его не относящимся къ дѣлу, ибо пониманіе кредита, какъ невещественнаго капитала, способствующаго въ такомъ его качествѣ умноженію богатствъ, далеко отличается отъ признанія за кредитомъ способности создавать продукты, посредствомъ выпуска облигацій, или орудій обращенія.

Переходимъ къ мнѣнію Джона Стюарта Милля. [2])

---

[1]) Princ. of Polit. Econ by Macleod, p 313.

[2]) The functions of credit have been a subject of much misunderstanding, and as much confusion of ideas, as any single topic in Political Economy ..

As a specimen of the confused notions entertained respecting the nature of credit, we may advert to the exaggerated language so often used respecting its national importance. Credit has a great, but not as many people seem to suppose, a magical power, *it cannot make something out of nothing.* How often is an *extension of credit talked of as equivalent to a creation of capital, or as if credit actually were capital.* It seems strange that there should be any need to point out that credit being only permission to use the capital of another person, the means of production cannot be increased by it but only transferred If the borrower's means of production and of employing labor are increased by the credit given him, the lender's are as much diminished The *same* sum cannot be used as capital both by the owner, and also by the person to whom it is lent

But though credit is *never* anything more *than a transfer of capital from hand to hand,* it is generally, and naturally, a transfer to hands more competent to employ the capital efficiently in production .. Although, therefore, the productive funds of the country are not increased by credit, they are called into a more complete state of productive activity. The principal instruments for this purpose are banks of deposit. Where these do not exist, a prudent person must keep a sufficient sum unemployed in his own possession, to meet every demand which he has even a slight reason for thinking himself liable to. When the practice however, has grown up of keeping this reserve, not in his own custody, but

«Функціи кредита—говоритъ онъ—подали поводъ къ такимъ недоразумѣніямъ и къ такому смѣшенію понятій, которое представляетъ единственный примѣръ въ Политической Экономіи... Какъ образчикъ спутанности понятій относительно природы кредита мы можемъ представить то увеличенное значеніе, которое такъ часто придаютъ кредиту, говоря о его національной важности. Кредитъ заключаетъ въ себѣ большую, но не магическую силу, которую, кажется, видятъ въ немъ нѣкоторые; *онъ не можетъ создать что-нибудь изъ ничего.* Какъ часто говорятъ *о расширеніи кредита какъ о созданіи капитала, или — будто кредитъ есть дѣйствительный капиталъ.* Странна необходимость напоминать, что кредитъ, будучи только позволеніемъ пользоваться капиталомъ другаго лица, не увеличиваетъ средствъ производства, а только перемѣщаетъ ихъ. Если средства къ производству и занятію труда у лица, воспользовавшагося кредитомъ, увеличиваются, то средства кредитора настолько же уменьшаются. Одна и та же сумма не можетъ служить одновременно капиталомъ и собственнику ея и лицу, которому она одолжена. Но если кредитъ никогда не былъ чѣмъ-либо другимъ, какъ передачею капитала изъ рукъ въ руки, тѣмъ неменѣе онъ всегда переноситъ капиталъ въ руки, способныя употребить его болѣе производительно... Поэтому хотя производительный фондъ страны не увеличивается

---

with a banker, many small sums previously lying idle, become aggregated in the banker's hands; and the banker being taught by experience what proportion of the amount is likely to be wanted in a given time, and knowing that if one depositor happens to require more than the average, another will require less, is able to lend the remainder, that is the far greater part, to producers and dealers, thereby adding the amount, not indeed to the capital in existence, but to that in employment, and making a corresponding addition to the aggregate production of the community. (Principles of Political Economy, by John St. Mill. Vol. II, p. 36, 2nd Edit).

кредитомъ, однако онъ приходитъ въ состояніе болѣе дѣятельной производительности. Главными орудіями къ достиженію этой цѣли служатъ депозитные банки. Гдѣ они не существуютъ, разсудительный человѣкъ долженъ держать у себя безъ всякаго употребленія сумму, достаточную для удовлетворенія требованій, которыя, по вѣроятному разсчету, могутъ быть представлены ему. Но когда вошло въ обычай держать этотъ резервъ не въ собственной конторѣ, а у банкира, многія мелкія суммы, лежавшія прежде безъ всякаго употребленія, сосредоточились въ рукахъ банкира. Банкиръ, узнавъ изъ опыта, какая часть этой суммы можетъ быть въ данное время потребована, и зная, что если одинъ изъ вкладчиковъ потребуетъ больше чѣмъ среднюю пропорцію, другой потребуетъ меньше, нашелъ возможнымъ отдавать въ ссуду производителямъ и торговцамъ остатокъ, составляющій значительно бо́льшую половину всей суммы; вслѣдствіе этого увеличивается, правда не вся масса существующаго капитала, но количество дѣйствующаго капитала и соотвѣтственно этому увеличиваются производительныя силы общества.»

Сряду приводится мнѣніе и Макъ-Коллоха, который говоритъ слѣдующее [1]): «Очевидно, насколько увеличатся

---

[1]) It is plain that to whatever extent the power of the borrower of a quantity of produce, or of a sum of money to extend his business may be increased, that of the lender must be equally diminished. The same portion of capital cannot be employed by two individuals at the same time.

When produce is sold in the way now described, it is usual for the buyers to give their bills to the sellers for the price, payable at the period when the credit is to expire; and it is in the effects consequent to the negociation of such bills that much of that magical influence that has sometimes been ascribed to credit, is believed to consist Suppose, to illustrate this, that a paper maker, A, sells to a printer, B, a quantity of paper, and that he gets his bill for the sum payable at twelve

средства лица, занявшаго извѣстное количество продукта или денежной суммы съ цѣлью расширенія занятія, на столько же уменьшатся средства лица, ссудившаго продуктомъ. Одна и та же часть капитала не можетъ служить двумъ лицамъ одновременно.

«Когда продуктъ продается указаннымъ нами способомъ, покупщикъ обыкновенно выдаетъ продавцу вексель, обязуясь, по наступленіи срока, уплатить обозначенную

---

months after date. B could not have entered into the transaction had he been obliged to pay ready money; but A, notwithstanding he has occasion for the money, is enabled by the facility of negotiating or discounting bills, to give the requisite credit, without disabling himself from prosecuting his business In a case like this, both parties are said to be supported by credit, and as cases of this sort are exceedingly common, it is contended that half the business of the country is carried on by its means. All, however, that such statements really amount to, is that a large portion of those engaged in industrions undertakings do not employ, their own capital, but that of others In the case in question, the printer employs the capital of the paper maker, *and the latter employs that of the banker or broker who discounted the bill.* This person had, most likely, the amount in spare cash lying beside him, which he might not well know what to make of; but the individual into whose hands it has now come, will immediately apply it to useful purposes, or to the purchase of the materials, or the payment of the wages of the workmen employed in his establishment It is next to certain, therefore, that the transaction will have been advantageous, but still it is essential to bear in mind that it will have been so, not because credit is of itself a means of production, *or because it can give birth to capital not already in existence,* but because through its agency, capital finds its way into these channels, in which it has the best chance of being profitably employed. The real advantage derived from the use of bills and Banknotes as money consists, as has been already shewn, in their *substituting so cheap a medium of exchange as paper in the place of one so expensive as gold* . . . . . On analising any case of this kind we shall invariably find, that all that the highest degree of credit and confidence can do, is merely to *change the distribution* of capital—to transfer it from one class to another. (Commercial Dictionary, by M. Culloch Art Credit, p 467. Edit 1854)

въ векселѣ сумму; и въ послѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ обращенія векселей, видятъ ту магическую силу, которую приписываютъ кредиту. Съ цѣлью объяснить сущность кредита положимъ, что бумажный фабрикантъ, А, продаетъ типографщику, В, нѣкоторое количество бумаги, и на сумму продаваемаго товара получаетъ вексель на двѣнадцать мѣсяцевъ. В не могъ бы вступить въ сдѣлку, еслибы съ него потребовали уплаты чистыми деньгами. А, хотя и имѣлъ бы возможность продать товаръ на деньги, но, видя легкость обращенія и учета векселей, не отказываетъ типографщику въ кредитѣ, ибо знаетъ, что не лишаетъ себя тѣмъ возможности продолжать свое занятіе. Про случаи, подобные этому, говорятъ, что обѣ стороны держатся кредитомъ; а такъ какъ такіе случаи чрезвычайно обыкновенны, то и говорятъ, будто цѣлая половина дѣлъ страны держится такими средствами. Но все, что такія средства дѣйствительно производятъ, заключается въ томъ, что значительная часть людей, вступающихъ въ промышленныя предпріятія, употребляютъ не собственный капиталъ, а капиталъ, принадлежащій другимъ лицамъ. Въ данномъ случаѣ типографщикъ пользуется капиталомъ бумажнаго фабриканта, а послѣдній—капиталомъ банкира или маклера, дисконтировавшаго вексель. Банкиръ или маклеръ, очень можетъ быть, держали эту сумму безъ всякой нужды въ запасной кассѣ, потому что не могли найти для нея выгоднаго употребленія; лицо же, въ руки котораго она теперь переходитъ, тотчасъ найдетъ для нея полезное назначеніе, оно купитъ матеріялы, или заплатитъ людямъ, работающимъ у него въ заведеніи. Почти навѣрно можно сказать, что такая сдѣлка была производительною; но необходимо однако помнить, что она была такою не потому, что кредитъ самъ по себѣ былъ средствомъ производства или *чтобы онъ создавалъ еще*

не существующій капиталъ, а вслѣдствіе того, что, благодаря кредиту, капиталъ вливается въ такіе каналы, въ которыхъ онъ пріобрѣтаетъ наибольшую вѣроятность быть употребленнымъ производительно. Дѣйствительная же прибыль, получаемая отъ употребленія векселей и банковыхъ билетовъ, вмѣсто монеты, проистекаетъ, какъ было уже объяснено, *отъ замѣщенія такимъ дешевымъ орудіемъ мѣны, какъ бумага, столь дорогаго, какъ золото*....

«Анализируя сдѣлки этого рода, мы всегда найдемъ, что все, что можетъ сдѣлать даже самая высшая ступень развитія кредита и довѣрія, заключается въ измѣненіи распредѣленія капитала — въ перемѣщеніи его изъ рукъ одного класса людей въ руки другаго».

Очевидно, что приведенныя выдержки изъ Милля и Макъ-Коллоха различаются только формою выраженія, мысли же ихъ совершенно одинаковы.—Вѣроятно вслѣдствіе этого Маклеодъ считалъ достаточнымъ привести возраженіе на одного Милля, какъ равно относящееся и къ мнѣнію Макъ-Коллоха. Съ цѣлью опровергнуть эти мнѣнія, Маклеодъ приводитъ выдержку изъ сочиненія Милля «Principles of Political Economy», въ которой онъ усматриваетъ противорѣчіе съ приведеннымъ выше мнѣніемъ Милля о кредитѣ, которымъ, какъ мы видѣли, утверждалось, что кредитъ есть ничто иное какъ перемѣщеніе капиталовъ изъ рукъ въ руки, почему онъ самъ собою не увеличиваетъ общественныхъ средствъ производства продуктовъ; въ приведенной же Маклеодомъ, съ цѣлью указать противорѣчіе Милля, выдержкѣ говорится [1]): «цѣнность, сберегаемая

---

[1]) The value saved to the community by thus dispensing with metallic money is a clear gain to those who provide the substitute. They have the use of twenty millions of circulating medium, which have cost them only the expense of an engraver's plate *If they employ this ac-*

для общества чрезъ замѣну звонкой монеты бумагою, составляетъ чистый выигрышъ тѣхъ, которые снабжаютъ общество билетами. Они пользуются двадцатью милліонами орудій обращенія, которыя потребовали у нихъ расходовъ лишь на гравировку доски. Если они употребятъ эту прибавку къ своему имуществу, какъ производительный капиталъ, продуктъ страны увеличится и общество выиграетъ настолько же, насколько отъ прибавки другаго капитала такого же размѣра.»

Есть ли необходимость — спрашиваетъ Маклеодъ — доказывать неправильность взгляда Милля, высказаннаго имъ въ предыдущемъ параграфѣ, когда онъ самъ себя опровергаетъ въ послѣдующемъ?

Прочитавъ 173 и 174 страницы труда Милля, изъ которыхъ взята послѣдняя выписка, становится совершенно понятнымъ смыслъ, въ которомъ употреблено выраженіе, что, съ замѣщеніемъ монеты бумажными знаками, производительныя средства страны увеличиваются и общество выигрываетъ столько же, сколько отъ прибавки дѣйствительнаго капитала такого же размѣра. Здѣсь имѣется въ виду, что съ уменьшеніемъ потребности въ звонкой монетѣ сберегается трудъ, который можетъ быть теперь употребленъ на созданіе продуктовъ, непосредственно удовлетворяющихъ потребностямъ людей, т. е. на созданіе предметовъ земледѣльческой или мануфактурной промышленности. Такимъ образомъ, сбереженіемъ труда увеличиваются *производительныя силы общества*, а созданіемъ, посредствомъ сбереженнаго труда, продуктовъ увеличивает-

---

cession to their fortunes as productive capital, the produce of the country is increased, and the community benefited as much as by any other capital of equal amount (Principles of Political Economy, by John St. Mill. Vol. III, p. 174. 2nd Edit.).

ся *масса общественнаго капитала*. Таковъ настоящій смыслъ этого выраженія. И мы рѣшительно недоумѣваемъ, какое противорѣчіе видитъ Маклеодъ между разсужденіями, представляемыми второю выпискою, и положеніемъ Милля, что кредитъ есть ничто иное какъ трансфертъ капитала изъ рукъ въ руки, почему и не увеличиваетъ самъ собою средствъ производства. Очевидно такой взглядъ на сущность кредита не препятствуетъ утверждать, что сбереженіе труда, являющееся вслѣдствіе уменьшенія потребности въ звонкой монетѣ, увеличиваетъ производительныя средства общества, а созданіе, сбереженнымъ трудомъ, продуктовъ умножаетъ массу капитала. Милль не говоритъ, что въ фактѣ простой передачи товара заключается вся экономическая роль кредита, онъ говоритъ только, что сущность кредитной сдѣлки состоитъ въ трансфертѣ товара, а потому и возстаетъ противъ теоріи, смотрящей на кредитные знаки какъ на производительную силу. Такая теорія есть меркантилизмъ и Милль, подобно Сэю, справедливо приравниваетъ ее къ положенію, которое утверждало бы, что «одна и та же вещь можетъ находиться одновременно въ двухъ различныхъ мѣстахъ»,— приравненіе, съ которымъ Маклеодъ, какъ поддерживающій доктрину о творческой силѣ векселей, само собою разумѣется, согласиться не можетъ.

Въ результатѣ, — противорѣчій у Милля не оказывается, другихъ какихъ-либо возраженій, на приведенныя мнѣнія Милля и Макъ-Коллоха о кредитѣ, авторомъ не приведено, а потому мнѣнія Милля и Макъ-Коллоха о кредитѣ, насколько они выразились въ приведенныхъ выпискахъ, слѣдуетъ признать неопровергнутыми.

Нужно ли продолжать опроверженіе доктрины Маклеода о созданіи кредитомъ продуктовъ. Намъ кажется трудно отыскать положеніе большей очевидности, какъ то, что

кредитъ, создавая орудія обращенія, не увеличиваетъ непосредственно ими средствъ производства. Если мы остановились на доктринѣ о творческой силѣ кредитныхъ знаковъ, то сдѣлали это потому, что такая доктрина появляется уже не первый разъ. Еще Пинто училъ, что «публичные фонды увеличиваютъ богатство, торговлю, промышленность, потребленіе и податную способность народа». Не задолго до Маклеода, проводилъ подобное же ученіе Charles Coquelin въ сочиненіи Le credit et les Banques, изданномъ въ 1848 году,—ученіе, которое благодаря сложности кредитныхъ операцій, затемняющей истинную суть дѣла, находило и находитъ себѣ партизановъ. Распространеніе же ученія о кредитныхъ знакахъ, какъ о дѣйствительномъ капиталѣ, можетъ быть причиною весьма вредныхъ практическихъ ошибокъ.

§ 5.

Причины коммерческихъ и денежныхъ кризисовъ —Основное заблужденіе теоріи Ло — Бумажное денежное обращеніе не можетъ быть основано ни на чемъ другомъ, какъ только на металлическомъ фондѣ.—Дѣятельность англійскаго банка во время кризисовъ 1783, 1793 и 1825 годовъ. — Банковый актъ 1844 г —Кризисъ 1847 г.—Раціональное регулированіе учетнымъ процентомъ въ состояніи предотвратить банковые и облегчить коммерческіе кризисы.

Рядомъ съ изложеніемъ мыслей о сущности, значеніи и полезности кредита Маклеодъ указываетъ и на темную сторону кредита, заключающуюся въ способности его помогать расширенію спекуляцій и тѣмъ увеличивать размѣры коммерческаго кризиса. Въ объясненіи коммерческихъ кризисовъ авторъ сходится съ Миллемъ, Рошеромъ и другими экономистами, видящими главную ихъ причину въ безразсудной спекуляціи. Когда, по какимъ-либо обстоятельствамъ, рождается надежда на быстрое возвышеніе цѣны какого-либо товара, торговцы, разсчитывая на большіе барыши, спѣшатъ запастись этимъ товаромъ въ возможно большемъ количествѣ и съ этою цѣлью дѣлаютъ большіе заказы фабрикантамъ Неимѣніе нужныхъ на уплату по заказамъ денегъ—обстоятельство, которое мог-

ло бы ограничить пріобрѣтательную силу спекулянтовъ— замѣняется возможностью купить товаръ въ кредитъ. Отсутствіе знанія настоящихъ нуждъ общества, надежда продать товаръ въ пору стоянія на него высокихъ цѣнъ, порождаютъ появленіе на рынкѣ товара въ количествѣ, превышающемъ общественную на него потребность, вслѣдствіе чего цѣна на такой товаръ падаетъ. Продавая товаръ по низкой цѣнѣ, торговцы не въ состояніи выполнить принятыя на себя обязательства; слѣдуетъ рядъ банкротствъ, кредитъ потрясается, банкиры изъ самосохраненія отказываютъ въ учетѣ векселей, отчего кризисъ еще болѣе усиливается. Вслѣдствіе потрясенія довѣрія или кредита мѣновыя сдѣлки начинаютъ совершаться не иначе, какъ на звонкую монету; спросъ на нее чрезвычайно увеличивается и величина процента доходитъ до громадныхъ размѣровъ. Торговцы даютъ 15, 20 и даже 50%, лишь бы достать денегъ, которыя избавили бы ихъ отъ разоренія и помогли бы имъ удержать за собою прежнее положеніе. «Не недостатокъ въ деньгахъ,—говоритъ Маклеодъ,—а исчезновеніе довѣрія производитъ стѣсненіе денежнаго рынка. Разсмотрѣніе большихъ торговыхъ кризисовъ Англіи приводитъ къ заключенію, что они всегда были предшествуемы и порождаемы потрясеніемъ кредита, который разрушался вслѣдствіе неразсчетливаго производства и безразсудной спекуляціи.» [1])

Если причиною кризиса всегда бываетъ безразсудная спекуляція, то отсюда слѣдуетъ, что кризисъ возможенъ и при отсутствіи кредита, который, въ качествѣ покупательной силы, является не болѣе какъ однимъ изъ орудій спекуляціи; а потому сильно заблуждаются люди, надѣю-

---

[1]) Princ. of Polit. Econ. by Macleod, p 263.

щіеся обезпечить общество отъ коммерческихъ кризисовъ единственно посредствомъ усовершенствованной кредитной системы. Причина коммерческихъ кризисовъ лежитъ глубже; она лежитъ въ неразсчетливомъ веденіи обществомъ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, въ отсутствіи знанія потребностей общества, слѣдствіемъ чего бываетъ производство продуктовъ въ количествѣ бо́льшемъ, нежели требуется.

Все, на достиженіе чего могутъ разсчитывать усовершенствованія въ организаціи кредита вообще и банковой дѣятельности въ особенности, заключается, какъ увидимъ ниже, въ уменьшеніи размѣровъ кризиса; устранить же кризисы съ помощью однихъ усовершенствованій кредитной системы не возможно.

Упомянувъ о способности кредита служить орудіемъ расширенія спекуляцій, авторъ проходитъ молчаніемъ другія невыгодныя стороны современной организаціи кредита; онъ не останавливается на анализѣ той не благопріятной роли кредита, которая формулирована Рошеромъ слѣдующимъ образомъ: «Кредитъ ведетъ къ усиленію неравенства между людьми. Кто выдѣляется отъ другихъ своимъ состояніемъ или личностью, тотъ, разумѣется, и извѣстенъ въ болѣе обширномъ кругу, чѣмъ другіе. Оттого-то онъ свои, и безъ того уже значительныя, производительныя силы можетъ увеличить, благодаря кредиту, еще сильнѣйшимъ множителемъ.» [1]) Не устрани авторъ изъ круга своихъ изслѣдованій этой стороны кредита, онъ, вѣроятно, пришелъ бы къ заключенію, что такое свойство кредита не заключается въ самой его сущности, а есть только результатъ современной кредитной системы; слѣдовательно, усовершенствованіе этой системы, органи-

---

[1]) Начала народнаго хозяйства. Рошеръ, т. I, стр. 197.

зація кредита согласно съ его идеей—оказаніе матеріальнаго довѣрія лицамъ, которые за отсутствіемъ капитала лишены возможности самостоятельнаго пользованія своимъ трудомъ—дѣлаетъ возможнымъ постепенное, но вѣрное устраненіе невыгодныхъ съ этой стороны послѣдствій современной кредитной системы. Такимъ образомъ авторъ былъ бы логически приведенъ къ вопросу объ усовершенствованіи организаціи кредита, который, по своему практическому значенію, долженъ стать наряду съ важнѣйшими вопросами общественной жизни; правильно организованный кредитъ займетъ видное мѣсто среди мѣръ, способствующихъ матеріальному благосостоянію общества.

Всестороннее разсмотрѣніе вопроса о кредитѣ не входитъ въ рамки нашего изслѣдованія, предѣлы котораго, какъ мы полагаемъ, опредѣляются матеріальнымъ содержаніемъ разбираемаго нами сочиненія. А потому, не увлекаясь изслѣдованіемъ формъ и значенія современной организаціи кредита, мы, слѣдуя Маклеоду, переходимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ мѣропріятій, которыя въ состояніи умѣрить силу коммерческихъ кризисовъ. Главная задача такихъ мѣръ заключается въ возможномъ предупрежденіи расширенія спекуляцій и поддержаніи, въ критическую минуту, кредита. Но такъ какъ коммерческіе кризисы находятся въ тѣсной связи съ денежными, происходящими вслѣдствіе обезцѣненія кредитныхъ знаковъ, то возникаетъ вопросъ о мѣрахъ, противодѣйствующихъ какъ торговымъ, такъ и денежнымъ кризисамъ.

Изслѣдованіе мѣръ, ведущихъ къ этой цѣли, составляетъ, по нашему мнѣнію, лучшую часть разбираемаго нами труда. Наряду съ вѣрными и хорошо аргументированными взглядами на регулированіе денежныхъ знаковъ и банковыхъ операцій, мы находимъ здѣсь подробный разборъ различныхъ ложныхъ доктринъ относительно

денежной системы и основаній банковой дѣятельности, имѣющихъ еще до настоящаго времени много сторонниковъ. Усматривая громадный вредъ, который былъ наносимъ обществу каждый разъ, когда ложныя доктрины касательно регулированія денежныхъ знаковъ получали практическое осуществленіе, Маклеодъ, въ виду предотвращенія подобныхъ же бѣдствій въ будущемъ, считаетъ дѣломъ огромной важности опроверженіе такихъ ложныхъ ученій. По мнѣнію автора настало время, когда Парламентъ долженъ во всеуслышаніе изслѣдовать вопросъ о денежныхъ теоріяхъ и, чрезъ научное, безпристрастное его разъясненіе, навсегда разрушить опасныя по этому предмету заблужденія.

Въ большинствѣ случаевъ, мы вполнѣ согласны съ воззрѣніями автора, высказанными имъ въ этой части его труда. А потому задачею нашею будетъ систематичная постановка вопросовъ, относящихся къ теоріи регулированія денежныхъ знаковъ и банковыхъ операцій, и краткое указаніе существенныхъ основаній, которыя приведены Маклеодомъ для разрѣшенія такихъ вопросовъ.

Въ 1705 году явилось въ Эдинбургѣ сочиненіе подъ названіемъ: «Money and trade considered, with a proposal for supplying the nation with money», принадлежавшее перу шотландца Ло. Ло, видя бѣдственное положеніе родной ему страны, предполагалъ улучшить ея матеріальное существованіе посредствомъ увеличенія количества денегъ. Зная, что размѣниваемыя на благородный металлъ бумажныя деньги могутъ быть увеличены только до извѣстнаго размѣра, перейдя который онѣ, теряя цѣнность, будутъ снова обращаться въ кассы, Ло задумалъ выпустить бумажные знаки, обезпечивъ ихъ какимъ-либо другимъ цѣннымъ предметомъ. Если бумажные знаки—говоритъ Ло—должны представлять извѣстный цѣнный предметъ, то почему такимъ предметомъ не быть хлѣбу,

сукну, землѣ? Такіе товары даже болѣе способны быть основаніемъ бумажныхъ знаковъ, нежели серебро, ибо количество серебра возрастаетъ быстрѣе, нежели спросъ на него, вслѣдствіе чего оно постоянно понижается въ цѣнѣ, между тѣмъ какъ предложеніе товаровъ всегда стремится соотвѣтствовать спросу на нихъ, а цѣнность земли, кромѣ того, еще постоянно возвышается. Потому, какъ въ интересѣ оживленія торговли, такъ и въ интересѣ постояннаго сохраненія денежными знаками одинаковой цѣнности, слѣдуетъ основать бумажные знаки на какомъ либо товарѣ Наиболѣе же удобнымъ въ этомъ отношеніи товаромъ служитъ земля. Съ этою цѣлью Ло предлагаетъ выпустить бумажные знаки на сумму равную двадцатилѣтнему доходу съ земли.

Ло удалось осуществить свою теорію во Франціи, и печальные результаты, явившіеся слѣдствіемъ приложенія къ дѣлу его теоріи, хорошо извѣстны всякому. Неудачную попытку Ло современники объясняли различнымъ образомъ. Открыть же основное заблужденіе его теоріи и поставить категорически вопросъ: *могутъ ли бумажные знаки быть представителями товаровъ* никому не приходило въ голову. Только спустя тридцать лѣтъ явился замѣчательный экономистъ Тюрго, который доказывалъ, что бумажные знаки не суть представители товаровъ и всякая попытка въ этомъ родѣ неминуемо приведетъ къ обезцѣненію денежныхъ знаковъ. Къ сожалѣнію идея Тюрго не проникла въ общество, и не прошло семидесяти лѣтъ со времени неудачной операціи Ло, какъ его теорія, будучи снова примѣнена къ дѣлу, повергла Францію въ ужасную денежную катастрофу.

Имущества, конфискованныя Французскимъ революціоннымъ правительствомъ и оцѣненныя въ 2,000,000,000 фр., вмѣсто того, чтобы давать Франціи доходъ, обходились ей

въ 50 милл. фр. ежегодно. Съ цѣлью измѣнить такое положеніе дѣлъ, муниципалитеты задумали скупать конфискованныя земли и продавать ихъ небольшими участками частнымъ лицамъ. Но, не имѣя для покупки земли денегъ, муниципалитеты выпустили платежныя росписки. Не будучи въ состояніи удовлетворить въ срокъ владѣтелей росписокъ, они обратились къ правительству съ просьбою о выпускѣ бумажныхъ знаковъ *подъ обезпеченіе землею*. Въ 1790 г. національное собраніе разрѣшило выпускъ ассигнацій на сумму 400,000,000 фр.; въ томъ же году снова было выпущено 800,000,000 фр. Немного было людей, предвидѣвшихъ послѣдствія подобныхъ операцій. На замѣчаніе Талейрана, что неизбѣжнымъ результатомъ дальнѣйшаго выпуска ассигнацій будетъ ихъ обезцѣненіе, Мирабо отвѣчалъ слѣдующими словами: «Неправильно уподоблять ассигнаціи, обезпеченныя солиднымъ основаніемъ, состоящимъ изъ доменъ, обыкновеннымъ бумажнымъ деньгамъ, имѣющимъ вынужденное обращеніе. Первые представляютъ дѣйствительную и прочную собственность—землю, по которой мы ходимъ. Почему металлическое обращеніе прочно? Потому что оно основано на предметахъ, представляющихъ столь же реальную и устойчивую собственность, какъ земля, которая прямо или косвенно служитъ источникомъ всякаго богатства. Говорятъ, количество бумажныхъ денегъ сдѣлается чрезмѣрнымъ, оно вытѣснитъ металлъ изъ обращенія. Но о какихъ бумажныхъ деньгахъ говорите вы? Если о тѣхъ, которыя не имѣютъ солиднаго основанія, то это справедливо; если же о бумагахъ, основанныхъ на твердой поземельной собственности, то подобный результатъ не можетъ наступить никогда... Не можетъ быть большаго заблужденія, какъ распространенная боязнь чрезмѣрнаго выпуска ассигнацій. Выпускъ ассигнацій представляется единственнымъ средствомъ, съ помощью ко-

тораго вы можете погасить ваши долги, платить вашимъ войскамъ, вести впередъ революцію. Непрерывно погашаемые продажею національныхъ доменъ, эти бумажные знаки не могутъ никогда представить излишекъ, какъ не можетъ сдѣлаться чрезмѣрною атмосферная влажность, которая, осаждаясь, образуетъ ручьи, питаетъ рѣки и наконецъ теряется въ обширномъ пространствѣ океана.» [1])

Въ іюнѣ 1790 г. рыночная цѣна ассигнацій была уже ниже номинальной цѣны. Въ 1791 г. ассигнаціи потеряли треть своей цѣнности. Съ каждымъ новымъ выпускомъ онѣ болѣе и болѣе теряли свою цѣнность и наконецъ къ марту 1796 г. упали до $^1/_{30,000}$ части ихъ номинальной стоимости. Тогда былъ изданъ декретъ, которымъ рыночная цѣнность ассигнацій признавалась за офиціальную и дозволялось принимать звонкую монету по цѣнѣ, опредѣляемой взаимнымъ согласіемъ сторонъ. Тот часъ за изданіемъ декрета монета стала приливать, вексельный курсъ обратился въ пользу Франціи, и металлическое денежное обращеніе было возстановлено.

Не одна Франція была полемъ испытанія теоріи, утверждающей, будто бумажные знаки суть представители товаровъ. Попытки осуществленія этой теоріи мы встрѣчаемъ также въ Англіи и Америкѣ. Эйрскій банкъ, основанный подъ фирмою «Douglas Heron and C°», въ основаніе своей дѣятельности положилъ правило: выпускать билеты на сумму равную стоимости принадлежащей банку земли. Не прошло пяти лѣтъ, какъ учредители банка принуждены были прекратить платежи. Американскіе банки, принявшіе въ 1833 году основаніемъ своей дѣятельности тотъ же принципъ, пришли къ кризису 1837 и 39 годовъ.

---

[1]) Macleod, p. 428.

Двѣ трети американскихъ банковъ прекратили платежи; банкъ Соединенныхъ Штатовъ съ капиталомъ въ 7 милліоновъ фунтовъ стерл. объявилъ себя несостоятельнымъ; акціи его, ходившія въ 1838 г. по 123 долл., упали до 3-хъ долларовъ.

Обезцѣненіе бумагъ, сопровождающее каждый разъ приложеніе вышеупомянутой теоріи къ дѣлу, указываетъ, что въ этой теоріи должна заключаться коренная ошибка. Ло и сторонники его теоріи утверждаютъ, что бумажные знаки, будучи *представителями товаровъ*, могутъ быть поэтому выпускаемы на сумму, равную стоимости представляемаго ими товара. Очевидно, эта доктрина заключаетъ въ себѣ два положенія: 1) бумажные знаки суть представители товаровъ и 2) бумажные знаки могутъ имѣть основаніемъ какъ металлическій фондъ, такъ равно и всякій другой предметъ имѣющій цѣнность. Ясно, что первое положеніе вмѣщаетъ въ себѣ второе, но второе не предполагаетъ непремѣнно перваго; а потому мы не можемъ признать за этими двумя положеніями тожественности, какъ это дѣлаетъ Маклеодъ, и возраженія, приведенныя имъ противъ перваго положенія, не касаются, по нашему мнѣнію, втораго; вслѣдствіе этого мы считаемъ нужнымъ разобрать эти два положенія отдѣльно.

Не трудно представить себѣ тотъ путь, который приводилъ и приводитъ людей къ воззрѣнію на бумажные знаки какъ на представителей цѣннаго предмета, а отсюда къ выводу, что цѣнность бумажныхъ знаковъ опредѣляется стоимостью представляемаго ими имущества. Формальное сходство сужденія съ предметомъ, будучи главною причиною возникновенія подобнаго воззрѣнія, ручалось въ тоже время за быстрое его распространеніе; а катастрофы, сопровождавшія примѣненіе этой доктрины, объяснялись другими причинами. Что не какія-либо по-

сторонніе обстоятельства, а прямое нарушеніе этою доктриною естественныхъ законовъ, управляющихъ цѣнностью бумажныхъ знаковъ, было причиною ихъ обезцѣненія,—въ этомъ мы убѣдимся путемъ анализа денежнаго обращенія.

Звонкая монета, подобно прочимъ товарамъ, покупается и продается, и цѣнность ея опредѣляется тѣми же условіями, какими опредѣляется цѣнность другихъ товаровъ, а именно: постоянно—стоимостью производства, временно—спросомъ и предложеніемъ. Положимъ, что въ странѣ, гдѣ обращается только звонкая монета, сдѣланъ выпускъ бумажныхъ денегъ; тогда, вслѣдствіе увеличившагося количества денежныхъ знаковъ, а слѣдовательно уменьшившагося спроса на монету, звонкая монета понизится въ цѣнѣ и цѣнность золота въ слиткахъ будетъ стоить больше, нежели въ монетѣ, слѣдствіемъ чего будетъ вывозъ монеты заграницу, или переплавка ея въ слитки. Такой ходъ дѣла будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока цѣнность золота въ монетѣ сравняется съ цѣнностью золота въ слиткахъ. Если выпуски бумажныхъ знаковъ продолжаются, то наступитъ время, когда звонкая монета совершенно исчезнетъ изъ обращенія, а бумажные знаки замѣнятъ ея функціи. Исчезновеніе звонкой монеты показываетъ, что рынокъ достаточно насыщенъ бумажными знаками и что всякая новая прибавка къ суммѣ уже обращающихся бумажныхъ знаковъ, увеличивая безъ нужды предложеніе и тѣмъ понижая ихъ цѣнность, вернется обратно въ кассы съ требованіемъ размѣна.

Но представимъ себѣ, что учрежденіе, завѣдующее выпускомъ бумажныхъ денегъ, не имѣя совсѣмъ или почти металлическаго фонда, отказываетъ въ размѣнѣ. Тогда, выпущенный сверхъ надобности, прибавокъ, не имѣя возможности быть обмѣненнымъ на золото, останется въ обращеніи и понизитъ цѣнность бумажныхъ знаковъ. Даль-

нѣйшіе выпуски бумажныхъ знаковъ, дѣйствуя въ томъ же направленіи, могутъ привести цѣнность ихъ до величины произвольной. Итакъ,—цѣнность неразмѣненныхъ бумажныхъ денегъ опредѣляется закономъ *спроса и предложенія*; и теорія, не принимающая во вниманіе этого принципа, непремѣнно впадаетъ въ заблужденіе. Въ упущеніи этого принципа и заключается коренная ошибка теоріи, утверждающей, будто-бы бумажные знаки суть представители товаровъ, а слѣдовательно цѣнность ихъ обусловливается не «спросомъ и предложеніемъ», а убѣжденіемъ въ ихъ обезпеченности. Опытъ французскихъ ассигнацій, обезпеченныхъ землею, очевиднѣйшимъ образомъ опровергаетъ такое воззрѣніе.

Переходимъ ко второму положенію. Второе положеніе можетъ быть выражено въ видѣ слѣдующаго вопроса: возможно ли принять основаніемъ для выпуска бумажныхъ денегъ не благородный металлъ, а какой-либо другой цѣнный предметъ, напримѣръ землю, лѣсъ и пр., съ тѣмъ однако, чтобы размѣръ выпуска ихъ обусловливался не *стоимостью гарантирующаго бумажные знаки предмета*, а потребностями рынка. Приэтомъ извѣстно, что вѣрнѣйшимъ указателемъ потребности рынка служитъ бумажная цѣна золота и серебра. Когда за слитокъ золота, изъ котораго приготовляются 20 фр. монеты, нужно будетъ заплатить, положимъ, 20 фр. 10 сант. бумажными знаками, то это будетъ указывать на излишній выпускъ послѣднихъ; а потому для возстановленія номинальной цѣнности, извѣстное количество ихъ должно быть вынуто изъ обращенія. Что касается до формы выкупа излишняго количества бумажныхъ денегъ, то мнѣнія расходятся. Одни рекомендуютъ давать взамѣнъ возвращаемыхъ бумажныхъ знаковъ тотъ предметъ, которымъ они гарантированы; другіе — размѣнъ ихъ на звонкую монету.

Относительно перваго мнѣнія мы думаемъ, что предложеніе обмѣнивать бумажныя деньги на соотвѣтствующее по цѣнности количество гарантирующаго ихъ предмета найдетъ мало охотниковъ. Спеціальные товары, какъ напримѣръ: лѣсъ, земля, строенія, не заключаютъ въ себѣ тѣхъ выгодныхъ сторонъ, которыми обладаютъ денежные знаки, въ качествѣ всеобщей покупательной силы. Мы думаемъ, что лицо охотнѣе согласится понести нѣкоторую потерю на деньгахъ, чѣмъ обмѣнять ихъ на кусокъ незнакомой и, кромѣ какъ на продажу, ненужной ему земли. Подтвержденіемъ нашему мнѣнію можетъ служить тотъ фактъ, что, несмотря на огромное уменьшеніе цѣнности французскихъ ассигнатовъ, немного являлось охотниковъ, которые соглашались обмѣнять ихъ на земли, предлагаемыя правительствомъ взамѣнъ ассигнатовъ. Итакъ, излишекъ бумажныхъ знаковъ не возвратится назадъ, а слѣдовательно и возстановленіе наминальной цѣнности, составляющее альфу и омегу денежнаго обращенія, не будетъ достигнуто. Что же касается втораго мнѣнія, то оно, признавая необходимость размѣна излишка на звонкую монету, тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о невозможности раціональнаго основанія бумажнаго денежнаго обращенія на какомъ-либо товарѣ за исключеніемъ благородныхъ металловъ. Размѣнность бумажныхъ знаковъ на звонкую монету, будетъ ли постоянною или періодическою, обусловливающеюся излишкомъ снабженія, во всякомъ случаѣ указываетъ, что основаніемъ обращенія служитъ металлическій фондъ, а не другой товаръ. Гарантированіе размѣниваемыхъ на звонкую монету бумажныхъ денегъ какимъ-либо товаромъ можетъ быть полезно въ томъ или другомъ практическомъ случаѣ, но въ теоріи не имѣетъ никакого значенія, а потому планъ ве-

денія бумажно-денежнаго дѣла, предлагаемый вторымъ мнѣніемъ, въ сущности основанъ на металлическомъ фондѣ, а не на гарантирующемъ знаки товарѣ, какъ это полагаютъ его сторонники.

Удерживать номинальную цѣнность бумажныхъ денегъ, при системѣ періодическаго размѣна излишняго количества ихъ на звонкую монету, дѣло не невозможное. Но эта система, не имѣя никакого преимущества предъ системою свободнаго и постояннаго размѣна,—ибо размѣръ фонда, который необходимо держать въ запасѣ для размѣна лишняго количества бумажныхъ знаковъ, едвали можетъ быть меньше фонда, требующагося на удовлетвореніе свободнаго размѣна,—представляетъ однако болѣе сложности и соблазна къ ея нарушенію: «Явное обнаруженіе дурныхъ послѣдствій размноженія бумажекъ послѣдуетъ очень поздно, а голосъ искушенія говоритъ: нѣтъ надобности прибѣгать къ увеличенію налоговъ и къ напраснымъ переговорамъ съ неподатливыми денежными людьми; увеличивъ сумму бумажныхъ денегъ, находящихся въ обращеніи, можно въ короткое время покрыть непридвидимые расходы и осуществить давнія желанія»; [1]) вслѣдствіе этого эта система далеко уступаетъ простой и саморегулирующей системѣ непрерывнаго и свободнаго размѣна.

Изъ сказаннаго нами слѣдуетъ, что единственнымъ раціопальнымъ основаніемъ для бумажныхъ денегъ служатъ благородные металлы, и что постоянный, свободный размѣнъ бумажныхъ денегъ на звонкую монету есть простѣйшее и вѣрнѣйшее средство для удержанія за бумажными деньгами ихъ номинальной стоимости.

---

[1]) Гокъ. Государственное хозяйство. Пер. проф. Бунге, 1865 г., стр. 296.

Разсмотрѣвъ вопросъ о томъ, *что* должно служить основаніемъ бумажныхъ денегъ и какими средствами можетъ быть сохранена ихъ номинальная стоимость, перейдемъ теперь къ изысканію началъ, которыми должны руководиться банки съ цѣлью сохранить стоимость выпускаемыхъ ими бумажныхъ знаковъ.

Для рѣшенія даннаго вопроса, Маклеодъ, слѣдуя индуктивному методу изслѣдованія, представилъ въ своемъ сочиненіи рядъ правилъ, которыми руководствовался Англійскій банкъ въ различное время, а также результаты, полученные отъ принятія въ основаніе банковой дѣятельности того или другаго правила. Разсматривая, такимъ образомъ, банковую дѣятельность за много лѣтъ и видя къ какимъ результатамъ приводила та или другая банковая операція, къ полезнымъ или вреднымъ, къ достиженію ли предположенной цѣли или нѣтъ, Маклеодъ, путемъ опыта, выводитъ и теоретически разъясняетъ тотъ принципъ, который долженъ лечь въ основаніе банковой дѣятельности.

Первый торговый кризисъ, о которомъ имѣются достовѣрныя извѣстія, относится къ 1782 г. По окончаніи войны съ Америкою, сильно расширившаяся внѣшняя торговля вызвала въ Англіи безумныя спекуляціи. Золото быстро отливало изъ банка на покупку заграничныхъ товаровъ. Директоры видѣли, что скоро наступитъ время, когда банкъ будетъ поставленъ въ необходимость прекратить платежи. Съ цѣлью предотвратить такое положеніе дѣлъ, директоры въ маѣ 1783 года рѣшились сократить выпуски билетовъ, пока вексельные курсы не сдѣлаются благопріятными. Въ октябрѣ вексельный курсъ измѣнился въ пользу Англіи —знакъ, что металлъ приливаетъ въ страну—и строгая политика банка была отмѣнена.

По словамъ Босанквета, директоры руководствовались слѣдующимъ правиломъ: пока монета отливаетъ изъ страны,

выпускъ билетовъ долженъ быть по-возможности сокращенъ; когда дѣло принимаетъ обратный ходъ и монета снова начинаетъ идти въ страну, банкъ безъ всякаго риска можетъ расширить выпускъ своихъ билетовъ. Доктрина, принятая директорами, имѣла благодѣтельные результаты; поддержавъ кредитъ, она предупредила банкротства.

Въ періодъ между 1783 и 1792 гг. промышленность Англіи сильно развилась. Возникшія громадныя предпріятія усилили спросъ на денежные знаки и тѣмъ способствовали умноженію числа сельскихъ банковъ, которыхъ къ концу 1792 года насчитывалось около 400. Вслѣдъ за лихорадочнымъ увлеченіемъ начались банкротства; рушились одна за другою нѣсколько обширныхъ спекуляцій, вслѣдствіе чего сто сельскихъ банковъ прекратили платежи. Паника распространилась повсюду; кредитъ былъ потрясенъ и, какъ слѣдствіе, явился большой спросъ на монету. Но достать монету было крайне трудно; никто не хотѣлъ разставаться съ нею, разсчитывая на могущія возникнуть требованія. Вслѣдствіе этого въ англійскій банкъ поступила большая масса векселей съ просьбою объ учетѣ. Что же сдѣлалъ банкъ? Онъ круто сократилъ выпускъ билетовъ и вызвалъ тѣмъ новыя, страшныя банкротства. На требованіе правительства расширить кредитъ банкъ отвѣчалъ отказомъ. Бэрингъ въ своихъ «Observations» сильно порицаетъ политику банка. Когда требованіе изъ банка монеты — говоритъ онъ—имѣетъ цѣлью вывозъ ея заграницу, принятіе крутыхъ мѣръ нетолько полезно, но и необходимо; при требованіи же монеты для удовлетворенія потребностей внутренняго рынка, для спасенія кредита, какъ это было въ данномъ случаѣ, необходима обратная мѣра, т. е. сколь возможно большее распространеніе кредита. Ошибка управлявшихъ

банкомъ еще болѣе усиливается, когда вспомнимъ: 1) что въ скоромъ времени должна была прибыть большая масса благороднаго металла изъ Франціи и 2) готовый примѣръ банковой дѣятельности въ 1783 году, увѣнчавшійся такимъ блистательнымъ успѣхомъ. Министерство, видя такое усиленіе банкротства, предложило Палатѣ Общинъ составить комитетъ для изысканія мѣръ, которыя облегчили бы критическое положеніе страны. Мѣра, выработанная комитетомъ и одобренная экспертами отъ торговаго сословія, заключалась въ выпускѣ билетовъ казначейства на сумму 5,000,000 фунт. стерл. цѣною въ 100, 50 и 25 фунтовъ. По словамъ современниковъ это незначительное пособіе оказало поразительное, по результатамъ, дѣйствіе. Макферсонъ замѣчаетъ, что одинъ слухъ о намѣреніи палаты оказать помощь купечеству возстановилъ кредитъ. Изъ отчета, отданнаго потомъ казначейству, оказывается, что изъ 338 лицъ воспользовавшихся пособіемъ на сумму 3,855,624 фунт. только двое оказались несостоятельными, остальные уплатили всю сумму сполна, а нѣкоторые изъ нихъ еще ранѣе срока. Правительство же получило отъ этой операціи 4,348 фунт. чистой прибыли. Успѣхъ этой мѣры служитъ Бэрингу доказательствомъ нераціональности политики, которой держался банкъ.

Въ доказательство того, какъ вѣрна доктрина, принятая директорами англійскаго банка при кризисѣ 1783 года и защищаемая Бэрингомъ, можно привести поучительный кризисъ 1825 года.

Сильно увеличившійся капиталъ Англіи въ періодъ времени до 1823 года понизилъ процентъ до крайне незначительныхъ размѣровъ. Шотландскіе банки вовсе не давали процента по вкладамъ. Какъ слѣдствіе явилась масса спекуляцій и отливъ металла заграницу. Вексельные курсы обратились противъ Англіи. И вотъ, когда стало

извѣстно, что монета отливаетъ изъ страны, банкъ, вмѣсто того, чтобы сократить выпуски, напротивъ усилилъ ихъ. Въ апрѣлѣ 1825 года количество банковыхъ билетовъ, при фондѣ въ $6^1/_2$ милліоновъ, было на $3^1/_2$ милліона болѣе количества билетовъ въ пору 14-ти милліоннаго металлическаго запаса. Признаки приближающейся грозы заставили банкъ опомниться. Упустивъ время, позволивъ монетѣ уйти заграницу, выпустивъ билетовъ на сумму большую, чѣмъ это позволялъ быстро оскудѣвавшій фондъ, банкъ поставленъ былъ въ необходимость круто повернуть дѣло.—Сокративъ чрезмѣрно, въ маѣ 1825 года, выпуски, онъ вселилъ къ себѣ недовѣріе и тѣмъ усилилъ панику. [1]) Настала осень; требованіе на золото, для вывоза его заграницу, прекратилось; звонкая монета спрашивалась для удовлетворенія потребности внутренняго рынка; но банкъ, не обращая вниманія на измѣнившійся характеръ спроса, упорно продолжалъ держаться строгихъ мѣръ. И вотъ въ ноябрѣ разразился кризисъ, пали нѣсколько сельскихъ банковъ, значительный банкиръ Сити прекратилъ платежи и банкротства, увлекая другъ друга, слѣдовали одно за другимъ. Невозможность держаться строгихъ мѣръ сдѣлалась очевидною и банкъ, въ декабрѣ того же года, началъ щедро производить учеты; въ три дня онъ выпустилъ билетовъ на сумму 5,000,000 фунтовъ и, по отзывамъ современниковъ, только такою смѣлою мѣрою онъ спасъ кредитъ отъ окончательнаго разрушенія.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться въ правильности ученія, устанавливающаго верховнымъ правиломъ банковой дѣятельности слѣдующее положеніе: когда монета отливаетъ изъ страны, учетный процентъ

---

[1]) Сельскіе банки слѣдовали, какъ всегда, политикѣ англійскаго банка.

долженъ быть постепенно повышаемъ,—монета идетъ въ страну, учетный процентъ долженъ быть понижаемъ. Дѣйствительно, какъ интересы банка, такъ и интересы общества требуютъ, чтобы, съ одной стороны, банковые билеты сохраняли постоянно свою номинальную стоимость, съ другой—сколь возможно болѣе предупреждалось развитіе безразсудныхъ спекуляцій, ведущихъ къ бѣдственнымъ для всѣхъ кризисамъ. Та и другая цѣль можетъ быть достигнута только тогда, если банкъ будетъ слѣдовать вышеуказанному правилу. Когда, вслѣдствіе неурожая или другихъ причинъ, ввозъ товаровъ въ страну превышаетъ отпускъ, разница должна быть уплочена звонкою монетою. Монета начинаетъ отливать и металлическій запасъ банка уменьшается. А такъ какъ прочность банка обусловливается извѣстнымъ, практически узнаннымъ, прямымъ соотношеніемъ между количествомъ выпущенныхъ банкомъ билетовъ и размѣрами находящагося у него фонда, то, съ уменьшеніемъ послѣдняго, банкъ необходимо долженъ сократить выпускъ билетовъ, что достигается повышеніемъ учета. — Повышеніе учета ведетъ за собою рядъ желаемыхъ, и въ одномъ направленіи проявляющихся, послѣдствій. Звонкая монета, оплачиваемая теперь большимъ процентомъ, нетолько перестаетъ отливать изъ банковыхъ кассъ, но еще привлекается къ нимъ изъ чужихъ странъ; уменьшеніе кредита принуждаетъ къ продажамъ, отчего цѣны на товары понижаются и становится болѣе выгоднымъ вывозить товары, нежели звонкую монету; кромѣ того понизившіяся цѣны побуждаютъ заграничныхъ купцовъ привозить въ страну монету. Всѣ эти явленія, дѣйствуя въ одномъ направленіи, даютъ банку возможность привести, въ скоромъ времени, учетный процентъ къ нормальному уровню.

Напротивъ, когда монета стремится наводнить страну,

пониженіе учетнаго процента предотвращаетъ чрезмѣрный наплывъ монеты. Такимъ образомъ измѣняющійся учетъ есть предохранительный клапанъ отъ слишкомъ большаго прилива и отлива звонкой монеты, а слѣдовательно и отъ всѣхъ, сопряженныхъ съ такимъ явленіемъ, послѣдствій.

Нарушеніе этого основнаго правила банковой дѣятельности ведетъ къ печальнымъ результатамъ. Не оправдываемый обстоятельствами низкій учетный процентъ, представляя болѣе выгодъ отъ вывоза монеты, нежели товаровъ, лишаетъ страну должной соразмѣрности между ея металлическимъ запасомъ и кредитными знаками, и можетъ довести отливъ монеты до того предѣла, когда билеты сдѣлаются только обѣщаніемъ платежа, а не дѣйствительно оплачиваемыми денежными знаками Послѣдствіями этого будутъ: разрушеніе кредита, застой въ дѣлахъ и частое прекращеніе работъ. Съ другой стороны, неустраненіе излишняго прилива звонкой монеты, своевременнымъ пониженіемъ учета, произведетъ чрезмѣрный наплывъ ея; процентъ падаетъ, лица, живущіе доходомъ съ капитала, легко пристаютъ тогда къ рискованнымъ предпріятіямъ, обѣщающимъ большія прибыли; но скоро промышленныя увлеченія лопаются и страну постигаетъ коммерческій кризисъ.

Какъ ни очевидна польза, получаемая отъ раціональнаго регулированія учетнаго процента, тѣмъ неменѣе операція сокращенія выпусковъ всегда порождаетъ жалобы, послужившія даже поводомъ къ возникновенію цѣлыхъ теорій, требующихъ сохраненія однообразнаго уровня учета. Но предшествующія разсужденія достаточно, кажется, разъясняютъ всю неосновательность подобныхъ жалобъ и ошибочность теорій, предполагающихъ удержать однообразный уровень учета. Столь же ошибочна,

хотя по другимъ основаніямъ, теорія, требующая, чтобы количество билетовъ находилось всегда въ *равномъ* соотвѣтствіи съ количествомъ. содержащейся въ фондахъ банка, монеты. Кризисъ 1839 года, вызванный неудачными мѣрами банковой администраціи, породилъ въ обществѣ мысль о необходимости регламентировать банковую дѣятельность. Лордъ Оверстонъ, Торренсъ, Норманъ, видя корень зла въ предоставленіи банку права на неограниченный выпускъ билетовъ, неудачно пользуясь которымъ онъ только замедляетъ реакцію, неизбѣжно слѣдующую за спекулятивнымъ расширеніемъ кредита и дѣлаетъ ее черезъ это еще болѣе сильною,—предлагали ограничить это право, постановивъ: что количество билетовъ не должно превышать размѣръ металлическаго запаса банка. Это ученіе, названное «денежнымъ принципомъ», нашло большую поддержку въ обществѣ и, послуживъ основаніемъ банковому акту 1844 года, получило силу закона

Актъ 1844 года, стремясь осуществить денежный принципъ, предписываетъ, чтобы размѣръ банковыхъ билетовъ, могущихъ быть выпущенными въ обмѣнъ векселей, не превышалъ 14,000,000 фунт. стерл., обезпеченныхъ публичными фондами Билеты сверхъ этой суммы должны быть выпускаемы не иначе, какъ въ обмѣнъ на золото и серебро.

Разсматривая эти постановленія оказывается, что цѣль, которую стремились осуществить составители акта: уровнять количество билетовъ съ количествомъ металлическаго фонда—не была достигнута; что денежный принципъ, во имя котораго издавался актъ, былъ нарушенъ самими составителями акта. Публичные фонды, обезпечивающіе обращеніе банковыхъ билетовъ на сумму 14-ти милліоновъ фунт. стерл., были куплены на звонкую монету, которая осталась въ обращеніи. Отсюда — 14,000,000 билетовъ

представляли не замѣну монеты, а добавочное количество денежныхъ знаковъ къ находящейся въ обращеніи звонкой монетѣ. Итакъ составители акта, издавъ постановленіе, дозволявшее банку выпускъ билетовъ на сумму 14-ти милліоновъ фунт. подъ обезпеченіе публичными фондами, тѣмъ самымъ нарушили защищаемый ими денежный принципъ. Далѣе—банкъ, независимо отъ выдаваемыхъ имъ по вкладамъ билетовъ, имѣетъ возможность выдавать и чеки; чеки же, какъ было показано въ предшествующихъ разсужденіяхъ о банковыхъ операціяхъ, суть ничто иное, какъ измѣнившіе форму банковые билеты. Такимъ образомъ сумма банковыхъ обязательствъ можетъ значительно превышать сумму вкладовъ банка, что, очевидно, составляетъ нарушеніе денежнаго принципа. Предотвратить такое нарушеніе возможно только посредствомъ запрещенія выпуска чековъ; но подобное запрещеніе равносильно окончательному уничтоженію современной банковой дѣятельности; оно обращаетъ банкъ въ простое учрежденіе, размѣнивающее билеты на звонкую монету и звонкую монету на билеты. Прототипомъ такого учрежденія служитъ Венеціанскій банкъ въ эпоху возникновенія бумажныхъ денегъ. Онъ принималъ слитки на храненіе и выдавалъ по нимъ билеты, которые по первому требованію долженъ былъ снова обмѣнять на металлъ. Строго осуществляя денежный принципъ, онъ былъ чуждъ самостоятельныхъ операцій, и представлялъ собою ничто другое, какъ размѣнную контору.

Защитники денежнаго принципа, чтобы оставаться послѣдовательными, должны быть также защитниками уничтоженія банковой дѣятельности, ибо денежный принципъ и банковая дѣятельность суть предметы не совмѣстимые.

Но если актъ 1844 года и не въ состояніи былъ вполнѣ осуществить денежный принципъ, тѣмъ неменѣе нель-

зя отрицать, что онъ, установивъ предѣлъ выпуску билетовъ, стѣснилъ тѣмъ нѣсколько свободу банка; что, по мнѣнію скромныхъ защитниковъ акта, составляетъ важное, хотя и единственное, его достоинство. Банкъ, говорятъ они, будучи лишенъ права на произвольный выпускъ билетовъ, не будетъ болѣе поддерживать спекулятивное расширеніе кредита; спекуялція, уменьшаемая въ объемѣ, сократится и по времени; спекулянты, не поддерживаемые новыми выпусками билетовъ, будутъ поставлены въ необходимость привести свои товары на рынокъ, вслѣдствіе чего цѣны упадутъ и явится выгода вывозить вмѣсто монеты товары; отливъ монеты остановится, банкъ избѣгнетъ необходимости принимать крутыя мѣры и солидная торговля будетъ спасена отъ катастрофы. Всѣ эти соображенія были бы справедливы, еслибы актъ, ограничивая выпускъ билетовъ во время расширенія спекулятивнаго кредита, не поражалъ вмѣстѣ съ тѣмъ нормальнаго кредита. Дѣло въ томъ, что когда катастрофа наступила, кредитъ становится слишкомъ малъ и билеты спрашиваются тогда не для расширенія кредита, а для замѣщенія уничтоженнаго кредита и поддержанія солидныхъ Фирмъ; отказъ въ это время въ учетѣ влечетъ за собою окончательное разрушеніе кредита и разореніе совсѣмъ не повинныхъ въ спекуляціи людей. Вспомнимъ, до какого критическаго положенія были доведены торговыя дѣла Англіи въ 1825 году вслѣдствіе того, что, несмотря на разразившуюся уже спекулятивную катастрофу, банкъ упорно продолжалъ отказывать въ расширеніи учета и только смѣлая затѣмъ рѣшимость выпустить 5,000,000 фунт. билетами спасла Англію отъ окончательнаго разрушенія кредита.

1847 годъ былъ годомъ испытанія банковаго акта. Весною пшеница стояла по 131 шилл. за квартеръ, почему были сдѣланы большіе заказы хлѣба на заграничномъ

рынкѣ. Сильный подвозъ хлѣба, соединенный съ хорошимъ урожаемъ картофеля, понизилъ цѣну на пшеницу до 49 шилл. 6 пенс. Произошли страшныя банкротства; кредитъ былъ потрясенъ, но банкъ, стѣсняемый закономъ, не могъ предпринять ничего для облегченія положенія. Кризисъ усиливался. Депутація за депутаціею являлись къ Министерству съ просьбою отмѣнить банковый актъ. Наконецъ 23 октября Министерство рѣшилось пріостановить дѣйствіе закона и дозволило банку выпускъ билетовъ сверхъ опредѣленной актомъ суммы. Лишь только министерское распоряженіе явилось въ печати, какъ паника исчезла. Распространившееся убѣжденіе, что билеты могутъ быть получаемы изъ банка безъ затрудненія, тотчасъ вызвало появленіе массы билетовъ, хранившихся до сихъ поръ въ конторахъ для удовлетворенія могущихъ возникнуть платежей, а потому весь выпускъ банковыхъ билетовъ ограничился 400,000 ф. стерл.

Такимъ образомъ, въ то время, когда весь кредитъ Англіи былъ на пути къ окончательному разрушенію, 400 тыс. фунт. стерл. было достаточно, чтобы возстановить его. Здѣсь блистательнымъ образомъ оправдались слѣдующія слова Торнтона: строгое выполненіе правила, предписывающаго съ уменьшеніемъ металлическаго фонда уменьшать соразмѣрно количество банковыхъ билетовъ, неминуемо должно привести къ всеобщему банкротству.

Разсмотрѣвъ сущность банковаго акта, мы приходимъ къ заключенію, что та единственная выгода, которую выставляютъ на видъ его защитники: ограниченіе спекуляціоннаго расширенія кредита,—покупается дорогою цѣною. Уменьшая размѣръ спекуляціонной катастрофы, актъ порождаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ катастрофу солидныхъ фирмъ. Уже одного этого достаточно, чтобы теорія, по которой строился банковый актъ 1844 года, была отвергнута и замѣнена

другою, которая, заключая въ себѣ выгодныя стороны акта, чужда въ тоже время его недостатковъ. Сущность этой истинной теоріи, какъ уже было объяснено, заключается въ раціональномъ регулированіи учетнымъ процентомъ, причемъ повышеніе или пониженіе процента должно обусловливаться характеромъ спроса. Когда банковые билеты спрашиваются съ цѣлью расширенія спекуляцій или вывоза монеты, учетный процентъ долженъ быть повышенъ; когда же монета идетъ въ страну, а также если спросъ на билеты вызывается потребностями внутренняго рынка— процентъ долженъ быть пониженъ. *Въ искусномъ установленіи размѣра учетнаго процента заключается вся сущность банковой дѣятельности.* [1])

---

[1]) Такой же взглядъ, на задачу банковой дѣятельности, высказанъ въ извѣстномъ сочиненіи Карла Фонъ-Гока — Государственное хозяйство (переводъ Проф Бунге, 1865 г.) Разсматривая законы англійскій 19 іюля 1844 г., французскій 16 января 1808 г, австрійскій 6 января 1863 г. и піемонтскій 6 ноября 1856 г, изданные съ цѣлью регламентировать дѣятельность банковъ, Гокъ приходитъ къ выводу, что регламентація — наблюденіе со стороны государства за банковыми операціями, вліяніе государства на послѣднія — несовмѣстна съ сущностью банка. Неопредѣленный и условный характеръ правилъ, опредѣляющихъ банковую дѣятельность, никуда не пригоденъ, а строгое формулированіе ихъ было бы зломъ. *Операціи банка должны быть основаны на изслѣдованіи явленій, представляемыхъ, въ данное время, обращеніемъ* Когда оборотный капиталъ слишкомъ быстро превращается въ постоянный, когда кредитъ оказывается и получается слишкомъ легко, когда на рынкѣ является множество векселей, которые не составляютъ результата сдѣлокъ, а относятся къ скрытымъ займамъ, когда непроданные товары накопляются при высокихъ цѣнахъ; тогда разгоряченное воображеніе начинаетъ господствовать на рынкѣ—дѣятельность становится лихорадочною—и предстоитъ реакція, а съ нею и потрясеніе кредита Банкъ, ради собственной своей безопасности, не долженъ поддерживать подобнаго хода дѣлъ, потому что многіе, кажущіеся вѣрными должниками, вслѣд-

§ 6.

Вексельные курсы.

Среди другихъ признаковъ, служащихъ банку для установленія имъ размѣра учетнаго процента, положеніе вексельнаго курса занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Эта зависимость между вексельнымъ курсомъ и учетнымъ процентомъ сдѣлается совершенно ясною, когда мы разсмотримъ причины, вліяющія на измѣненіе вексельнаго курса, или, что тоже, на измѣненіе размѣра, въ которомъ обмѣниваются денежные знаки двухъ или болѣе различныхъ государствъ.

сгвіе реакціи, сдѣлаются несостоятельными; многіе изъ ненуждавшихся вовсе, или нуждавшихся въ малой мѣрѣ въ банковомъ кредитѣ, обратятся къ банку съ просьбами; многіе, которые кредитуютъ банкъ, будутъ сами нуждаться въ деньгахъ. Поэтому банку слѣдуетъ во время возвысить процентъ на капиталы, которые раздаются имъ въ заемъ, выдавать ссуды по процентнымъ бумагамъ, принимая ихъ гораздо ниже противъ биржеваго курса, чѣмъ въ обыкновенное время, наконецъ быть строже при учетѣ векселей. Если жатва была дурна, если привозъ товаровъ изъ-за границы быть необычайно великъ, такъ что онъ не можетъ быть въ короткое время уравновѣшенъ равнозначительнымъ отпускомъ, если государству приходится платить

Количество металла, содержащееся въ монетѣ, опредѣляя ея цѣнность, опредѣляетъ также ея отношеніе къ монетѣ другихъ государствъ. Такъ соверенъ, заключающій въ себѣ на $^1/_4$ часть золота болѣе, чѣмъ наполеонъ, требуетъ, при размѣнѣ его на послѣдній, одного съ четвертью наполеона, или, что тоже, 25 франковъ. Такое отношеніе соверена къ наполеону называется курсовымъ равенствомъ; слѣдовательно подъ мѣновымъ курсомъ пари понимается такое отношеніе монетъ, когда размѣръ, въ которомъ обмѣниваются монеты двухъ различныхъ государствъ, опредѣляется исключительно установленнымъ для каждой монеты количествомъ металла. Знаніе мѣноваго курса пари служитъ намъ исходнымъ пунктомъ при опредѣленіи повышенія и пониженія вексельнаго курса.

Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ причинъ, нарушающихъ курсъ пари, есть потеря монетою нѣкоторой части изъ содержавшагося въ ней количества металла. Выполняя, продолжительное время, свое назначеніе, монета, вслѣдствіе тренія, постоянно уменьшается въ вѣсѣ и, при

большія субсидіи, или дань, другимъ государствамъ, или если вспыхнула война, которая потребуетъ вывоза большихъ суммъ заграницу, то можно предвидѣть отливъ благородныхъ металловъ, и, для пополненія пустоты, банкъ долженъ возвысить процентъ по занимаемымъ имъ капиталамъ—обратить часть ихъ на покупку драгоцѣнныхъ металловъ, а если нужно, то пріобрѣтать векселя на болѣе короткіе сроки и выдавать ссуды на такіе же короткіе сроки.

Банкъ, который дѣйствуетъ такимъ образомъ, даже тогда, когда кризисъ наступаетъ, цѣны падаютъ, потери ростутъ, могущественные дома рушатся, страхъ и недовѣріе овладѣваютъ духомъ,—будетъ, по общему правилу, стоять непоколебимо, съ готовностью и средствами дать помощь, расширить и продолжить кредитъ (нѣкогда въ извѣстной степени ограниченный) тѣмъ, которые оказались достойными довѣрія, оживить духъ, облегчить и приготовить переходъ, соединенный съ тяжкими жертвами, къ лучшему будущему. § 40.

небрежности со стороны правительства, такое уменьшеніе вѣса монеты можетъ дойти до чувствительныхъ размѣровъ. Такъ напримѣръ, не далѣе какъ въ 1816 году значительная часть англійской монеты представляла тонкіе серебряные кружки, на которыхъ нельзя было даже различить клейма или знака и вѣсившіе наполовину меньше противъ установленнаго для монеты вѣса. Если такая, видимо потерявшая надлежащій вѣсъ, монета обращается на внутреннихъ рынкахъ, благодаря силѣ привычки, по своей нарицательной цѣнѣ, то, при сношеніяхъ съ иностранцами, она ни въ какомъ случаѣ не будетъ цѣниться больше, какъ соразмѣрно содержащемуся въ ней количеству металла. Поэтому истертый, обрѣзанный и вообще уменьшившійся въ вѣсѣ соверенъ, будучи привезенъ во Францію, будетъ обмѣниваться не на 25 фр., а меньше, и настолько меньше, насколько потерялъ вѣса. Въ этомъ случаѣ говорятъ: англійскій вексельный курсъ подвергся паденію, или—курсъ неблагопріятенъ для Англіи.— Очевидно, что возстановленіе курса, упавшаго вслѣдствіе порчи монеты, можетъ быть произведено только замѣною испорченной монеты монетою, имѣющею законный вѣсъ и качество.

Когда, рядомъ съ монетою испорченною, выпускается монета полновѣсная, цѣна товаровъ будетъ двоякая, смотря по тому, на какую монету они покупаются, причемъ, натурально, полновѣсная монета будетъ покупать товаровъ болѣе, нежели обезцѣнившаяся. Но если въ это время будетъ изданъ законъ, запрещающій дѣлать различіе между обезцѣнившеюся и полновѣсною монетою, послѣдняя тотчасъ будетъ скуплена и отвезена заграницу или перелита въ слитки и такимъ образомъ исчезнетъ изъ обращенія; совмѣстно съ этимъ прекратится ввозъ монеты изъ-за границы. Повышеніе цѣнъ на товары явится какъ

прямое слѣдствіе обезцѣненія монеты, ибо люди, продающіе товары, необходимо желаютъ получить взамѣнъ ихъ соразмѣрное по цѣнности количество металла. Покупательная сила лицъ, живущихъ жалованьемъ, уменьшается. Истинный смыслъ обязательствъ, заключенныхъ до изданія указа, исказится во вредъ кредиторамъ. Наилучшимъ средствомъ для устраненія всѣхъ этихъ явленій служитъ, какъ мы уже сказали, замѣна обезцѣнившейся монеты полновѣсною; въ случаѣ же если правительство не въ силахъ принять такую мѣру, то благоразуміе предписываетъ поощрять всѣми силами различеніе этихъ двухъ сортовъ монеты, а отнюдь не запрещать его.

Тѣ же явленія, какія вытекаютъ изъ обезцѣненія монеты, сопровождаютъ также выпускъ неразмѣнныхъ бумажныхъ знаковъ. Пока бумажныя деньги размѣниваются, онѣ не могутъ потерять своей цѣнности, ибо въ замѣнъ ихъ всегда можетъ быть вытребовано золото; но когда размѣнность бумажныхъ знаковъ отмѣняется, то цѣнность ихъ обусловливается тѣмъ же закономъ, какимъ опредѣляется временная цѣнность золотой и серебряной монеты, т. е. отношеніемъ количества бумажныхъ знаковъ къ обращаемымъ ими товарамъ. Когда, вслѣдствіе переполненія рынка золотою и серебряною монетою, монета падаетъ въ цѣнѣ, т. е. золото въ слиткѣ цѣнится дороже золота въ монетѣ, цѣлительное средство противъ этого заключается въ ней самой: монета, обладая внутреннею цѣнностью, начинаетъ тотчасъ переливаться въ слитки или уходитъ заграницу и это продолжается до тѣхъ поръ, пока монетная цѣна золота сравняется со слиточною цѣною. Бумажные знаки не имѣютъ внутренней цѣнности, а потому, при неразмѣнности, стоимость ихъ зависитъ исключительно отъ ихъ количества. Опредѣлить нормальное количество бумажныхъ знаковъ, какимъ-либо постояннымъ чис-

ломъ, невозможно; оно опредѣляется данными времени и мѣста. Средствомъ же, показывающимъ, что данная страна уже достаточно насыщена бумажными знаками, служитъ бумажная цѣна монеты. Если слѣдствіемъ выпусковъ бумажныхъ денегъ явилось возвышеніе цѣны монеты надъ бумажными знаками, такъ что пріобрѣсть золотой фунтъ стерл. уже нельзя на бумажный фунтъ стерл., а необходимо прибавить еще, положимъ, 6 пенс., то это будетъ признакомъ, что находящіеся въ обращеніи бумажные знаки превышаютъ потребности мѣновыхъ сношеній, и что если желаютъ удержать за бумажными знаками ихъ номинальный курсъ, то нетолько всякій дальнѣйшій выпускъ ихъ долженъ быть пріостановленъ, но и излишнее количество должно быть вынуто изъ обращенія. Нарушеніе этого правила, сопровождающее всегда неразмѣнность бумажныхъ знаковъ, ведетъ къ обезцѣненію ихъ, а слѣдовательно и къ паденію иностраннаго вексельнаго курса.

Когда бумажныя деньги обезцѣнены, единственное средство для возвращенія имъ нарицательной цѣны и возстановленія курса заключается въ изъятіи изъ обращенія излишняго количества знаковъ; если же, за недостаткомъ металла, такая мѣра не можетъ быть принята, то наилучшее что можно сдѣлать, — способствовать различенію монеты отъ бумажныхъ знаковъ, такъ чтобы послѣдніе принимались не по узаконенной, а по рыночной цѣнѣ. Только такимъ путемъ можно удержать монету въ странѣ и не заградить путь приливу монеты изъ-за границы.

Курсъ, обусловливающійся состояніемъ денежныхъ знаковъ въ странѣ, называется номинальнымъ курсомъ, тотъ же, который опредѣляется балансомъ обмѣна товаровъ между государствами, — дѣйствительнымъ курсомъ.

Дѣйствительный курсъ измѣняется соразмѣрно коли-

честву монеты, долженствующему быть уплоченнымъ или полученнымъ страною—какъ результату внѣшнихъ мѣновыхъ сдѣлокъ страны. — Главнѣйшею причиною, обусловливающею размѣры обмѣна между двумя государствами, а слѣдовательно опредѣляющею, какое изъ нихъ въ результатѣ должно будетъ заплатить звонкою монетою за излишекъ, остающійся отъ обмѣна продуктовъ, является цѣна на товары. Если, положимъ, цѣны во Франціи низки, а на иностранныхъ рынкахъ высоки, купцы устремятся покупать товары во Франціи съ цѣлью продать ихъ выгодно на внѣшнихъ рынкахъ; такимъ образомъ вывозъ товаровъ изъ Франціи будетъ очень великъ; по той же причинѣ, т. е. по причинѣ низкихъ цѣнъ на продукты, ввозъ въ нее будетъ незначителенъ, ибо немногочисленнен остается тотъ классъ товаровъ, который, будучи привезенъ во Францію, можетъ принести прибыль. Отпускъ товаровъ значительно превыситъ, въ данномъ случаѣ, привозъ; излишекъ отпуска, уплачиваемый звонкою монетою, поведетъ за собою приливъ металла во Францію. Напротивъ, ввозъ товаровъ превышаетъ вывозъ, когда въ странѣ, вслѣдствіе неурожая или другой причины, возникаетъ неотвратимая потребность въ большомъ количествѣ иностраннаго продукта и въ то же время цѣны на туземные товары столь высоки, или внѣшніе рынки столь достаточно снабжены ими, что они не могутъ быть отданы въ обмѣнъ за ввезенный продуктъ. Излишекъ ввоза, долженствующій быть уплоченнымъ звонкою монетою, произведетъ отливъ металла изъ страны.

Необходимость уплатить звонкою монетою за излишекъ ввоза не всегда сопровождается дѣйствительною пересылкою монеты. — Пересылка монеты имѣетъ мѣсто только при значительной разницѣ между ввозомъ и вывозомъ товаровъ; во всѣхъ другихъ случаяхъ монета не пойдетъ

изъ страны и все дѣло кончится простымъ учетомъ векселей той страны, у которой оказался излишекъ ввоза. Положимъ въ то время, когда парижскіе купцы обязаны заплатить за товары петербургскимъ купцамъ сумму 100,200 импер., эти послѣдніе должны въ свою очередь послать въ Парижъ 100,000 импер.—Съ цѣлью избавиться отъ пересылки, парижскіе дебиторы петербургскихъ купцовъ предложатъ лицамъ, имѣющимъ векселя на Петербургъ, не угодно ли имъ получить отъ нихъ уплату по векселю. То же самое предложатъ дебиторы Парижа въ Петербургѣ. Но Парижъ, ожидая получить изъ Петербурга 100,000 импер., самъ въ тоже время долженъ послать туда 100,200 импер., слѣдовательно спросъ въ Парижѣ векселей на Петербургъ превыситъ ихъ предложеніе, а потому за нихъ будутъ платить нѣсколько выше ихъ номинальной стоимости, или, выражаясь коммерческимъ языкомъ, векселя на Петербургъ будутъ продаваться съ премію.

Предѣломъ величины этой преміи служатъ расходы на пересылку монеты; *когда соперничество покупщиковъ заставляетъ премію подняться выше стоимости расходовъ на пересылку монеты, монета начинаетъ пересылаться.*—Благопріятность или неблагопріятность дѣйствительнаго вексельнаго курса для страны выражается тѣмъ, продаются ли векселя этой страны съ премію или съ учетомъ. Уровень преміи есть уровень дѣйствительнаго вексельнаго курса.—Отсюда благопріятный курсъ показываетъ, что монета стремится идти въ страну, неблагопріятный—обратное. Въ дѣйствительности же монета не пойдетъ изъ страны до тѣхъ поръ, пока разность курса не будетъ превышать издержекъ на пересылку монеты.

Такъ какъ отыскиваніе лицъ, владѣющихъ векселями на иностранные рынки, требовало большой потери време-

ни, то явился особый классъ людей скупающихъ и продающихъ векселя по цѣнѣ, устанавливающейся на биржѣ.

Когда страна, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, принуждена сдѣлать бо́льшія, противъ обыкновеннаго, закупки иностраннаго продукта и произвести тѣмъ значительный отливъ монеты, то такое нарушеніе обычнаго хода дѣлъ заключаетъ въ самомъ себѣ средства къ возстановленію промышленнаго порядка. Вслѣдъ за исчезновеніемъ массы звонкой монеты цѣны на товары понижаются, что привлекаетъ иностранныхъ купцовъ производить здѣсь закупки и дѣлать заказы, слѣдовательно увеличивать вывозъ товаровъ; ввозъ же продукта, по причинѣ низкихъ цѣнъ, не можетъ быть значителенъ, а потому всѣ данныя за то, что звонкая монета пойдетъ обратно въ страну, въ уплату за излишекъ вывоза.

Неурожаи сороковыхъ годовъ, побудившіе Англію сдѣлать большія закупки хлѣба въ Америкѣ, повели за собою отплывъ изъ Англіи монеты. Цѣны въ Англіи понизились, въ Америкѣ возросли, вслѣдствіе этого послѣдняя сдѣлала большіе заказы на англійскихъ мануфактурахъ; въ непродолжительное время вексельные курсы стали благопріятны для Англіи и вывезенная, въ уплату за хлѣбъ, монета вернулась въ уплату за мануфактурные товары.

Изъ предыдущихъ разсужденій слѣдуетъ, что есть двѣ причины, вліяющія на уровень вексельнаго курса. Одна—состояніе денежныхъ знаковъ; другая—сравнительные переводы монеты. Эти причины могутъ дѣйствовать въ одномъ или въ различныхъ направленіяхъ, и видоизмѣненіемъ ихъ опредѣляется уровень вексельнаго курса. Паденіе дѣйствительнаго курса, какъ было показано выше, не можетъ перейти извѣстнаго предѣла — издержекъ на пересылку монеты; паденіе же номинальнаго курса, являющееся результатомъ обезцѣненія денежныхъ знаковъ, мо-

жетъ дойти до нуля. Отсюда слѣдуетъ несомнѣнной истинности выводъ: *если иностранный вексельный курсъ упалъ ниже предѣла, опредѣляющагося издержками на пересылку монеты, то это служитъ несомнѣннымъ признакомъ обезцѣненія денежныхъ знаковъ.*

§ 7.

Заключеніе

Мы кончили. Изъ характера оцѣнки, сдѣланной нами при изслѣдованіи каждой доктрины порознь, самъ собою вытекаетъ взглядъ на значеніе экономической теоріи Маклеода. Ограничивая политическую экономію, вопреки научнымъ требованіямъ, изслѣдованіемъ законовъ управляющихъ обмѣномъ, шотландскій экономистъ написалъ не «Основанія науки политической экономіи» (какъ онъ думаетъ), а «основанія мѣны». Трудъ его не обнимаетъ собою экономическую сферу жизни общества, какъ нѣчто цѣлое, а только одну сторону этой жизни, именно: мѣновыя сдѣлки между людьми. Заключенная въ такія рамки, экономическая теорія Маклеода принуждена отказаться отъ того живаго, каждой соціальной наукѣ присущаго элемента, который составляетъ силу и смыслъ науки, ибо чрезъ него, главнымъ образомъ, наука способствуетъ прогрессу общества. Этотъ элементъ—ничто иное, какъ критическое изслѣдованіе культуры, при свѣтѣ верховнаго принципа, единаго для соціальной науки вообще и спеціализирующагося для каждой отдѣльной вѣтви ея. Сообразно

характеру явленій, которыми занимается наука политическая экономія, верховный принципъ ея есть матеріальное благосостояніе общества.

Экономической теоріи Маклеода чужда оцѣнка современной промышленной культуры европейскихъ обществъ; и это не потому, чтобы шотландскій экономистъ не желалъ дать ей мѣсто въ своемъ трудѣ, — онъ не могъ ввести ее, какъ только ограничитъ политическую экономію обмѣномъ. Формы обмѣна суть необходимыя слѣдствія многихъ другихъ экономическихъ факторовъ, отъ которыхъ онѣ зависятъ, которыми онѣ опредѣляются. Маклеодъ, безъ сомнѣнія, хорошо сознавалъ эту зависимость, а потому видѣлъ, что всесторонняя оцѣнка мѣновыхъ явленій приведетъ его къ разсмотрѣнію такихъ экономическихъ вопросовъ, которые выходятъ изъ принятыхъ имъ для политической экономіи предѣловъ Вмѣсто того, чтобы увидѣть въ этой коллизіи несостоятельность принятаго имъ взгляда на задачу науки, Маклеодъ разрѣшилъ это противорѣчіе тѣмъ, что исключилъ изъ своего изслѣдованія *оцѣнку* экономическихъ законовъ. Такимъ образомъ, теорія шотландскаго экономиста ограничивается догматическимъ изложеніемъ законовъ, управляющихъ обмѣномъ.

При такомъ ограниченіи политической экономіи кореннымъ вопросомъ ея становится вопросъ объ отысканіи нормы, регулирующей мѣновыя сдѣлки. Маклеодъ видитъ эту норму въ «спросѣ и предложеніи», какъ законѣ, имѣющемъ всеобщность и абсолютность.

Изъ изслѣдованія нашего видны основанія, не дозволяющія намъ признать подобное разрѣшеніе вопроса правильнымъ. Мы старались показать, что «спросъ и предложеніе» нетолько не исключительная, но даже и не важнѣйшая норма обмѣна,—она, какъ по объему дѣйствія, такъ и по задаткамъ къ дальнѣйшему развитію, далеко

уступаетъ другой нормѣ, а именно: «стоимости издержекъ производства».

Разногласіе съ Маклеодомъ по коренному вопросу его экономической теоріи обусловливаетъ противоположность взглядовъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда объясненіе явленій, съ точки зрѣнія установленнаго имъ закона мѣны, не можетъ быть допущено. Усилія доказать всеобщность закона «спроса и предложенія» и приложеніе его къ объясненію мѣновыхъ явленій составляютъ первую характерную сторону экономической теоріи Маклеода.

Второю стороною ея является кредитная теорія. Кредитная теорія Маклеода представляетъ наиболѣе оригинальную часть его труда; едвали не ей, главнымъ образомъ, онъ обязанъ своею извѣстностью: она вызвала наиболѣе похвалъ и возраженій. Вникая въ смыслъ этой теоріи, мы были поставлены въ крайнее недоумѣніе: какимъ образомъ доктрина, основанная на *очевидныхъ* ошибкахъ, могла пріобрѣсть послѣдователей. Но это самое обстоятельство заставило насъ посвятить изслѣдованію кредитной теоріи болѣе времени нежели она этого заслуживала. Мы ровѣряли ее различными путями, и, послѣ тщательнаго анализа, пришли, на основаніи представленныхъ въ нашемъ изслѣдованіи соображеній, къ убѣжденію, что кредитная теорія Маклеода есть плодъ крайняго заблужденія. Мы старались уяснить себѣ причины, по которымъ это ученіе, несмотря на очевидную его ошибочность, могло тѣмъ неменѣе пріобрѣсть успѣхъ. Первая и важнѣйшая причина заключается, по нашему мнѣнію, въ сложности и запутанности кредитныхъ операцій; вторая же объясняется личными силами шотландскаго экономиста: гибкость ума, тонкіе діалектическіе пріемы, умѣнье освѣтить факты, употребить въ дѣло весь запасъ свѣдѣній—

составляютъ счастливыя и вмѣстѣ съ тѣмъ сильныя средства Маклеода.

Анализъ началъ банковой дѣятельности, составляетъ третью и, по нашему мнѣнію, самую существенную часть труда Маклеода. Близкое знакомство съ дѣломъ, вмѣстѣ съ правильно примѣненной къ изслѣдованію банковыхъ вопросовъ индукціею, служитъ автору, съ одной стороны—къ указанію сущности заблужденія нѣкоторыхъ, сильно распространенныхъ, банковыхъ теорій, а также различныхъ правилъ, которыми уководствовался англійскій банкъ; съ другой—къ построенію простой и раціональной теоріи, принятіе которой рулемъ банковой дѣятельности можетъ послужить вѣрнѣйшимъ средствомъ къ облегченію коммерческихъ и предотвращенію банковыхъ кризисовъ.

Итакъ, признавая, что трудъ Маклеода по вопросу о банковыхъ операціяхъ оказываетъ дѣйствительную услугу экономической наукѣ, мы въ тоже время не можемъ не выразить убѣжденіе, что окончательнымъ результатомъ методической оцѣнки остальной части экономической теоріи Маклеода,—заключающей въ себѣ разсужденія о предѣлахъ политической экономіи, о мѣновой нормѣ, объ основномъ свойствѣ денегъ и вытекающей отсюда классификаціи денегъ, о капиталѣ и наконецъ о созданіи кредитомъ продуктовъ,—окончательнымъ результатомъ, говоримъ мы, будетъ устраненіе ея изъ науки.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I.

Политическая Экономія не можетъ быть ограничиваема теоріей обмѣна.

II.

Отношеніе спроса къ предложенію не можетъ быть принято за всеобщую норму обмѣна.

III.

Коренное положеніе мальтусіанизма, заключающееся въ томъ, что въ силу законовъ природы народонаселеніе возрастаетъ быстрѣе запаса пищи,—не состоятельно.

IV.

Банковые билеты, чеки, векселя, записи въ торговыя книги и вообще всѣ матеріальные знаки, которые обращаютъ товары, слѣдуетъ разсматривать какъ деньги.

V.

Деньги—не капиталъ.

VI.

Кредитные знаки не представляютъ имущество.

VII.

Благородный металлъ есть единственное истинное основаніе для бумажнаго денежнаго обращенія.

VIII.

Банкъ долженъ пользоваться полною свободою касательно выпуска своихъ билетовъ.

IX.

Въ видахъ сохраненія номинальной стоимости банковыхъ билетовъ и предупрежденія спекуляцій необходимо, чтобы дисконтные банки приняли основаніемъ своихъ операцій слѣдующее правило: когда монета отливаетъ изъ страны— учетный процентъ долженъ быть постепенно повышаемъ, монета идетъ въ страну — учетный процентъ долженъ быть понижаемъ.

X.

Интересы торговли требуютъ, чтобы банкъ расширялъ выпуски билетовъ, когда билеты его спрашиваются для замѣщенія, уничтоженнаго коммерческою катастрофою, кредита.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ